

МЕМОРИИ

М.Г. Матлин:
«ЖИЛ-БЫЛ Я...»

Ульяновск
2025

ББК 84(2Рос=Рус) 6
УДК 82
М495

М495 Мемории. М.Г. Матлин: «Жил был я...» / Сост.
С.И. Матлина. – Ульяновск: Издатель Качалин
Александр Васильевич, 2025. – 296 с.

ISBN 978-5-6053280-8-7

Редактор-составитель С.Матлина.

Редактор-оформитель А. Тарасова.

Фото на обложке И. Павлова (Ждамирово, Сурский район,
ФЭ-2007, 30.07.2007)

В данной книге собраны воспоминания разных людей, которые близко знали Михаила Матлина и работали с ним. Это живой калейдоскоп лиц, разговоров, историй... Главная задача этого издания – показать Михаила Гершеновича живым, ведь даже когда заканчивается жизнь, остается память...

Крупный Ученый, ведущий фольклорист области, доктор наук, этнограф, режиссер-постановщик народных праздников и фестивалей, прирожденный педагог – с его аналитическим умом он мог бы стать хорошим военным, врачом, юристом, по мнению многих.

Однако вся его жизнь была связана с родным педуниверситетом, с преподавательской деятельностью на кафедре русского языка и литературы. Его называли человеком энциклопедических знаний. Гением.

Книга раскрывает легенду о самоотверженном фольклористе. В ней, как во многих зеркалах, отражается живой образ М.Г. Матлина через воспоминания разных людей.

ББК 84(2Рос=Рус) 6
УДК 82

ISBN 978-5-6053280-8-7

© М.Г. Матлин, наследники, 2025.

Мы глубоко признательны всем приславшим свои воспоминания о Михаиле Гершионовиче Матлине, особенно Нелли Александровне Орловой за ее активную поддержку в создании этой книги. Также благодарим руководителя издательско-полиграфического центра «Гарт» Александра Качалина, который превратил нашу рукопись в книгу, за его высокий профессионализм и отзывчивость. Неоценимую помощь оказал для издания мемуаров председатель Ульяновского областного отделения Русского географического общества Дмитрий Викторович Травкин, человек редкостной отзывчивости души и деятельности. Сердечная ему благодарность.

Светлана и Анисия.

*Сухой Карсун, Карсунский район, ФЭ-2004, 21.07.2004
Фотография И. Павлова*

Глава первая

ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРИСТА

*Гаснет день. И песок остывает горячий.
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.*

Осип Мандельштам

Я смотрю на фото: маленький худенький мальчик в серенькой курточке, как воробушек, с не по-детски серьезным взглядом. Не отличник. Он как все. Что заставляло его в будущем скитаться по селам, деревням, областям Поволжья, записывать рассказы местных жителей, их воспоминания; как иной человек ходит в лес по грибы. И так всю жизнь, до самого конца.

Сначала все как у всех: школа, друзья, город Ленинград, поступление в Ленинградский институт. Бросил, ушел в армию, письма и стихи.

Но вот младший сержант Матлин демобилизовался и, приехав домой в Ульяновск, женился. Родился сын Саша. Семья, работа, поступил в местный педагогический вуз на филологический факультет (русский язык и литература). Подружился с Сашей Рассадиным, Сережей Шаврыгиным – одногруппниками.

Кто-то прозвал их Д'Артаньяном, Арамисом и Портосом. Первый курс, фольклор. И первая фольклорная экспедиция. Или полевая практика, как говорили фольклористы. Ах, вот в чем причина крутого поворота в жизни студента Михаила Матлина – в его вспыхнувшем увлечении фольклором, народными сказителями после того, как он ступил на фольклорную тропу! Он почувствовал в нем самую сердцевину человеческого бытия, в изучении народных обрядов, обычаев, народной культуры и судеб людей в переломе исторических эпох.

Это была его тропа.

Попробуем описать одну из экспедиций со слов участников.

**ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ**

День первый

Студенты УГПИ прибыли на место расположения своей фольклорной экспедиции. В село. Местные смотрели на них, как на нечто. Всяких они перевидали, а таких нет. Появились, расставили палатки за селом, молодые, веселые. С утра по домам ходят, просят рассказать что-либо из жизни или песню старинную спеть. Записывают в блокнотики, а то и на магнитофон. Фольклористами себя называют.

Поначалу на них недоверчиво косились, а потом свои стали. Что и говорить – хорошие ребяташки. Грызут гранит науки. Практику проходят по народному творчеству. Ну, тогда понятно. Это мы вам всегда пожалуйста. С огромным удовольствием даже. На памяти у каждого много чего.

Девчонки раз-два и организовали походную кухню под открытым небом, на пустую палатку прикололи вывеску на листке: Кафе «ПАЛЬЧИКИ ОБЛИЖЕШЬ!»

Правила:

1. Вытри усталые ноги или разуйся.
2. Вымой натруженные писанием руки, а лучше умойся.
3. Ешь так, чтоб тарелка блестела.
4. Расплачивайся сказкой, легендой, рассказом, песней из улова сегодняшнего дня.
5. Добро пожаловать!

Итак, поработали, поели и повалились спать. Ведь и с дожди еще. Уморились.

День второй

А это милый первокурсник Сашенька Рассадин вылез спозаранку на свет божий. Сидит спросонья, на солнышко жмурится. Птички распевают, приветствуют. Березки блестящими листочками шелестят. Петухи горланят. Коровы мычат. Собачки бегают. Кошки умывают лапками мордочки да тоже на солнышке греются. Матлин зубы чистит. Хорошо!

Не то что в городе, где о гранит науки зубы сточишь. И старушки со стариками встречают приветливо, чайком ли, молочком парным угощают, а иногда и с пирогами, двойку не поставят.

А вот вечернего снимка нашего милого юного студюза нет, потому как он с ног валится, вернувшись после сбора материала. Как солдатик с ночного дежурства.

И все фольклористы так. Ноги горят, сколько исходили-то! И в ближних деревнях ведь побывали. И рученьки с мозолями от записей. И аппетита что-то нет от усталости. Так-то.

А завтра с утречка Матлин снова закричит, загорланит хлеще петухов: «Подъем!»

День третий

Сегодня вроде полегче. Привыкаем. Втягиваемся. Даже охота к работе появилась.

И Матлин после обеда отдых устроил. А к вечеру костер дружбы будет. Картошку будем печь, песни петь, впечатлениями делиться. Старшой – так мы прозвали нашего Матлина – стихи обещает почитать. Свои. И мы, кто пишет, тоже. По кругу. Будет что вспомнить, когда вернемся из экспедиции.

День четвертый

Ура! Мы открыли свой стерео-нано-театр ШАБЕР! Девчонки выпросили у бабушек сохранившиеся в сундуках старинные наряды видимо от их бабушек. И в них разыгрывали фольклорные сценки, пели старинные русские песни, плясали с платочками на деревянной сцене под открытым небом. В зрителях недостатка не было, особенно в ребятне.

Старые женщины научили наших фольклористок плести косы как в старину и укладывать в сложные красивые прически с бантами. Выглядели артистки прямо по Есенину: Ах, постой еще немного королевной у плетня! В завершение все хоровод водили на поляне лесной. Красота!

День пятый и все остальные

Работа, работа, работа. Забыли про все, кроме ручки и блокнота. А впереди еще расшифровка записей...

Евгений Сафронов за расшифровкой

ФОЛЬКЛОРНЫЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

А жизнь не стоит на месте. Происходят и интересные случаи с нами, даже незабываемые!

Ткацкий стан

Эта история произошла с Рассадиным и Матлиным в одной из экспедиций. Замечательная история, надо сказать. Рассказана А. Рассадиным.

Я тогда безумно влюбился в свою будущую жену и находился в таком романтическом состоянии, сами понимаете. Хотелось какой-то подвиг для нее совершить. Она тоже была с нами в экспедиции, там и познакомились. Зашли мы с Михаилом в один дом, вижу: у них там стоит ткацкий стан. Старинный, настоящий! Я представил, как Людмила сидит за ним и прядет, ахнул от такой красоты.

И к хозяевам, умоляю отдать. Денег нет, говорю для музея. Толкаю под локоть Матлина, мол помогай! Тот ничего не понял, но подключился. Уговаривали, уговаривали, разрешили хозяева забрать. Его же не упрешь, так мы его разобрали и по-тащили на себе.

Матлин, обливаясь потом, спрашивает:

– На что тебе сдалась эта штуковина?

Отвечаю:

– Я этот стан для Людмилы взял, она же дизайнер! Ей же будет интересно! Она вернется домой, а ее ткацкий стан ждет. Денег у студента вечно нет, а это будет мой оригинальный свадебный подарок в фольклорном стиле. Обрадуется подарку.

– Ты очумел, в город его на себе тащить?!

Матлин чуть не бросил на землю драгоценные части.

– Подумаешь! Все образуется, вот увидишь. Поймаем попутку, и мы в городе! – отвечаю я, а сам еле волокусь со своей ношей. В общем, голосовали мы отчаянно, и нашлась сочувствующая душа, посадил нас к себе шофер.

Добрались мы до Людмилиного дома. Выгрузили стан, объяснили ее родителям, что это для нее. Отец с матерью ничего не поняли, но велели отнести на чердак, где мы его и собрали.

Приходили мы в себя с Михаилом дня два от такого марш-броска.

Этот наш трофей в полной своей красе несколько лет пылился у них на чердаке. Потом Людмилин отец сделал из него шикарную лавочку и установил ее в саду. Мы с Михаилом уселись на неё и распили бутылочку.

Танец японской лисы

А эта история, вернее, сценка, была с одной из поварих-студенток. Рассказана Наташей Мироновой.

Пришли в наше кафе трое: Матлин, Рассадин, Шаврыгин. Голодные, усталые, Матлин хмурый – записывал воспоминания о голоде.

Ох, нелегка ты, жизнь фольклориста! Чтобы покалякать по душам, надо разговорить человека. Матлин это умел.

– Мяса хочу! – рычит М.Г. Девушка разводит руками. Подают им супчик с килькой в томате и старается возместить недостаток калорий душевным отношением – подает, кланяясь, то ли по-японски, то ли как красна девица из сказки.

Они было взялись за ложки, но откладывают ложки. Уставились на нее. А она пятится мелкими шажками назад и опять кланяется. Она в летнем цветастом длинном сарафанчике. И боится наступить на край.

– Хороший сарафанчик! – говорит Шаврыгин.

– Этнографам его бы, – говорит Рассадин.

– Не подойдет, – говорит Матлин со знанием дела, – слишком современно. А чего это ты плечами дергаешь и все кланяешься? Мне в одном селе рассказывали, что у них один мужик набрал не тех грибов, плясуны их зовут, и ходил вприпляску дня два. Ты случайно грибов не ела?

– Это я исполняю танец японской лисы, – нашлась, что ответить девушка. (На самом деле у нее бретелька сползает, и она таким образом ее поправляет).

– А-а! – говорят все трое. И снова берутся за ложки.

Мистическое

Прошлогодний случай с Андреем Цухловым

Андрей прислал уже болеющему МГ записку: «Поедем за грибами?»

– Поедем!!!

Он знал, что Матлин страстный грибник и когда-то они с ним совершали подобную поездку. Сейчас он хотел его порадовать.

Он заехал на своей машине, и они отправились в лес. После Андрей рассказывал:

– Мы забрались довольно далеко. МГ углубился в лес. А я остался возле машины, так как у нее отказал ключ зажигания,

пытался исправить. Но ничего не получалось. Я расстроился из-за того, что положение безвыходное: вечерело, из леса не выбраться, Михаил Григорьевич тяжело болен, вдруг ему плохо станет, до больницы не смогу доехать, теплых вещей, если останемся на ночь, нет, людей рядом не найти...

И тут появляется машина, такая же в точности, как моя, марки Рено. И цвета такого же. Выходит мужик и спрашивает, в чем проблема. Я ему объясняю.

Он отвечает:

– Это мы сейчас поправим.

Он взялся возиться с ключом зажигания и – чудо! – ключ заработал. Мужик сел в свою машину и уехал. Такое впечатление, что приезжал в чашу для того, чтобы помочь нам. И похоже на то, как было с Женей. Получается, опять выручил нас Николай Чудотворец.

Мы вернулись домой, как ни в чем не бывало, усталые, но довольные, и даже белых грибов привезли.

(Случаи с Женей Сафроновым)

Николай угодник

Дело было осенью. Матлин, я и другие ребята ездили из того места, где остановились всей экспедицией, в далекое село к отпевальнице записывать песни, как нам посоветовали. И не зря! Она их знала и помнила множество.

Быстро стемнело. Мы заторопились назад. За рулем был я.

Тьма уже образовалась натуральная, дороги не разберешь, да еще грязи кругом и луж от вчерашнего дождя. Увидели сарай, решили заночевать. Свернули с дороги. Забуксовали. Я вышел подтолкнуть машину, посветил фонариком и остолбенел: машина зависла над глубоким обрывом, качается... Как только мы не сорвались в овраг! Ребят трогать боюсь, да с ними в машине еще сынишка лет семи, а одному выволочь машину не получается. И тут появляется вдалеке откуда-то машина, в точности той марки, как и наша. Огоньки фар быстро

приближаются. Машина останавливается около нас. Выходит мужик светловолосый, невысокого роста и говорит: давай помогу. Вытаскивает из своего багажника крюк. Такой крюк только у Рено есть. У нас тоже Рено, но я крюк оставил дома. Заглянул в его багажник: пусто. Мужик ловко подцепил вертящееся колесо и вытянул нашу машину. Спас всех. Благодарю, вытаскиваю из кабинки бутылку самогона ему за выручку, спрашиваю, как зовут. Он берет бутылку, отвечает: Николай. Машет рукой на прощанье и уезжает в обратную сторону, откуда явился. А там ничего, ни дороги, ни села. Пусто. И света от фар даже не видно. Такое впечатление, что специально приехал помочь. Но откуда он знал про нас?

Едем мы дальше, вдруг Андрей говорит: а ведь сегодня день Николая угодника, на помощь скорого!

Знахарка

Прибыли мы на место. Идем по селу, и выворачивается нам навстречу женщина средних лет. Проходит мимо. У меня внутри где-то екнуло: беги за ней, останови, иначе вся ваша экспедиция другой ход примет, впустую время потратите. Я так и сделал. Оказалось, это была местная известная целительница, знахарка. Записали от нее заговоры, травы нам показала какие от чего, разные случаи рассказала. И потом участвовала в наших фольклорных постановках для жителей вместе с дочерью.

(Случай с Володией Шевченко)

Володя Шевченко приехал домой, потрясенный личностью ясновидящей, с которой познакомился в экспедиции. Он несколько раз ходил к ней в деревне, где работали фольклористы, записывал ее рассказы. Старушка поначалу не хотела, чтоб ее записывали на магнитофон, но потом махнула рукой: все равно ничего не будет! И вот дома включил запись – ни слова не сохранилось. Ни словечка!

– Как она это сделала?

Гончар

(Рассказ Светланы Матлиной)

В одном из сел Матлину рассказали, что у них есть гончар. Матлин пошел к нему. Попросил показать, как он работает, приготовил фотоаппарат. Гончар принялся вылепливать кувшин. Как замороженный, М.Г. следил за тем, как из-под пальцев мастера появляется кувшин, и глина приобретает форму и пластику.

– Это было сродни игре пианиста! А пальцы гончара взлетали и опускались над гончарным кругом, как стая птиц! А сам умелец – как бог за священнодействием!

Он привез из экспедиции заснятый процесс изготовления кувшина, стихотворение, посвященное гончару, и сам кувшин, подаренный ему гончаром.

М.Г. ставил в этот кувшин полевые цветы, привезенные из экспедиции.

* * *

Но вернемся в село. Вечером М.Г., вдохновившись, сочинял в назидание своим подопечным (молодому выводу фольклористов) ни больше, ни меньше – ЖИТИЕ. Сидя на пенечке.

ЖИТИЕ (орфография и пунктуация сохранены – М.Г.)

несвятого студента или деканография – сочинение, сотворенное мной для вразумления нерадивых иноков и послушания монастыря нашего студентов волей божьей созданного в лето 1970 от рождества Христова.

Благодарю тебя владыко наш господе Декан яко сподобил меня еси недостойного сопроводителя быть святым глашатаем. Дай же мне, господе, Декан, силу и терпения для создания труда сего для исполнения всевышней воли твоей

(приступим, однако)

Рождение и детство. Град есть от москвы града стольного на тыщи километров и в том граде родители несвятого прожи-

вали. И родили же блаженного детища сего и нарекли его. Шли годы. Отрока растяще кормящее холимое посилое родителями своими и дух дьявольский лукавый вошел в него вселился в него. Рос он и вырос к восьмому классу телом яко дубина дубовая (настоятельница говорила аки есть слово иноземное мудренное – акселерация) и умом аки лиса хитрая что все дни телом и душой что всей душой был влеком на бесовские игрища и слушаца, что около «гулянки» отроки и отроковицы возглавляемые главным бесом направленным женой сергуниным направляют устраивают. Одежда же его была худа и сплатана джинсы «супер-альфа» об асфальт битые соляной кислотой жженные да тенниска в углях печеная родители его мати же оставляющее и не веляще ему тако творити молящее его облачиться в одежду светлу и тако ходити ему со сверстниками своими на курсы подготовительные в богоугодное заведение рецаемое институт глаголяще ему что тако ходя укоризну себе и роду своему творяше да тут еще он и в кабаки бесовы похациивать начал и яко многажды пришедши мати в ярости великия запирает его в дому мысляща нечестивый уноша каковым образом спасется паче слыша планы об институте нарекаемьи УГПИ и дума так: поступлю и свободен буду и слуша курсы под бегову поп музыкой нарекаемой, глаголя ленон пол макартни динго стар и харрисон услышали молитву мою и сподобили мя обрести свободу от мати моей и тако многажды молящемуся им и придяща в велми выпущенный к экзамены вступительны в вузы

(перекурим, однако)

Поступление в институт

В год 197... от рождества Христова поступил сей уноша в УГПИ вельмо возрадовалась мати бо думала что сын ее одумался и вступил на стезю праведную но паче прежнего стало не прекратил он своих бесовских увлечений а паче прежнего начал бо на гитаре бесовской играть а по вечерам пропадать игрища возлюбил девок праздных с тех пор редко кто мог зреть в этом УГПИ но господине Декан слышати си не возмогети не прогневаться на него бо видя то его неправедну жисть ведет сей инок и тако призва его к себе и рече: почто ты, инок, не благочестив и не декануоугоден

Почто молитвы не посещаешь ты (сиречь лекции) почто мя в гнев вводишь разгорячился господи Декан распалился зело и яко лев рыкв-ающий обещал инок исправиться испугался зело испускал вопли но бесы неодолимые были не прекратил он игрищ своих тогда пронеслася весть на отчисление быть осуждену паче нечестивому боже! Братия в велице печале быща умоляше господи Декана не исключать его тоже же и от и от другарей мозгом приходящих з а джинсы к нему и пластами поведоуху ему гнев декана на него молящее покориться тому – се бо – глаголящу – на исключение хочет тя послати упав дубом нечистивый и уже даже возрадовался что его кончат дергати и рече другам се бо и есмь велми ся радую братие яко ничьего мне блаже есь в житии сем

(перекурим, однако)

Чудо

И соглашается стал сей уноша дни и ночи в раздумьях проводя и дума почто мне пакеты иноземны почто не уча я яко другие мои может измениться животы житии свою и вельми печален был бо распался тогда ансамбль цветы и сучать нача он и мати своей жалеть и реша однажды утром пойду в институт и покаюсь в грехах моих отмолю прощение сдам все хвосты и буду иноком яко все и выйде он на улицу и раздал свои пласты и диски и все четыре альбома битлов разда и костюм итальянский надевал с галстуком и ходити в институт каяться но поздно то бы издает господе декан указ об отчислении заплакал тогда он велми и не знал что делати походити к господе декану и молящее вельми о сыне своем и прости его. И возрадовати он и смеяся и ходи в институт на молебны ни одного не пропустиху

Заключение

Пишу я сию повесть се бо елико же выше в блаженном и веселищем отцы нашем господе декане сыща он от разных иноков и послушниц а писа се аз грешный инок писа бо печаль и скорбь мою долго обдерашища об иноках нечестивых сердца иноков во власти бесов еще находящихся и их ждет гнев господе нашего декана и ему отцу нашему слава ныне и присно и бесконечныя веки аминь

(хорэ, покудова, значит)

* * *

Так летели дни экспедиции. И вдруг пролетели, как галки за окном. А уезжать не хочется! Полна коробушка находок у всех участников. Там и вещие сны, и разные интересные случаи, и песни... А в целом обретен новый, более пристальный и глубокий взгляд на жизнь и людей.

Ну что ж, надо складывать палатки, упаковывать аппаратуру, закрывать свое кафе и театр. Прощаться с местными жителями до следующего года.

И прочее, и прочее.

Но сначала вечером последнего дня мы зажгли традиционный прощальный костер! Всем было немного грустно, это село стало нам родным.

Уже в автобусе, за селом, – смотрите, – сказал кто-то, – кони пасутся! МГ выхватил из рюкзака свой фотоаппарат...

* * *

И все это увиденное и прожитое отразилось не только в отчетах, но и в творчестве фольклористов. Например, в искрометных юморных работах Андрея Цухлова.

«СИМБИРЯНИН» ПРОДАКШН
представляет новый фильм Андрея Цухлова
«В лесах Мордовии»

Действие фильма основано на реальных событиях, однако все фамилии и имена по этическим соображениям изменены. Возможные совпадения носят случайный характер.

30 декабря 1998 г. 18 часов 35 минут 41 секунда по московскому времени. Город Ульяновск, кафедра литературы УлГПУ.

Трушкина: «Михаил Григорьевич, дайте спальник».

Матлин (проверяя 47-ую рецензию студентов 5 курса филфака на сборник стихов С. Матлиной «Голубая флейта»): «Зачем?»

Трушкина: «Надо».

Матлин: «Не дам».

Трушкина: «Вы обещали?»

Матлин: «Когда?»

Трушкина: «Осенью».

Матлин: «Тогда бери. Только не стирай с левого края».

Трушкина: «Почему?»

Матлин: «Надо».

1 января 1999 г. 0 часов 32 минуты 18 секунд по московскому времени. Квартира М.Г. Матлина. Он лежит на кровати с пультом в руках и, глядя в темное окно, жмет на все кнопки подряд.

За кадром голос жены: «Сделал?»

Матлин: «Да что-то каналы не переключаются. Застряло на каком-то».

Голос жены: «На первом? Что там показывают?»

Матлин: «Да нет. Наверное, это спутниковое. Показывают звезды».

Голос жены: «Не Сюткина?»

Матлин: «Нет».

Телефонный звонок.

Матлин: «Да?»

Голос жены: «Кто там? Не тетя Лена?»

Матлин: «Нет».

Чередникова М.П.: «Миша. Тут у меня налито. У вас под рукой?»

Матлин: «Да у меня уже полчаса как все кончилось. Только горячая осталась».

Чередникова: «Ну, все равно. С Новым годом! Здоровья, счастья, новых нам грантов!»

Матлин: «Спасибо. И я Вам того же. Хотя бы еще на годок чтобы хватило».

Кладет трубку.

За кадром голос жены: «Сделал?»

Матлин (перевертывая пульт и снова направляя его в окно): «Никак на первый не переключу».

Голос жены: «На первом? Что там показывают?»

Матлин: «Да спутниковое это. Показывают звезды».

Голос жены: «Не Сюткина?»

Матлин: «Нет».

Телефонный звонок.

Кучумов: «Мишка, привет! С новым годом, старик. Тут у меня налито. У тебя, как? Под рукой?»

Матлин: «Да у меня уже полчаса как все кончилось. Только горячая осталась».

Кучумов: «Грог что ли? Ну ты буржуй. Это же не твоя кликуха в классе была!»

Матлин: «А чья?»

Кучумов: «Да Волкова!»

Голос жены: «Кто там? Не тетя Лена?»

Матлин: «Нет. Кучумов говорит, что у него налито... (Кучумову). Слушай, давай пива попьем. У меня такая осень трудная была».

Кучумов: «А ты мне осенью говорил, что у тебя лето было трудное. К пиву что брать: орешки или рыбку?»

Матлин: «Какие орешки! Сдурел, что ли! Пусть их какаду с неграми щелкает, мы как-никак на Волге выросли. Эх, мать твою, на рыбалку бы! Ладно, звони 25-го».

Кучумов: «Щас, погоди, запишу. Где-то у меня тут гвоздь был. Ага, вот он. Так 25-го говоришь. Вот тут на стеночке и черкну. Готово! Ну вздрогнули!»

Матлин: «Вздрогнули!»

Кладет трубку.

За кадром голос жены: «Сделал?»

Матлин (доставая пульт от видека и направляя его в окно): «Никак на первый не переключу».

Голос жены: «На первом? Что там показывают?»

Матлин: «Пока только спутниковое. Звезды показывают».

Голос жены: «Не Сюткина?»

Матлин: «Нет».

Телефонный звонок.

Матлин снимает трубку и торопливо говорит: «И вас тоже с Новым годом. Здоровья, счастья, любви».

В трубке раздается рев.

Матлин: «Да, конечно, и я вам того же желаю».

Издалека доносится голос Трушкиной: «Сволочь, отдай трубку! Отдай, кому говорят!!»

Голос жены: «Кто там? Не тетя Лена?»

Матлин: «Нет. Велят трубку отдать».

Голос жены: «Ну так отдай».

Трушкина: «Михал Григорыч! С Новым годом!»

Матлин: «Это ты, Наталья?»

Трушкина: «Да я, я!»

Матлин: «А спальник где?»

Трушкина: «Со мной, где ж ему еще быть. Под сосной вон лежит».

Матлин: «Ты его постирала?»

Трушкина: «Обижаете, Михал Григорыч. Три раза с мылом, шампунем и кометом с лимоном».

Матлин: «С левого края не стирала?»

Трушкина: «Как можно, Михал Григорьевич!»

Матлин: «Ну тогда С Новым годом! А ты чего велела трубку отдать?»

Трушкина: «Да это я не вам».

Матлин: «Да, а кому же?»

Трушкина: «Бурому. Его Петр зачем-то поднял».

Матлин: «Что перебрал?»

Трушкина: «Не-е. Он всю зиму спит. Его вообще трогать нельзя. Ну вы же знаете Петра!»

Матлин: «И где он теперь?»

Трушкина: «Петр?»

Матлин: «Нет, этот, как ты сказала... бурый?»

Трушкина: «На сосне. Сначала с трубкой полез, сгрызть хотел, но я отняла».

Матлин: «А-а».

Трушкина: «А Петр туда раньше залез».

Матлин: «С трубкой?»

Трушкина: «Да нет! С трубкой бурый. Петра я шарфом привязала, чтобы не упал».

Матлин: «Да он вроде не пил так раньше. Это Андрей как бы...»

Трушкина: «Андрея я на другую ветку прикрутила. Эх, Михал Григорьевич! Какая классная елочка у нас тут получилась! Еще Илью примотаю и можно хоть хоровод вокруг нее водить. Жаль только, что не с кем. Зря вы с нами не поехали».

Матлин: «Куда? Ты же не сказала».

Трушкина: «Да мы рядышком. В мордовских лесах, километров 200-300 всего-то и будет. Может, рискнете автостопом? К утру бы добрались. А по дороге для М.П. запись сделаете, а?»

Матлин: «Не, не могу. Батарейки кончились, и диктофон пленку всю сожрал, сволочь».

Трушкина: «Так на кафедре же полный сейф, и романтик черный стоит».

Матлин: «Да не черный он, а коричневый! Сколько раз можно говорить».

Трушкина: «Михал Григорьевич, черный же!»

Матлин: «Коричневый, коричневый! Вон у Андрея спроси».

Трушкина: «Не могу».

Матлин: «Почему?»

Трушкина: «У него шарф очень плохенький, чуть ослабишь – развяжется. А тогда кайф не тот будет».

Матлин «А-а...»

Трушкина: «Ладно, Михал Григорьич, С Новым годом вас, счастья, здоровья».

Матлин: «Спасибо, Наталья. Ты когда назад-то?»

Трушкина: «Денька чрез три, чё торопиться-то – праздники!»

Кладет трубку.

За кадром голос жены: «Сделал?»

Матлин (доставая пульт от музыкального центра и направляя его в окно): «Никак на первый не переключу».

Голос жены: «На первом? Что там показывают?»

Матлин: «Звезды».

Голос жены: «Не Сюткина?»

Матлин: «Нет».

В окне вспыхивают ракеты, Фейерверк.

Матлин кричит жене: «Кажется, поймал. Начинается. Иди быстрее!»

Голос жены: «Сюткина показывают? Сделай погромче».

Снизу наплывает надпись «Конец».

* * *

Возвратясь из очередной экспедиции, он после работы сидел допоздна, расшифровывал свои записи, цифровал. Подобно ныряльщику за жемчугом, находил подлинные словесные жемчужины. Магнитное поле народного творчества втянуло его в себя и не отпускало как море, выплескивающее на берег сказы, легенды, сказки, были.

Результатом многолетних фольклорных экспедиций являлись многочисленные статьи и книги, научные сборники авторов, редактором-составителем которых он был, а также доклады на научных конференциях в других городах, статьи в журналах. И разработка новых проектов, новых маршрутов.

Теперь у наших фольклористов имелась собственная творческая лаборатория при педуниверситете, где содержался их архив. Эту лабораторию Матлин пробивал несколько лет, как и ставку лаборанта для оцифровки записей.

Крупный Ученый, ведущий фольклорист области, этнограф, режиссер-постановщик народных праздников и фестивалей (его фильм занял первое место на российском кинофестивале документальных фильмов), прирожденный педагог – с его аналитическим умом он мог бы стать хорошим военным, врачом, юристом, по мнению многих.

Однако вся его жизнь была связана с родным педуниверситетом, с преподавательской деятельностью на кафедре русского языка и литературы. Читал лекции, проводил занятия со студентами по народному творчеству, народной культуре, русской литературе, истории религии (Библия, Ветхий завет и т.д.). Эти лекции пользовались колоссальным успехом. слушать Матлина приходили из разных вузов и те, кто не имел отношения к гуманитариям. Его называли человеком энциклопедических знаний. Гением.

Когда в перестройку финансирование фольклорных экспедиций прекратилось, М.Г. измудрялся находить спонсоров, закончившие институт бывшие фольклористы и примкнувшие новенькие складывались и ездили в экспедиции на свои деньги. Никто не принуждал. И сбор материалов не прекращался.

Бывший студент-фольклорист Дима Травкин финансировал целых три экспедиции!

Коллеги называли Михаила «без пяти минут профессор». Но он не спешил получить это звание, а писал свой объемный труд по свадебным обрядам народов Поволжья, чтобы внести свой весомый вклад в науку.

* * *

М.Г. Матлин был сильным человеком с волевым характером.

Не мог без своих дорогих студентов и аспирантов, с которыми сидел по несколько часов, совершенствуя их курсовые работы и диссертации, выверяя каждую фразу. Как научный руководитель, он не мог допустить, чтобы его подопечные при защите терпели поражение...

Он продолжал претворять свои творческие планы в жизнь. Того, что он сделал, хватило бы на свой век не одному ученому, большая часть его личного, домашнего архива не расшифрована. Пока. Е. Сафронов и В. Шевченко, каждый в отдельности, не поленились и составили примерный перечень опубликованных работ Матлина. Впечатляет!

До последнего часа своего Михаил Григорьевич переживал за судьбу своего детища – фольклорной лаборатории и хранящегося там экспедиционного архива.

Остались незавершенными начатые им работы по родникам Ульяновской области, по родникам Нижегородской области и других областей Поволжья. Задуман был глобальный охват темы и разработки по другим выигранным грантам.

Уже болея, он совершал личные поездки и записывал рассказы старожилов на озере Светлояр, знакомился с местами старообрядческих скитов.

Неизлечимая запущенная профессиональная болезнь лекторов пресекла его научные изыскания. И его жизнь. От операции по удалению гортани отказался. Не мог представить своего существования беспомощным инвалидом без голоса, без преподавания. Без своих дорогих студентов.

Доктора, знакомые и незнакомые люди, друзья, коллеги старались помочь. И помогали. Но было поздно.

Он держался мужественно.

И вдруг случилось.

И в то время, когда он на рассвете уже лежал бездыханным в медсанчасти, успев выдернуть из последних сил кислород из ненавистой дыхательной трубки, весть о его уходе облетела всех равнодушных, зазвонили телефоны, закричали голоса, передавая эту скорбную весть друг другу.

Жена лежала на кровати вниз лицом. Дочь рыдала. Сын в этот день не выходил из своей комнаты. Опора семьи рухнула.

Бывший ученик его Эдик ставил свечи в московском храме за упокой души Михаила, заливался слезами. Шилова в Канаде села писать воспоминания.

Жил-был я! – так они оба приветствовали друг друга при встрече. Жил-был я...

Потрясенный Александр Павлович Рассадин усаживался на лавочку под старой яблоней в своем дачном саду, предавался тяжким размышлениям, потом вставал и ходил взад-вперед, не мог успокоиться. Он вспомнил о записке Матлина, посланной ему за три года до кончины. Друг прислал прощальное осеннее стихотворение и просил прочесть на его поминках, если он уйдет раньше (что Рассадин и исполнил).

Александр Павлович знал его наизусть и сейчас повторял эти пророческие строки:

Осень

Щемящее предчувствие ухода,
Отсутствия, зиянья пустоты.
А за окном бушует непогода,
И на столе увядшие цветы.

Повремени! Не уходи! Останься!
Дай наглядеться! Надышаться! На...
Но холодок последнего из таинств
Сквозит из приоткрытого окна.

И чей-то голос стукнет в стекла птицей,
И тополь в руки вложит мне листву.
А дождь ночной и слезы будут литься
По моему холодному лицу.

2021 год

Бывший студент Артем Фенелонов как раз прилетел в Ульяновск словно для того, чтобы проститься с ММГ, Учителем и другом. Шевченко принялся хлопотать по похоронным делам. Анисия с Женей Сафроновым еще не отошли от последней доставки Михаила в больницу, когда вместе с соседом Володей тащили его на себе.... Сотрудники отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук прислали в Ульяновск на имя ректора педуниверситета глубокое соболезнование в связи с кончиной

талантливому ученому, фольклористу и душевному другу Михаила Гершеновича Матлина. Это был второй сильный удар для всех фольклористов Москвы, Питера и других городов после того, как ковид унес в Москве жизнь Игоря Морозова, молодого замечательного ученого, фольклориста и друга не только Михаила, но и его семьи...

Все это было. Было.

Мы запомнили его полным напряженного труда, бьющей светоносным ключом энергии.

Ему сопутствовала удача. Семьянин, заботливый отец сына и дочери. Его любили. Он вкалывал на износ, но то на заветное дело. Порой сильно ошибался, как все мы, грешные. Жизнелюб. Обращаться к врачам нужды не было, пока не стал все чаще пропадать голос и не начал задыхаться. Он был счастливый человек.

Постоянно находился в пути. Шел в селения, к людям. Историческая память народа, духовное наследие поколений, вековые обычаи и традиции, семья, родина, земля, могилы предков были для него не пустой звук.

Путь земной завершен. Он привел раба Божьего Михаила к Тебе, к крещению.

Прими его душу очарованного Русью странника-труженика в Свои объятия, Господь, и дай ей отдохнуть на Твоих полях блаженных.

Глава вторая МЕМОРИИ

Возьмемся за руки, друзья!

Булат Окуджава

*У меня еще есть адреса,
По которым найду голоса.*

Осип Мандельштам

*Сурское, Сурский район, Никольская (Николина) гора,
праздник «Никола вешний». В этот день приезжает
много паломников из Ульяновской и соседних областей,
взойти на гору и набрать воды в роднике. 22.05.2006 г.
Фото И. Павлова.*

АНИСИЯ ТАРАСОВА, любящая дочь

**ММГ. Ты навсегда уехал туда, где не ловит связь.
2.09.1951–25.02.2024**

*Всю жизнь нес дом на плечах,
Пока не сломалась спина.
Ты слишком долго молчал.
Какой оказалась цена?*

Я долго не могла написать что-либо, потому что то, что сейчас происходит внутри меня, невозможно выразить словами. Проблема в том, что я слишком сильно любила и люблю тебя.

Ты оставил после себя наследие, которое не должно пропасть! И я оставлю память о тебе. С детства помню, как ты уезжал в экспедиции – всегда плакала ребенком. И вот сейчас ты для меня просто уехал в свою последнюю экспедицию, где не ловит связь, и откуда ты больше никогда не вернешься. Я очень тебя люблю...

Ты был и остаёшься единственным человеком, советов которого я беспрекословно слушаюсь. Ты всегда был слишком сильным и непостижимо умным. Ты очень любил жизнь, и виртуозно умел её жить, твоя стихия – земля, и ты очень прочно стоял на ногах на этой земле. В отличие от меня. Ты учил меня, как жить, ты заземлял меня, когда я теряла грань в чем-либо. Ты очень баловал меня и маму, иногда даже чересчур. Ты – китайская стена, за пределами которой что-то не особо важное происходит.

Гнилое дерево долго скрипит, а сильные и здоровые деревья ломаются неожиданно, одномоментно, с оглушительным треском. И умирают. По-настоящему.

Я боролась за тебя до последнего дня.
Я приезжала к тебе в лор отделение областной.
Я приезжала к тебе в онкологию.
Я приезжала к тебе в центр лучевой терапии.
Я приезжала к тебе в больницу им. Чучкалова.
Я приезжала к тебе в медсанчасть.

Она и стала последним местом нашей встречи. Я знала точно, в какую именно ночь ты умрёшь. За несколько часов до твоей смерти я написала это стихотворение, хотя не писала ничего нового уже давно.

*В моём доме – тишина.
Ти-и-и-на... И я одна.*

*В моём сердце – чернота,
Не стучись сейчас туда.*

*Белым снегом замело
Его светлое чело.*

*Я целую, что есть мочи,
Закатившиеся очи.*

*Пляски смерти у порога –
Собирается в дорогу*

*Из больничных белых стен –
Прямо в небо. Окрылен!*

Спасибо огромное всем и каждому лично за титаническую поддержку со всей нашей страны, моральную и финансовую. Каждого обнимаю и благодарю всем своим поломанным сердцем!

А тем временем Папа всё также с огромной любовью смотрит на меня, качая головой, и говорит, что я слишком много говорю лишней эмоциональной информации...

Вот и пролетели 40 дней, как тебя нет с нами...

До сих пор такая нереальность происходящего. Отец мне снился почти каждый день, за исключением пары-тройки дней, сны были разные. Одно понятно – несмотря на болезнь, он до последнего даже представить себе не мог, что умрёт.

Столько незаконченных дел, как будто в спешке уехал куда-то. Вот одно из таких дел мы закончили за него. Собрали его стихи и поэмы и издали его поэтическую книгу «Снится поле...». А теперь будет и вторая поэтическая книга «Мои чертежи», мы нашли его новую рукопись стихов и поэм. Мы поместили ее здесь, в «Мемориях».

Михаил Матлин был не только известный на всю страну ученый-фольклорист, доктор наук и преподаватель, еще он был поэт. Очень талантливый и цельный. Настоящий.

Очень рады, что посмертная первая поэтическая книга вышла ровно к сроку – в 40 дней со дня его смерти. Больше половины экземпляров уже ушли.

Обложка – моя случайная фотография одной из последних наших совместных фольклорных поездок в Сенгилей, когда он, уже глубоко больной, хрипящий и с тяжелой одышкой, но ещё до трахеостомы, продолжал работать, не слушая никого.

И в новой книге его стихов я хочу показать его молодого, автопортрет далёких лет, когда меня ещё не было и в планах, когда все ещё были молоды, полны сил и здоровья.

Люблю. Помню. Делаю.

*И не хочу я никого пускать
Ни в дом, ни в сердце.
Тихо помолиться.
Ещё живая, белая кровать.
Лежать на ней, пусть ничего не снится.
Пусть ничего извне не прилетает,
Ни птицы клич, ни ветер, ни зов силы.
Лишь потихоньку тает, тает, тает...
Остывшая февральская могила.*

Детская звездная тайна

С самого раннего детства Отец был ходячей энциклопедией для меня. Он знал ответ абсолютно на любой вопрос, поэтому моя страсть к получению информации, подобно утолению жажды, была привита мне именно им.

Особенно ярко я помню, как еще в дошкольном-младшем школьном возрасте он сам обучал меня азам астрономии. К сожалению, с определенного времени из школьной программы убрали этот интереснейший предмет, а у меня он был – только не в школе, а дома. Помню, Отец даже откуда-то достал мне маленький любительский телескоп, и мы вместе часто с балкона смотрели на звезды. Меня безумно завораживал этот таинственный и непостижимый мир космоса, планеты и их спутники, звездное небо. Я отлично знала основные созвездия, и с легкостью находила знаменитые «ковши» Большой и Малой медведицы и другие причудливые сочетания огоньков на бескрайнем сине-черном сияющем полотне ночного неба.

Как-то раз я спросила Отца:

– А что, после смерти мы попадаем в космос?

Он рассмеялся и сказал, что после смерти ничего нет, лишь беспросветная темнота. А я впервые не поверила ему и решила, что он просто что-то скрывает и не хочет раскрывать мне такую серьезную тайну.

Сейчас, когда его нет рядом со мной, я смотрю на звездное небо, и знаю, что он где-то там, на какой-нибудь звезде или планете занимает свое положенное место, а может он сам стал новой звездой или планетой. И когда-нибудь и я раскрою эту самую серьезную детскую звездную тайну.

АЛЕКСАНДР МАТЛИН, любящий сын

Двадцать второе июня

Посвящая отцу

Двадцать второе. Рассвет у реки.

Что-то таинственное – до тоски.

Последняя тишь. Начался первый день.

Уже над землей – крылатая тень.

Мир не слышит, как напряженно стучат часы.
На траве покуда не кровь, а капли росы.

Все спит. И ничто не нарушит сон.
Но воздух встревожен, грозой пахнет он!

Из краткой тьмы – череп луны.
Какие сны – не узнаем мы.

Последних минут медленный бег.
Последнего сна секунды как век.

Е.В. САФРОНОВ, канд. филологических наук, независимый исследователь

М.Г. МАТЛИН: ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

25 февраля 2024 года после тяжелой болезни ушел из жизни Михаил Гершенович Матлин – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета.

Для меня М.Г. был и учителем, и другом, и, наверное, где-то отцом – это без ложного пафоса, просто так и есть.

Жанр некролога предполагает вполне определенные рамки и темы: я постараюсь их придерживаться, но лишь в финальной части этого текста. Сначала я расскажу несколько историй; думаю, так будет интереснее возможному читателю. В конце концов – кто читает некрологи? Обычно те, кто и без того знает и биографию, и труды.

Зачем поминать

Как-то в очередной фольклорной экспедиции Михаил Григорьевич (все ученики звали его именно так) рассказал

свой сон. Такие снятся нечасто – с полным погружением и ощущением целостной прожитой жизни. В сновидении М.Г. был белогвардейцем, которого застрелили красные. Убитый весь день пролежал на солнцепеке и чувствовал все страдания искалеченного, засиженного мухами тела. И лишь вечером, почти ночью, к трупку подошла пожилая женщина, которая омыла ему лицо, оплакала и помянула.

«И вот именно тогда я понял, зачем оплакивают и поминуют, – подытожил свой рассказ Матлин. – Конечно, я много раз записывал об этом в селах – но то было знание “со стороны”. А тут я ощутил на себе: от помина душе действительно становится легче, оплакивание – в его традиционном смысле – позволяет душе расстаться с телом».

Пусть мои воспоминания об М.Г. тоже выполняют функцию своеобразного помина – не ему, так мне от этого станет немного легче.

Кенотафия

М.Г. Матлин большую часть жизни занимался русской традиционной свадьбой – в частности, его интересовало смеховое начало в этом ритуально-обрядовом комплексе. В 2020 году он защитил докторскую диссертацию, посвященную упомянутой теме. Многие считали, что М.Г. мог бы защитить докторскую намного раньше, но так уж складывались обстоятельства его непростой жизни.

На самом деле круг научных интересов М.Г. существенно шире – это и творчество А.Н. Островского и И.А. Гончарова, и несказочная проза, и мемораты о войне и голоде, и сакральные места, и кенотафы, которые устанавливаются погибшим в ДТП.

С последней темой связан другой характерный случай: мы с Михаилом Григорьевичем проехали несколько тысяч километров, фотографируя памятные знаки и кенотафы, – и затем написали совместную статью, опубликованную в «Этнографическом обозрении». М.Г. даже собирался в итоге издать монографию, связанную с придорожной мемориализацией, но не успел из-за болезни. Так вот – в финале одной из подобных поездок мы стали обмениваться с ним впечатлениями. Нам

повстречались кенотафы, установленные по соседству – сразу двум погибшим семьям: вероятно, столкнулись автомобили, где пассажирами были подростки и маленькие дети. Один из памятных знаков (уже в другом месте) представлял собой большой валун с прикрученной табличкой, где разместили длинный список детей примерно одного возраста: видимо, произошло ДТП с участием школьного автобуса.

«У меня перед глазами все эти лица – фотографии погибших, – признался тогда М.Г. – Я будто с живыми людьми беседовал, поспрашивал об их судьбах, узнал, как они погибли. Вся эта наша поездка, наша “кенотафия” – словно один большой помин, растянувшийся на многие тысячи километров».

Посвящение в экспедиции

Матлин умел притягивать хороших людей – это его признанный талант. И многие из них присоединялись к фольклорно-этнографическим экспедициям, которыми М.Г. руководил с 1975 года. Именно поэтому научные поездки с ним превращались в большое приключение, похожее на соприкосновение с иной, волшебной реальностью. В них никогда не было скучно, всегда находились место и роли для всех: в матлиновские поездки попадали далеко не только профессиональные фольклористы-этнографы и студенты-филологи, но и музыканты, водители, школьники и даже телемастера – и все работали с большой отдачей и огромным удовольствием.

М.Г. умел и любил управлять и организовывать, поэтому экспедиции под его руководством проходили слаженно, каждый четко понимал свои конкретные задачи.

А еще Михаил Григорьевич хорошо осознавал, что фольклорная экспедиция имеет не только научные цели, но и воспитательные: те, кто побывал вместе с ним в такой поездке, безусловно, становились лучше – возникало подлинное понимание ценности общения с людьми, прививались не просто навыки коммуникации, но умение беседовать, умение слышать и сопереживать.

В экспедиции с М.Г. всегда ощущалась особая «атмосферность», в том числе – благодаря его умению шутить и по-

нимать природу смеха (вспомним о теме докторской диссертации!). Расскажу только об одном случае, чтобы проиллюстрировать сказанное.

Однажды мне посчастливилось записать местную знахарку, известную далеко за пределами села. Я встречался с ней несколько раз; в местную школу, которая служила базой для экспедиции, приходила ее дочка, чтобы «приворожить» меня (по крайней мере, так полагали другие участники экспедиции). М.Г. немедленно воспользовался этой ситуацией, чтобы устроить невероятное посвящение для первокурсников – здесь были и театрализованные испытания с загадками, и ночные видеосъемки якобы той самой знахарки, и вечерние походы на заброшенную мельницу. Всё происходило на грани шутки и серьезного, традиционной культуры и студенческого фольклора. Память о том грандиозном «действе» хранится до сих пор – и в умении всё это поддержать, организовать и направить тоже проявлялся характер Михаила Григорьевича, его яркая, притягательная личность.

Inmemoriam

М.Г. Матлин родился 2 сентября 1951 года в Ульяновске. После армии в 1974 году он поступил в Ульяновский пединститут, где в том же году начала преподавать наш общий учитель – Маина Павловна Чередникова (ученица В.Я. Проппа).

Летом 1975 года Маина Павловна организовала первую фольклорно-этнографическую экспедицию, М.Г. в этой поездке руководил одной из студенческих групп. В той или иной форме экспедиции продолжались ежегодно – вплоть до 2022 года. За прошедшие десятилетия был собран значительный архив, материалы которого послужили основой для многих научных работ, диссертаций и словарей.

В 1984 году Михаил Григорьевич защитил кандидатскую диссертацию «Проблемы поэтики А.Н. Островского и фольклор: 70-80-е годы». В 2020 году в Институте мировой литературы имени А.М. Горького (Москва) состоялась защита его докторской диссертации «Смех в русской народной свадьбе XIX – начала XX века: типологический и функциональный аспекты».

М.Г. Матлин – автор 5 монографий и более 150 научных статей. Участник многих международных конференций, член редколлегии научного альманаха «Традиционной культура».

P.S.

А еще он любил учить (не поучать) – и был настоящим педагогом, у него очень много любящих учеников: достаточно сказать, что проводить его в последний путь пришли более 300 человек и все – через него – знакомы друг с другом...

Весьма немногие знают о том, что М.Г. писал стихотворения. Однажды мы трое суток жили в заброшенном селе Помаево Ульяновской области (записывали материалы для будущего фильма) – ночевали в палатках, еду готовили в импровизированной печке, сооруженной из старых кирпичей. И тогда возле костра Михаил Григорьевич впервые прочитал нам свои стихи. Эти матлиновские строки, которые нигде еще не публиковались, я приберег для финала:

*«Снится поле. Поле. Поле,
Синий лес у горизонта.
Деревушка с колокольней,
Почерневшею без звона.*

*Шапкой облако повисло
Над пропыленной дорогой,
И от гуда Ила вздрогнув,
Птицей лист с березы взвился.*

*Запах ржи, земли и ветра.
Срок придет – здесь тело ляжет.
Только главное не в этом –
Жаль не знать, что будет дальше».*

Помаевские ужи

Расскажу о нескольких случаях, которые, возможно, характеризуют М.Г. Матлина больше как человека, чем ученого. Впрочем, кто же здесь сможет провести четкий водораздел?

Летом 2012 года мы трое суток жили в заброшенном селе Помаево: снимали документальный фильм об этом ушедшем в небытие поселении. Михаил Григорьевич вообще был очень легок на подъем – если его что-то по-настоящему заинтересовало, он мог сорваться в любую поездку. В Помаево мы много работали, ночевали в палатке и вели душевные беседы возле костра. Всё бы хорошо, однако нам приходилось делить заросшее пространство бывшего села со змеями, которые попадались, казалось, повсюду – и возле полуразрушенной церкви, и рядом с кирпичным фундаментом сельских домов, и около едва заметного ручья.

«Не бойтесь! Это всего лишь ужи – я-то точнознаю. Они абсолютно безопасны!» – объявил в первый же помаевский день М.Г., и мы все ему безоговорочно поверили. По крайней мере, очень хотелось верить в это – особенно по вечерам, устраваясь на сон грядущий в палатке.

И только после возвращения домой – когда фотографии сельских «ужей» были сопоставлены с их Интернет-аналогами (в поле-то сеть ни у кого не ловила) – стало ясно, что мы трое суток дневали и ночевали бок о бок с гадюками...

Эта ситуация очень характерна для Матлина: если он в чем-то уверен, то готов упорно отстаивать свою точку зрения и искусно убеждать других. Такой подход очень помогал в науке, но иногда приводил к казусам в быту.

Баскетбол с «братками»

Михаил Григорьевич был действительно гениальным полевиком: он умел к каждому собеседнику подобрать свой ключик, умел слушать и слышать – и учил этому своих студентов. Приведу один показательный пример.

В 1990-е годы фольклорно-этнографическая экспедиция под руководством М.Г. базировалась в селе Лесное Матюнино Ульяновской области. В то время к таким поездкам присоединялись больше 20 студентов – в основном, девушек-филологов. Так случилось, что в упомянутом селе ненадолго обосновались «братки» из соседнего Тольятти, которых, понятно, весьма заинтересовали неожиданные гости из города.

Как-то вечером юные головорезы буквально оккупировали сельскую школу, где отдыхали после фольклорных записей участники экспедиции. Матлин запретил кому-либо из студентов показываться на глаза местным, сам ушел беседовать с «братками» – и в одиночку сумел навсегда отвадить их от дурной привычки беспокоить фольклористов после полуночи. По слухам(вполне мифологическим), М.Г. сыграл с ними в баскетбол в школьном спортзале – с условием, что парни из Тольятти никогда больше не приблизятся к школе.

Думается, что навыки опытного полевика тут точногодились.

Сельский дирижер

Вспоминается еще один яркий случай – тоже экспедиционный. Несколько лет подряд мы ездили в Сурский район Ульяновской области; ночевали и обедали в средней школе села Астрадамовка. Ближе к экватору экспедиции удалось договориться о записи местного хора в соседнем селе Аркаево.

На запись шли пешком – через красивое поле, с зелено-рыжими пригорками и березовыми рощами. Вообще, М.Г. любил и умел ходить пешком, при этом перемещался быстро, за ним не каждый мог угнаться. Но если всё-таки поймать его ритм ходьбы, то можно было всю дорогу говорить с ним, обсуждать разные интересные темы. Помню, мы тогда завели разговор о народной песне – о том, что любой фольклорный текст не существует без контекста, что песню иногда поют в одиночестве – для себя и т.п.

Когда начали беседовать с бабушками из аркаевского хора (они еще только спевались) – Матлин вдруг заскучал. Он решил, что весь репертуар собравшихся состоит из песен типа «Хасбулат удалой...» и «Ой, при лужку, при лужке...». Однако минут через десять голоса поющих наконец-то приноровились друг к другу, и бабушки вспомнили те самые – старинные, протяжные, «свадьбишные».

Лицо М.Г. тут же просветлело; он заслушался, разулыбался – и, кажется, на какое-то короткое время подзабыл о роли фольклориста-этнографа. Бабушки завершили одну песню,

затяли другую, третью – и в конце концов Матлин, стоявший возле записывающей техники, стал руками «подыгрывать» звучащим голосам: фактически он дирижировал сельским хором. И происходило это от какого-то избытка чувств, от переполнявшей его радости, которую испытывают, наверное, только хорошие фольклористы и рыбаки.

Да, М.Г. точно умел радоваться – испытывать подлинное счастье от того, чем занимаешься, от того, что какая-то длительная и непростая работа наконец-то принесла результат. Еще он умел заражать этой увлеченностью других, он любил и умел учить – именно поэтому так много людей считают его своим учителем.

Избранная библиография М.Г. Матлина

Монографии:

1. Русская свадьба Ульяновской области XX века. – Ульяновск: УлГПУ, 2011.
2. Смеховые театральные и игровые формы в русской традиционной свадьбе XIX–XX вв. – Москва: Звезда и крест, 2013.
3. Устные рассказы о голоде 1941–1945 гг. – Ульяновск: УлГПУ, 2020.

Статьи:

4. Гендерный аспект в оформлении деревянных намогильных памятников на старообрядческих кладбищах Семёновского и Воскресенского районов Нижегородской области // Русская традиционная культура сегодня: экспедиционные и архивные открытия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Научно-образовательный центр «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова. – Ульяновск, 2023. С. 71–87.
5. Мемориализация мест гибели людей в ДТП в фокусе общественного мнения // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 98–106.
6. Костер на русской традиционной свадьбе Ульяновского Поволжья // Традиционная культура. 2020. № 4. С. 103–111.

7. Кенотафы как одна из современных форм объективации памяти о погибших // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 36-47 (в соавторстве с Сафроновым Е.В.)

8. Мотив угадывания в смеховых театральнo-игровых сценках с ложным свадебным персонажем в русской народной свадьбе XIX-XX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1 (51). С. 131-133.

9. Фотографии ряженных как способ визуального представления смехового начала в современной русской свадьбе // Визуальная антропология: российское поле. Материалы конференции в рамках VI Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник». – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 55-65.

10. Эксперимент и экспериментальные методы в современной полевой фольклористике // Актуальные проблемы полевой фольклористики. – Москва: МГУ, 2008. С. 6-15.

А.П. РАССАДИН, самый близкий друг, известный литературовед.

ИСПРОШЕННЫЙ У БОГА

Виктор Шкловский с присущей ему иронией однажды заметил, что «в мемуарах главное не вспоминать больше, чем ты помнишь». Мысль о том, что я когда-то буду вспоминать Мисаила, – так во времена нашей молодости, на древнееврейский лад я играючи переиначивал имя своего друга, – никогда не приходила мне в голову. Да и истинное значение этого имени («испрошенный у Бога») я узнал много позже. Насколько я помню, он был единственным ребёнком в семье, в детстве лишившись брата. Родители его были по-своему замечательные люди, и он исполнил своё предназначение во многом благодаря им.

Не могу забыть могучего дядю Гришу (Гершона), взрастившего на крутом волжском склоне замечательный сад, в котором мы в студенческие годы в погожие летние дни и но-

чи, под рассыпчатым звёздным небом, проводили с Мишей немало времени, делились впечатлениями от лекций своих преподавателей, судачили об одноклассниках, читали на память стихи.

Потом, в зрелом возрасте, он также полюбит мой сад, старую, доставшуюся мне от тестя яблоню, под которой мы вели нескончаемые разговоры о бренности и суете жизни и неизменно о литературе. Со стороны могло показаться, что эти диалоги серьёзных, уже состоявшихся людей, профессиональных филологов, по своей форме напоминая популярные сейчас подкасты. Миша как-то всерьёз обмолвился, что неплохо было бы ставить рядом с бутылкой вина диктофон.

Но в наших отношениях много было и шутовства, благо мой друг обладал отменным чувством юмора. Мы постоянно подначивали друг друга, ёрничали, превращали наше общение в игру, причём без стеснения делая это и на людях, которые сначала недоумевали, а потом снисходительно наблюдали, как двое солидных с виду людей на их глазах превращались в детей.

На склоне лет естественно говорили о неизбежности ухода. Но и она осмыслялась подчас не без шутовства. «А не написать ли нам заранее друг на друга некрологи? – вопрошал я Мишу, – «Ведь напишут черт те что, и знать не будем, а тут мы по крайней мере прочитаем хорошие качественные тексты». На что мой друг отвечал: «А тебе надо заказать по своему размеру крепкую надёжную домовину и затащить её на чердак». Знаток старого крестьянского быта и выдающийся фольклорист он парировал моё предложение в своём духе, или, точнее, в своём стиле. Я многозначительно обещал подумывать.

Или было время, когда по задумке Михаила мы стали вдвоём ходить по городским ресторанам и кафе. Наши умные жены не протестовали. Чем бы дитяти не тешились, лишь бы не плакали. Заказывали разные блюда, не только, чтобы вкусно поесть, а ради самого этого немного странного, по сути ритуально-комического кулинарного травелога. Наблюдали за посетителями, вели дневник посещений, где велеречиво и с изюминкой записывали свои впечатления от съеденного, услышанного и увиденного. Один раз Михаил заказал фарширо-

ванную рыбу, оценил её на «троечку», и, вызвав повара, рассказывал ему полчаса, как эту рыбу готовила его бабушка.

Сейчас предполагаю, что подобное игровое общение глубинно было связано с природой средневекового смеха: мы понимали, что каждый из нас прежде всего подсмеивался над собой, и это давало нам право без ложной скромности вышучивать друг друга. Но главным образом (до этого я дошёл только сейчас), такое общение помогло нам избежать в жизни серьёзных конфликтов. На мой взгляд, любая дружба, какая бы крепкой она ни была, не бывает без недоразумений. В какие-то периоды она расцветает, в другие – вянет, сохнет, и даже сходит на нет.

Бывало и у нас всякое. Да и как было избежать этого «всякого», если жизнь прошла в такой ситуативной близости? Все время рядом, как на расстоянии руки: в вузе (четыре года просидели друг с другом, и это не шутка, за одной партой), в первых фольклорных экспедициях, в аспирантуре (правда, Миша поступил немного и защитил свою первую диссертацию ранее меня, но научный руководитель был общий), на многочисленных научных конференциях, куда мы ездили разумеется поодиночке, но бывало и вместе, уже коллегами по работе и поочерёдно – заведующими кафедрой литературы Ульяновского педуниверситета.

В сентябре 2024 года нашей дружбе должно было исполниться 50 лет! Готовились. Всё обдумали, всё, казалось бы, предусмотрели....

Не случилось.

На этот счёт есть примечательное признание у поэта Нау-
ма Коржавина:

*Пошли болезни беспросветные,
Без детских слёз – пора не та.
Последнее и предпоследнее
Перед уходом навсегда.
Не вспыхнет свет за плотной мутностью.
Не тцусь ни встать, ни дверь открыть.
Пришла пора последней мудрости–
Прощаться и благодарить.*

Сейчас, к сожалению, я чаще вспоминаю другие, тютчевские, строки:

*Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушёл – куда мы все идём,
И я теперь – на голой вышине
Стою один, – и пусто все кругом...*

Спасибо тебе, мой дорогой Мисаил! И голо, и пусто без тебя...

8 июня 2024 г.
Ульяновск

АНДРЕЙ ХАРЛОВ, Нижний Новгород

ЗАПИСИ

Говорить о Михаиле Гершоновиче в прошедшем времени – это невыразимая мука. Мне довелось короткое время поработать вместе в составе комплексных экспедиций в Воскресенском и Дивеевском районах Нижегородской области. Для всех участников этих полевых выездов Михаил Гершонович останется в памяти не только как специалист, профессионал своего дела, обладающий поистине энциклопедическими познаниями в разных научных областях, но и как замечательный, душевный собеседник, «полевик» с большой буквы. К сожалению, наших совместных экспедиций было не так много, как хотелось, но его «авторская» манера опросов, интересные рассказы из жизни великих исследователей по вечерам останутся в сердце всех, кому выпало счастье общения с Михаилом Гершоновичем.

За последние три года мы часто переписывались в социальных сетях, обсуждая экспедиционные планы на ближайшее лето. Хочется обнародовать фрагмент переписки, показывающий, насколько активным человеком, любящим жизнь и свою

профессию фольклориста, останется Михаил Гершенович в памяти всех нижегородцев.

(Фрагменты переписки с 2019 по 2024 год).

– Михаил Гершенович! Скоро экспедиция. Мы 31 мая едем от консерватории в 9 утра...

– Спасибо за информацию! Я собрался на 99,99%. Сегодня буду заказывать билеты и сразу сообщу вам.

– Андрей Владимирович, добрый вечер! К сожалению, у меня не очень хорошие новости – я заработал хроническое воспаление голосовых связок. Не просто хриплю, а совсем не могу долго говорить. Врач назначил лечение и – месяц максимального молчания. Так заканчивается моя педагогическая деятельность – потерей голоса. Это значит, что я вынужден отложить исполнения своей давней мечты – поработать в другой области, тем более в данном случае с хорошими людьми. Но все же я надеюсь, что голос восстановится, и я еще смогу немного поработать. А не будет ли у вас еще какой-нибудь поездки в августе? В июле я должен вести экспедицию у нас. Смогу ли? Хочется верить. Так что еще раз извините, и не сбрасывайте меня со счетов!

– Михаил Гершенович! Жалко, конечно. Вы выздоравливайте, а в августе что-нибудь придумаем...

– Андрей Владимирович! Судя по фотографиям, у вас была отличная экспедиция! Поздравляю! Надеюсь, что в вашей группе появится побольше материала о похоронах Стромы¹. А я все лечусь, прогресс есть, но пока еще маленький. Еще недели две-три ходить на процедуры. Надеюсь на лучшее, иначе придется совсем уходить с преподавательской работы.

– Михаил Гершенович! Да, экспедиция порадовала, материал интересный, студенты хорошие. Вы, главное, выздоравливайте!

– Спасибо большое!!! Жаль не съездил с вами, но вы меня в уме держите – связки я лечу, нагрузка минимальная!

¹ *Строма (Сторома) – обряд «Похороны Сторомы» в Первомайском районе Нижегородской области*

– Андрей Владимирович! Мы издаем с этого года сборник статей "Живая традиция", в котором очень хотели бы представить ваш "Свети-Цвет". Были бы рады получить от вас на 2 страницы (максимум) информацию о коллективе, его награды и пару фотографий полного состава. Спасибо!

– Михаил Григорьевич², добрый день! Высылаю информацию, извините, что долго не отвечал, были в Казани на фестивале.

– Спасибо большое! Я и сам в Москве на конференции!

– Михаил Григорьевич! 15-го июня с 12 до 16 Троица в музее Щелок. Хутор, в 16 часов выезжаем в Воскресенский р-н (Орехи, Троицкое (там будет Троица), Владимирское (Светлояр). Спим на кроватях, надо только спальники, возвращаемся 19-го. 21-го должен приехать из Садовки коллектив. 21-го совместный концерт с нами, 22-го уезжаем в Дивеевский р-н в Суворово, 23-го фестиваль сельский «Цветущие вершины», а вечером «Вождение Коня» в Глухово, 24-го утром возвращаемся. Это вторая экспедиция ННГК (3 студента, Ольга Николаевна, я и вы). Если получится – буду рад!

– Спасибо! Я буду стараться изо всех сил!!!

– Андрей Владимирович! Я выезжаю 21.06 из Казани поездом 051 в 22.05. Прибываю в Нижний 22.06 в 06.52 местного времени. Уезжаю из Нижнего 24.06 в 20.48 местного. Как я понял из нашего разговора, мне нужно часикам к 10 подъехать на Щелоковский хутор. Утречком я хочу побродить с фотоаппаратом по Нижнему. Кажется, вы говорили, что мне нужно взять спальник, так? Какие еще есть тонкости? Напишите, пожалуйста.

– Михаил Григорьевич! Все в порядке, «Вастома»³ приезжает, 22-го мы все выступаем на хуторе и в 15-16 за нами приезжает автобус, едем в Суворово. Спальник не надо. 24-го приедем в Нижний. Там у нас сельский фестиваль и «Вождение Коня». Как приедете, позвоните!

² В экспедиционных разговорах Михаила Гершионовича часто называли Михаилом Григорьевичем.

³ «Вастома» – мордовский фольклорно-этнографический ансамбль с. Садовка республики Башкортостан.

– Отлично!

– Андрей Владимирович! У меня нет вашей почты – пришлите, пожалуйста. Пока что высылаю вам статью о песенной традиции. Может пригодится. Про духовные стихи пока не нашел.

– Андрей! Приветствую! Нелли Александровна просила узнать, на какое время лучше всего поставить семинар по народным музыкальным инструментам? Если ты не забыл, то она говорила о 15 февраля. И, если можно, напиши несколько пунктов, которые, на твой взгляд, желательно рассмотреть. Я весь с головой ушел в тему кенотафов, в конце февраля буду делать доклад в институте этнографии, а потом переделывать доклад в статью.

– Андрей! Я вот, что подумал. А не мог бы ты выступить с презентацией, короткой конечно, своей энциклопедии? Это как раз подходит к нашей конференции, в которой предполагаются сообщения по архивам, и формам представления архивных материалов. Думаю, что это было бы очень интересно послушать и посмотреть всем, особенно молодежи, а у нас уже половина участников - магистранты из разных городов.

– Андрей! Я приезжаю 1-го примерно в 15.00. Решил остановиться в гостинице. Думаю оформлюсь до 16.00, а потом можно и встретиться. Уеду раньше вас, так как поезд только 7-го и 9-го, но мне уже на работу 11-го, а дома много чего не сделано. Набрosal для себя план работы. Из главного: посетить Кибелек и день поработать в Семенове. Это связано с проектом, который мы начали с моей коллегой. Подробнее - при встрече.

– Андрей! Напоминаю о нашей конференции. Очень хотел бы видеть онлайн тебя или кого-нибудь из твоих девушек!

– Михаил. Доброе время суток! Боюсь уж спрашивать, как у тебя дела? Ольга сказала, что серьезная операция была. Надеюсь, что все образуется. Я начинаю осваивать новый район – Варнавинский. Завтра едем на разведку. Хочу на следующий год сделать большую экспедицию. Будет возможность – присоединяйся

– Добрый вечер! У меня рак гортани. Прошел два сеанса химиотерапии. Операции не было. Наследующей недели

консилиум – будут решать врачи, что дальше. Так-то я чувствую себя нормально, но гемоглобин упал, поэтому анемия. Похудел на 7 кг. На улицу выхожу, но сил мало. Вот такое у меня лето.

– Михаил, держись!

– Андрей! С днем рождения! Весь этот новый год твоей жизни – даже не чихать (только от пыли на экспедиционных дорогах), побольше радостных минут, реализации всех планов и проектов! Ну и удачи, без которой никак!

– С Новым годом, Андрей! Здоровья, удачи, радости!

– Михаил, доброе время суток! Тебя тоже с Новым годом! Здоровья, творческого настроения!

(Это последняя запись от 2 января 2024 г.).

Михаил Гершенович! Вы навсегда останетесь в наших сердцах!

ДОРОНИН ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ, кандидат исторических наук, фольклорист, этнограф, социально-культурный антрополог, старший научный сотрудник Учебно-научного центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени Российского государственного гуманитарного университета (УНЦ ВИСИНВ РГГУ, г. Москва);

доцент кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ;

научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС, г. Москва).

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ВПЕРЁДСМОТРЯЩИЙ (Малое воспоминание о Михаиле Гершеновиче Матлине)

Я уже не могу вспомнить точно, когда произошла моя первая встреча с Михаилом Гершеновичем Матлиным, вероятно, это было в конце нулевых годов в один из наших приез-

дов в его родной город. В мае 2008 года в Ульяновске состоялась молодёжная ассамблея национальных культур, на которую я приехал с нижегородским фольклорно-этнографическим коллективом «Свети-Цвет». Тогда мы были увлечены этноэкологией, презентовали на ассамблее первые проекты школ этноэкологических центров, поэтому меня очень интересовал другой региональный опыт работы с сельскими святынями, народным знанием о природных объектах и т.п. Ульяновские знакомые в один голос послали меня в педагогический университет к Матлину. По первому впечатлению он показался мне строгим, суховатым, но очень основательным человеком, с хорошо поставленным голосом и почти академической, неспешной манерой изъясняться. Его известная всем борода была ещё не седая. Помню коридоры и стены УлГПУ, в которых Михаил Гершенович показывал мне научно-образовательный центр «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» и рассказывал о своих исследованиях.

Следующие встречи были связаны уже с Москвой, мы пересекались, хотя и не часто, на конференциях, конгрессах, семинарах Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ. Наши общие поля начались с неожиданной встречи в поезде. В конце августа 2017 года с тем же «Свети-Цветом» и нижегородским фольклористом Андреем Харловым мы ехали поездом в Архангельский район Башкирии на «Народный календарь» – межрегиональный фестиваль-лабораторию русского фольклора. В вагонах царил липкая жара, на станциях народ вываливался на платформы – покурить и подышать воздухом. На одной из таких стоянок, в Бугульме я заметил знакомую фигуру – курящего Матлина, в белой, выдавшей виды футболке и уже поседевшей бороде. Комично, но ни я, ни Михаил Гершенович не узнали друг друга сразу, мы курили и присматривались. Потом я всё-таки подошёл к нему, мы разговорились, вспомнили и выяснили, что едем на одно и то же мероприятие: как и Харлов, Матлин должен был жюрировать фестиваль в Архангельском и Красном Зилиме.

Конечно, мои первые ульяновские впечатления о Матлине оказались очень неполными: за строгим, я бы даже сказал, хмурым, с тяжеловатым проницательным взглядом лицом в

беседе открывался живой, интересующийся всем человек, прекрасный наблюдатель и вдумчивый философ, который не прочь был в хорошей компании немного побалагурить и выпить. Кажется, этим мы и занялись в вагоне на Уфу, подняв бокальчик-другой за полевое экспедиционное знакомство. С этой поездки начались общие нижегородско-ульяновские поля и поездки, к которым и я присоединялся, вырываясь по возможности из Москвы.

В августе мы вместе были в башкирском Зилиме, а уже в ноябре того же 2017 года в Ульяновке празднуем 25-летие Центра развития и сохранения фольклора (Центра русской культуры) Ульяновской области. Башкирское поле сдружило, и Михаил Гершенович приглашает нас полным составом: «Свети-Цвет» выступает на праздничном концерте, Харлов играет на жалейках и марийском пузыре, а я, по матлинской просьбе, выступаю с лекцией перед студентами-филологами УлГПУ об анклавах, контактных зонах и этнолокальных группах. Весь конец года проходит в плотной переписке: мы обмениваемся фото и видео, отзывами и приятными похвалами. Приведу небольшой её фрагмент, чтобы зазвучали голоса наших писем. В конце-то концов, ведь мы фольклористы!

Матлин: Дмитрий, спасибо за лекцию! Очень была нужна. Мы посидели немного, но... выпить было не с кем... жаль... Буду ждать экспедицию в Нижегородскую область. Очень хочется с хорошими людьми хорошо поработать... и немного выпить!

Я: Смотрю на прекрасные умные лица ульяновских филологинь и жалею, что читал доклад в основном спиной.

Матлин: Ну, девочки ещё только вкушают плод познания. Поэтому ещё просветлённые...

Я: Да, прямо филологи-филологи в таком старом, правильном высоком смысле. Вообще, спасибо Вам большое! Что пригласили! И вообще очень приятно, хоть и мимолётно, было увидеться. Не ожидал. Особенно понравился Ваш научный центр с архивом.

Матлин: Рад, что понравилось! Взаимно. Нас очень мало, хорошо, что можем видеться!

В переписке мы рассказываем друг другу о текущих интересах и проектах. Помню, Матлин делился тогда о своей работе над сборником устных рассказов о голоде в войну и электроном альманахе «Живая традиция». И, конечно, как это и должно быть среди близких по духу полевиков, даже если переписка на время пресекалась, мы всегда помнили друг о друге, что говорится, всегда имели в виду, предлагая друг другу участие в выставках, конференциях, подборках и поездках. Увы, лишь немногому из задуманного удавалось воплотиться, и мне до сих пор стыдно перед ним, что так и не смог разродиться статьёй ни в одну из задуманных им подборок.

В октябре 2022 года мы попытались встретиться в Ульяновске вновь – на организуемой им с коллегами Всероссийской конференции «Традиционная русская культура и фольклор сегодня. Экспедиционные и архивные открытия». Увы, мне удалось выступить только онлайн – с докладом по моим диссертационным исследованиям о советской иконе. Знал бы, что Гершоныча скоро не станет – обязательно бы поехал, пообщаться, обнять, выпить, но я не знал об этом. Впереди были новые планы, Матлин звал в очередную подборку в крупном проекте по «освоению человеком традиционного сакрального пространства в постсоветской России». Шёл конец января 2023 года, я с головой ушёл в диссертацию и больше не получал писем от Михаила Гершеновича и сам ему тоже написать уже не успел. Об этом сейчас, конечно, очень жалею.

Но мы всё-таки побывали в общих полях, а это, безусловно, важнее статей и конференций. Немногие из антропологов или фольклористов могут сработаться в экспедиции вместе – тогда возникает уважение, доверие и как будто бы братство. Многие из коллег, с кем приходится ездить, могут раздражать и даже бесить – настолько различны исследовательский стиль и чувство поля. С Матлиным же было интересно и душевному комфортно. «Спасибо, Дима! Рад был поработать и по чуть-чуть с тобой!» – напишет и он мне, после одной из поездок в ответ на мои сентябрьские поздравления.

Самое яркое и памятное из наших общих полей стала для меня светлоярская экспедиция августа 2022 года в Воскресен-

ский район Нижегородской области. Размещались мы в старой деревянной школе села Владимирское, переоборудованной под гостевой дом этнокультурного центра «Китеж». Михаил Гершенович приехал раньше нас и уже успел побывать на нескольких старообрядческих могилах, почитаемых на нижегородском севере. В школе мы жили с ним в одной комнате, выбрав себе по топчану, стены её были заставлены стеллажами с книгами и увешаны разнообразными картинами на эзотерические и «славяно-языческие» темы. Всем этим хозяйством занимался местный хранитель Светлояра – Алексей Борисович Гроза. Разобравшись с топчаном, Гершенович указал на один из шкафов и заговорщически посвятил меня в тайну: здесь-де припрятана им на прошлой неделе бутылка красного вина. Мы пили вино и говорили о Светлояре. Голос Матлина в то время был уже тихим и хриплым, однако глаз его сверкал и лицо светилось – ему очень нравилось снова бывать в экспедиции, общаться с коллегами и волей-неволей заводить новых учеников. Иногда он напоминал мне какого-то невероятно благородного, умнейшего породистого пса – настолько выразительными и живыми становились его глаза по мере того, как голос постепенно покидал его.

Матлин хотел изучить всё или почти всё, что его взгляд фольклориста находил вокруг себя: он планировал исследовать все нижегородские старообрядческие святыни, локальные особенности похоронного обряда во всех районах, в которых оказывался, конструирование образа Светлояра и Китежа в разных религиозных течениях. В моей памяти ярко стоит воспоминание: Михаил Гершенович с блокнотом и смартфоном устроился на самое удобное для «вперёдсмотрящего» место в микроавтобусе. Микроавтобус везёт нас на нижегородский север: мы уже переехали «Борский мост» через Волгу, Нижний позади, и Матлин пристально всматривается то в смартфон, то в обочины – он высматривает кенотафы и сразу наносит их на свою полевую карту-схему в блокноте. Внимание к смерти охватило его в последние годы, но и это занятие он преобразовывал в жизнь, создавая из могил, надмогильных камней и кенотафов филигранное кружево научного анализа. Конечно, у него были гранты РНФ, журнальные подборки,

секции на конгрессах, которыми двигался этот интерес. Однако, думаю я, важнее другое: так он смог принять смерть как этнограф и фольклорист, изучить её во всех мелочах, в которых её получают люди. Может быть, это был и его личный, почти мистический (насколько это возможно для учёного) опыт преодоления смерти, когда он всё больше и больше входил и погружался в неё как человек и как учёный.

Светлоярское неоязычество разных групп тоже весьма интересовало Матлина, как, впрочем, и старообрядчество, и всякие изводы и толки ритуальных практик, которые притягивались Китежем как магнитом. Ясно, как сейчас помню Михаила Гершеновича на тропе под соснами Светлояра: глаза его блеснули от интереса, с которым он повествовал нам о собиравшихся здесь в начале XX века народных диспутах о вере. «Вот тут, тут, на этих холмиках и сидели они век назад, и спорили друг с другом, и Короленко, и Гиппиус приезжали к ним!» – потрясая и указывая пальцем, сообщает он консерваторским барышням. Хрипотца его разносится под китежскими соснами, пахнет малиной и сырыми травами, мы идём смотреть бобровый городок, святой ключик Кибелек и огромные деревянные кресты на могилках трёх старцев.

Одновременно с научными целями это была фольклорная студенческая практика Нижегородской консерватории, дом был наполнен смехом и поющими девичьими голосами. Помню, как Михаил Гершенович строго, но и в шутку, почти как мудрый сверчок, наставлял девушек – о том, как следует готовить еду, обустраивать экспедиционный быт, как правильно вести себя с мужчинами и т.п. У каждого исследователя – свой стиль экспедиции, и тогда матлинские наставления показались мне очень патриархальными, однако девушек они ничуть не смутили, слушали они его с большим интересом и приготовили нам вкусную кашу. Вместе мы её запили вкусным красным вином. Бокал вина я держу и сейчас, и вспоминаю о Матлине. Новых и новых тебе исследований, где бы ты сейчас ни находился, Михаил Гершенович! И, конечно же, мы ещё обязательно встретимся! У меня нет такого чувства, что мы расстались навек.

ВЛАДИМИР ШЕВЧЕНКО, независимый исследователь

Михаил Гершенович Матлин
(02.09.1951 – 25.02.2024)

*День рождения -
In memoriam:
Нет забвения -
Есть История...*

Владимир Шевченко
2.09.2024

25 февраля 2024 года на 73 году закончился жизненный путь Михаила Гершеновича (Григорьевича; МГ) Матлина – фольклориста, этнографа, литературоведа и педагога.

М.Г. Матлин родился в Ульяновске 2 сентября 1951 года. Отслужив два года в советской армии и отучившись почти столько же в ленинградском политехническом институте, он в 1974 г. возвращается на родину и поступает на филологическое отделение историко-филологического факультета Ульяновского педагогического института. Устное народное творчество и древнерусская литература буквально «завораживают студентов». Лекции читала только что окончившая аспирантуру Пушкинского Дома бывшая ученица Владимира Яковлевича Проппа Майна Павловна Чередникова. Летом 1975 г. под её руководством небольшая группа второкурсников отправляется на поиски народной мудрости в Теренгульский район Ульяновской области. Это была первая институтская фольклорная экспедиция. Так «уже после первого года сформировался круг учеников, для которых фольклор и русская литература стали сначала предметом увлечения – и делом всей жизни». Это МГ, конечно же, писал о себе.

Такой же круг учеников образовался впоследствии и у Матлина, которому после окончания с отличием истфила в 1978 г. предлагают работу на кафедре литературы. С этого же года для студентов-филологов обязательной становится и фольклорная практика. Теперь организация выезда «в село» больших

студенческих групп (2–3 по 15 человек) становится обязанностью МГ. Каждый район Правобережья области обследовался одно, а то и два лета. Собранный в экспедициях материал необходимо было структурировать и описывать. Руководство этим процессом легло на те же плечи. Так постепенно формировался богатейший фольклорный архив при кафедре литературы. А методы полевой работы стали для Матлина любимыми и незаменимыми. В этот период появляются первые научные публикации МГ – экспедиционные отчеты, в которых, наряду с информацией о найденном, делается попытка анализа зафиксированного состояния устных песенной и прозаической традиций в районах Ульяновской области. В дальнейшем ученый не раз будет обращаться к жанру отчетов и, шире, к исследованиям по истории региональной (Среднее Поволжье) фольклористики в настоящее время и в XIX веке.

Преподавательские будни увлекают молодого ассистента: практические занятия, разработка собственных лекционных курсов по истории русской литературной критики, русской литературы XIX века и устному народному творчеству. Затем поступление в аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена и блестящая защита кандидатской диссертации «Проблемы поэтики А.Н. Островского и фольклор (70–80-е годы)» в 1985 году (научный руководитель Н.Н. Скотов, оппоненты Л.М. Лотман и В.А. Котельников). Литература и фольклор – область литературоведческих опусов Матлина, в которой, наряду с А.Н. Островским появятся фамилии Н.А. Некрасова, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.М. Карамзина и др.

Ежегодные фольклорно-этнографические экспедиции выявляли актуальные проблемы полевой работы, корректировали поисковые и исследовательские формы и методы. А обилие «свежего» материала определяло основные направления научных разысканий Матлина. Традиционная культура (быт и народное творчество), её визуально-вербальное проявление в устно-письменных формах, её региональная специфика и бытование в меняющихся социокультурных условиях, постфольклор и антропоцентричность методологии науки. А ещё фольклор и культура малых социальных групп: солдатской

казармы и военных училищ, парашютистов и автостопа. Буквально всё это является сферой интересов МГ, что и отражено в списке его печатных работ.

Увлечённый процессом учительствования и общения со студентами, МГ создаёт клуб любителей народной культуры «Симбирянин», в котором объединилась такая же увлечённая фольклором молодёжь. Они в основном писали у своего руководителя фольклористические курсовые и дипломные сочинения. Кроме собирательской и исследовательской работы студенты разыгрывали в фойе университета народно-драматические сценки, а в каникулы ежегодно волонтерствовали: убирали территорию бывшей усадьбы в селе Аксаково, а в селе Поливаново в подшефных детском доме и школе занимались с детьми развивающими играми и вместе создавали праздники. В сёлах области «симбиряне» с привлечением местной молодёжи совместно устраивали реконструкции народных праздников и гуляний (Святки, Проводы Масленицы, Царь горы, кулачные бои «стенка на стенку»).

На рубеже веков МГ несколько лет заведует кафедрой литературы педагогического университета.

Очень важным этапом научной жизни М.Г. Матлина и группы ульяновских фольклористов было сотрудничество с коллегами из московского Института этнологии и антропологии РАН – И.А. Морозовым и И.С. Слепцовой (Кызласовой). Несколько лет обследовалась часть бассейна Суры – это земли Инзенского, Сурского и Карсунского районов. Итогом стало коллективное двухтомное (в 1300 стр.) издание этнодиалектного словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» (2012). В нём перу МГ принадлежат 22 статьи.

Но основным объектом изучения для М.Г. Матлина становится прежде всего русская народная свадьба в прошлом и настоящем, вернее, весь свадебный ритуально-обрядовый комплекс в его современной региональной фиксации в контексте традиции XIX века. В совокупности – это около 80 научных работ, «раскапывающих исторические и прагматические корни свадьбы». Вершиной этой серии исследований является монография «Смех в русской народной свадьбе XIX–XX вв.: Типологический и функциональный аспекты» (2015). Докторская

диссертация на эту тему была также блестяще защищена в Институте мировой литературы РАН в январе 2020 г. В работе впервые проанализированы все устные и письменные жанры свадьбы, все её театральные-игровые формы; установлено типологическое совпадение ряжения в календарных обрядах и свадьбе, а также происхождение, время появления и функции в комплексе некоторых игровых действий, обрядов и письменных текстов... Ученый убедительно доказал, что «установка на смех» в свадьбе «формируется логикой традиции» и прагматикой самого обряда, что, в свою очередь, «определяет поведение» его участников. Соответственно, «смеховое начало в свадьбе» является «онтологическим свойством самого обряда», то есть исконно присущим, неотъемлемым, выполняющим определённые «социально-психологические функции» и раскрывающим его «ритуально-мифологическую семантику». (К разговору о тщательности «свадебных» работ М.Г. Матлина: через его руки прошли 1223 записи свадеб XX в., сделанные в 325 населённых пунктах Ульяновской области.)

Кафедральный архив (а на сегодняшний день в нём более 30 тысяч единиц хранения) со временем получил статус Лаборатории традиционной культуры и фольклора, а десять лет назад на её базе был образован Научно-образовательный центр «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова при УлГПУ. Вся работа НОЦа определялась и осуществлялась М.Г. Матлиным, который, являясь еще и сотрудником Центра развития и сохранения фольклора (филиала Центра народной культуры Ульяновской области), координировал деятельность обеих структур по организации научно-практических мероприятий: семинаров, народных празднеств и фестивалей (один из последних – Всероссийский детский фестиваль русской традиционной народной культуры «Живое наследие» (2022)).

МГ был организатором и соучредителем целого ряда конференций, например, Международной конференции «XI Виноградовские чтения» (1998); XXV Международной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир: Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России» (2020); Всероссийской научно-практической кон-

ференции «Традиционная русская культура и фольклор сегодня: Экспедиционные и архивные открытия» (2021, 2022, 2023) и др.

Участие же самого МГ в различных научных форумах не поддается учёту, тем более что не после каждого остаётся публикаторский след. Вот лишь некоторые: Всероссийские конгрессы фольклористов (3, 4 и 5); Конгрессы этнографов и антропологов России (с VII по XIII); «Камера-посредник»: Международные научно-практические конференции в рамках Московского международного фестиваля визуальной антропологии (с III по VI); Международный научный конгресс «Восток и Запад: Этническая идентичность и традиционное музыкальное наследие как диалог цивилизаций и культур (2 и 3); Международные научные конференции «Славянская традиционная культура и современный мир» (с XV по XXVI); Международные научные конференции, посвященные И.А. Гончарову (1992, 1997, 2002, 2007); XVI международная научная конференция «Ономастика Поволжья»; Всероссийские научные чтения, посвященные П.Г. Богатырёву (2013, 2018), и многие другие.

М.Г. Матлин был членом редколлегий журналов «Этническая культура» (Чебоксары), «Поволжский педагогический поиск» (Ульяновск) и региональным представителем редколлегии альманаха «Традиционная культура» (Москва), членом Совета по книгоизданию при Правительстве Ульяновской области, а также членом комиссии по присуждению Международной литературной премии им. И.А. Гончарова и Межрегиональной поэтической премии им. Н.Н. Благова (обе – Ульяновск). Он удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры Ульяновской области».

В последнее десятилетие МГ интересовали живые процессы, происходящие с традицией:

1) Субкультура интернета: его язык, фольклор и герои.

2) Несколько статей посвящены новым городским ритуальным формам: символическим брачным/свадебным скрепам – замкам, которые молодожены развешивают на перильных ограждениях мостов, и камням счастья и любви.

3) Изучение устной мемуарной прозы на материале устных рассказов русского сельского населения Ульяновского Поволжья о голоде 1941–1945 годов завершилось изданием двух книжек: сборника текстов и монографии. Проанализирована типология и сюжетно-композиционная структура текстов, выявлены их жанровое своеобразие, тематическая основа и прагматика.

4) В ряде статей исследовалось сельское и городское социокультурное и «фольклорное пространство» (термин Матлина–Чередниковой). Природный ландшафт, освоенный традиционной культурой, наполняется различными смыслами и приобретает особое значение и статус. Формируются исторические и сакральные локусы, в календарной и свадебной обрядности растительные атрибуты символически кодируются. Результаты данных процессов тщательно рассмотрены в коллективной (под руководством МГ) монографии «Русская традиционная культура и фольклор в культурном ландшафте Ульяновского Поволжья» (2019).

5) Буквально «на экваторе» болезнь прервала работу над грантовым проектом «Специфика освоения человеком традиционного сакрального пространства в постсоветской России (на примере Ульяновской и Нижегородской областей)», который продолжал предыдущее исследование, но на материале более масштабного региона и конкретно ограниченного временного периода. (МГ успел опубликовать несколько статей об озере Светлояре и граде Китеже).

6) На стыке исследований социокультурного пространства и современных культурных традиций находятся работы, комплексно названные автором «Смерть в ландшафте», посвященные феномену кенотафов – форм «придорожной мемориализации» «мест гибели людей в ДТП», их «персонализации и анонимизации», «этноконфессиональным особенностям» и т.п. К данной группе можно присовокупить и статью, анализирующую «гендерный аспект в оформлении деревянных намогильных памятников на старообрядческих кладбищах».

В общей сложности библиография М.Г. Матлина составляет более 250 опубликованных работ, включая около 20 книг и брошюр (диссертации, монографии, учебно-методические

пособия) и почти столько же редакторско-составительских изданий.

Особо нужно упомянуть о том, что в экспедициях МГ постоянно фотографировал и снимал видео. На основе полевых видеофиксаций им было создано четыре этнографических фильма, которые после демонстрации на фестивалях визуальной антропологии положительно оценивались профессиональным сообществом.

К сороковому дню памяти супруга и дочь (обе – члены Союза писателей России) подготовили и издали сборник стихов Михаила Гершеновича Матлина «Снится поле...». (Поэзию он любил и знал, а стихи писал ещё со школьных лет.)

Память остаётся не только в сердцах близко знавших его людей. Память об учёном возникает каждый раз при обращении к его научной мысли.

In memoriam

Памяти Михаила Гершеновича Матлина –
фольклориста, этнографа, литературоведа,
поэта, отца, друга, учителя
(2 сентября 1951 – 25 февраля 2024)

Когда нам на двоих было около пятидесяти, мы называли друг друга по фамилиям, удваивая обращение словом «старик». Лет через пятнадцать Матлин расширил формулу эпитетом «дорогой».

Еще через какое-то время – с возрастом – из триединого сочетания «старик» постепенно исчез. А «дорогими» Михаил титуловал друзей до последних дней – уже только в переписке.

* * *

Матлин родился в Ульяновске. На филфак местного пед (педагогического института) его, отслужившего сержантом в батальоне химзащиты и отучившегося почти два года в ленинградском политехе, привела поэзия. На первом курсе группу студентов увлекла русским фольклором только что прибывшая из аспирантуры ученица Владимира Яковлевича Проппа – Майна Павловна Чередникова. И начиная с лета 1975-го поездки по весям поволжским в поисках мудрости народной ста-

ли для М.Г. Матлина ежегодной необходимостью. Вплоть до года 2022-го. Полевая фольклористика – основа всех направлений его научных разысканий. Традиционная культура (быт и народное творчество), ее визуально-вербальное проявление в устно-письменных формах, ее региональная специфика и бытование в меняющихся социокультурных условиях. Его литературоведческие работы почти всегда были на стыке литературы и фольклора (А. Островский – первая диссертация, И. Гончаров, Н. Некрасов, Н. Карамзин, И. Тургенев). Но прежде всего – это русская народная свадьба в прошлом и настоящем.

* * *

Свадебный ритуально-обрядовый комплекс, ставший для М.Г. Матлина основным объектом изучения, как пазл, разобран им на многочисленные составные, рассмотрен в деталях и этапах, заново собран и комплексно проанализирован в историческом, типологическом и функциональном аспектах. Этому ученому посвятил около 80 научных работ. Основной труд – монография, она же докторская диссертация – убедительно доказывает, что проявленное в вербальных текстах и театрально-игровых формах «смеховое начало в свадьбе» является «онтологическим свойством самого обряда», то есть исконно присущим, неотъемлемым, выполняющим определенные «социально-психологические функции» и раскрывающим его «ритуально-мифологическую семантику».

«Смех – дело не только серьезное, но и интересное», – написал автор на подаренной мне книге.

* * *

Миша был увлекающимся человеком и в увлечениях своих стремился достигать профессионального уровня. Увлёкся книжным макетированием – верстал себе книги, а жене – многочисленные поэтические сборники. Увлёкся оцифровкой и чистой полевой записей – освоил специальные программы, хвалился результатами. Увлёкся видеофиксацией обрядов –

сделал несколько фильмов, которые на фестивалях визуальной антропологии были отмечены специалистами.

Увлёкся темой кенотафов – объездил основные трассы Среднего Поволжья.

Любил бродить по лесу, собирая грибы, любил возиться в саду на волжском склоне.

Умело увлекал за собой студентов, объединив их в клуб любителей народной культуры «Симбирянин»: фольклором, собирательской и исследовательской работой, шефской помощью районному интернату, постановкой народно-драматических сценок, а в селах области еще и местную молодежь совместной реконструкцией народных праздников и гуляний (Святки, Проводы Масленицы, Царь горы, кулачные бои «стенка на стенку»).

Главным увлечением М.Г. Матлина было учительствование: он любил читать лекции, вести семинары, много времени уделял личным консультациям. И умел это делать «вкусно».

И многие девушки на каждом курсе филфака были в него влюблены.

Все в институте называли Матлина Михаилом Григорьевичем. Он считал, что так удобней студентам. Я подмены не признавал, так как знал его родителей: огромного, постоянно читающего и курящего Гершона Хоньча и маленькую Веру Ивановну Воронину, умевшую отлично готовить фаршированную щуку.

Как-то я поделился с Мишей соображениями о следах древнеиудейских ритуалов в Ветхом Завете. Ответ, тогда неожиданный для меня, был резким: «Это меня не интересует. Я русский интеллигент». Противоречия я не увидел.

В последнее десятилетие «подлинное отцовство» как-то органично восстановилось в правах. И студенты не испытывали неудобства.

А после пятидесяти Матлин окрестился.

* * *

Из студенческого фольклора:

Матлин низко летит – к дождю или к незачету. (О быстрых передвижениях МГ по коридорам педа.)

Играть в Матлина. (О вынужденно быстрых пеших переходах между селами во время фольклорных практик.) Между собой доцента Матлина именовали «эМГэ» или «Мих-мат», а филологический факультет – «филматом».

Когда Матлин заболел, то возненавидел слово «держись / держитесь», с которым к нему обращались коллеги и ученики. «Я не держусь... Я живу здесь и сейчас, просто изменились обстоятельства».

В последние месяцы борьбы с онкологией он мечтал дожить до рождения своей внучки. Но стать дедушкой было уже не суждено.

Ворон

Миша любил русскую народную песню. Он считал, что у него нет слуха-голоса, но, когда мы пели «Знаю, ворон, твой обычай...», всегда подхватывал ее.

Печальную весть ворон приносит всегда неожиданно. Даже если он уже давно трагически кружит над. На этот раз – 25 февраля 2024 года. Хотя трагедия начиналась задолго до.

Друг, учитель, дорогой, мы Тебя помним.

Фольклор: структура, типология, семиотика.
2024. Т. 7. № 4 • ISSN 2658-5294

Избранная библиография Михаила Гершеновича Матлина

Отдельные издания (монографии, диссертации, учебные пособия)

— Проблемы поэтики А.Н. Островского и фольклор (70–80-е годы / Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 175 л. <На правах рукописи>

— Тип «бесприданницы» в творчестве А.Н. Островского и его фольклорные истоки // Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР, № 18738, 16.11.1984 г., 35 с. (Литературоведение: Библиографический указатель. М.: ИНИОН АН СССР. 1985. № 5).

— Методические указания по учебной фольклорной практике для студентов I курса историко-филологического факультета. Ульяновск, 1988. Ч. 1. 50 с.; ч. 2. 44 с. <Сост. в соавт. с Чередниковой М.П., Рассадным А.П., Шаврыгиным С.М.>

— Учебная практика по фольклору: Методическое пособие для студентов 1 курса. Ульяновск, 2000. 40 с. <В соавт. с Чередниковой М.П.>

— Изучение народных песен на уроках литературы: Методическое пособие. Ульяновск, 2002. 48 с.

— Уроки русского фольклора в 5–8 классах средней школы: Былины. Ульяновск, 2008. 78 с.

— Русская свадьба Ульяновской области XX века. Ульяновск, 2011. 320 с.

— Традиционная культура Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь: В 2 т / Отв. ред.: И.А. Морозов, М.П. Чередникова. М., 2012. Т. 1: А–Л. 664 с., фото, карты + 12 л. вклеек; Т. 2: М–Я. 664 с., фото, карты + 12 л. вклеек. <В соавт. с Кызласовой (Слепцовой) И.С., Липатовой А.П., Морозовым И.А., Сафроновым Е.В., Чередниковой М.П. и др.>

— Городские были и небыли: Рассказы старожилов города Ульяновска. М., 2013. 176 с. <Сост., ред., вступ. статья, примеч.>

— Смеховые театральные и игровые формы в русской традиционной свадьбе XIX–XX вв. М., 2013. 180 с.

— Календарно-обрядовая поэзия Ульяновского Поволжья: Песни зимних праздников / Вступ. статья М.П. Чередниковой; нотация С.Н. Акулиной. Ульяновск, 2015. 98 с., ноты. <Сост., ред.>

— Смеховые устные и письменные жанры в русской народной свадьбе XIX начала XXI вв. Ульяновск, 2015. 76 с.

— Смех в русской народной свадьбе XIX–XXI вв.: Типологический и функциональный аспекты. Ульяновск, 2015. 272 с.

— Голод 1941–1945 гг. в устных рассказах русского сельского населения Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 2017. 84 с. <Сост.; вступ. статья в соавт. с Чередниковой М.П.>

— Устные рассказы о голоде 1941–1945 гг. русского сельского населения Ульяновского Поволжья. Ульяновск: УлГПУ, 2018. 76 с.

— Смех в русской народной свадьбе XIX–XXI вв.: Типологический и функциональный аспекты / Дисс. <...> доктора филол. наук. Ульяновск, 2019. 411 с. <На правах рукописи>

— Русская традиционная культура и фольклор в культурном ландшафте Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 2019. 302 с. <В соавт. с Масленниковым А.В., Липатовой А.П., Фроловым Д.А., Чередниковой М.П.>

— Снится поле...: Лирика / Ред.-сост. С.И. Матлина. Ульяновск, 2024. 110 с.

Статьи, публикации, тезисы

1983

— Лирическая ситуация в народной песне и в пьесах А.Н. Островского. (К вопросу о фольклорных традициях в поэтике А.Н. Островского) // Русская литература и фольклорная традиция: Сб. науч. трудов. Волгоград, 1983. С. 63–75.

1988

— «Катерина» Некрасова: (К проблеме литературно-фольклорных связей) // III Некрасовские чтения: (Тезисы докладов). Ярославль, 1988. С. 36–37.

— Фольклорные и литературные традиции и стилевое своеобразие «Печальных комедий» А.Н. Островского («Сердце не камень» и «Невольницы») // Силевое выражение авторской позиции в произведениях русской литературы XIX века: Межвузовский сб. науч. трудов / Отв. ред. М.П. Чередникова. Ульяновск, 1988. С. 72–79.

1990

— «Народная точка зрения» в композиции драм А.Н. Островского «Гроза» и «Грех да беда на кого не живет» // Литература и фольклор: Вопросы поэтики. Волгоград, 1990. С. 57–67.

1991

— Лирика Некрасова в русском фольклоре (по материалам фольклорных экспедиций 70–80-х гг. в Ульяновской и Самарской областях) // VI Некрасовские чтения: (Тезисы докладов). Ярославль, 1991. С. 58–60.

— В мире устного народного творчества. (К изучению темы «Богатство фольклора. Русские народные сказки в 5

классе») // Углубленное изучение народной культуры и литературы в школе: (Сб. методич. статей). Вып. I / Сост., науч. ред. А.П. Рассадин. Ульяновск, 1991. С. 14–54. <В соавт. с Рассадиным А.П.>

1995

— Роман И.А. Гончарова «Обрыв» и поэмы И.С. Тургенева «Параша» и Н.А. Некрасова «Саша»: (К постановке проблемы) // Гончаровские чтения. 1994. / Отв. ред. В.И. Мельник. Ульяновск, 1995. С. 27–33.

— Некоторые вопросы методики собирания быличек в современных условиях // Фольклор. Обряд. Литература. История: Сб. исследований и публикаций. Вып. I: В честь юбилея М.П. Чередниковой / Сост., отв. ред. В.Ф. Шевченко. Ульяновск, 1995. С. 11–19.

1996

— Экспедиции Ульяновского государственного педагогического университета // Живая старина. 1996. № 1. С. 46–47.

1997

— Традиционный фольклор взрослых и детей в городе и селе // Основы полевой фольклористики: Сборник науч.-методич. материалов. Ульяновск, 1997. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 1). С. 14–19.

— Фольклор малой социальной группы // Там же. С. 21–22.

— Современные фольклорные формы в культурной жизни детей и взрослых // Там же. С. 22–23.

— Формы отчетности и правила архивного оформления материалов полевых исследований // Там же. С. 34–45.

— Русская народная свадьба села Акшут Барышского района Ульяновской области: (По материалам фольклорно-этнографической экспедиции 1997 года) // Свадебная обрядность на территории Ульяновской области: материалы и исследования. Ульяновск, 1997. С. 5–26. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 2).

— Русский свадебный обряд пос. Лесная Дача Барышского района Ульяновской области // Там же. С. 52–63. <Публ.>

— Мордовская народная свадьба села Мордовская Темрязань Барышского района Ульяновской области // Там же. С. 82–90. <Публ.>

— Письменный рассказ мордовской крестьянки о собственной свадьбе // Там же. С. 91–94. <Публ.>

— Письменные материалы к описанию свадебного обряда «Поиски ярки» // Там же. С. 130–134. <Публ.>

1998

— Календарные обряды // Специальные программы и вопросы. Ульяновск, 1998. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 3). С. 9–14. <Сост. в соавт. с М.П. Чередниковой>

— Фольклор военных училищ // Там же. С. 52–55.

— Фольклор парашютистов // Там же. С. 55–56. <Сост. в соавт. с Ливановой Н.>

— Мотив пробуждения в романах И.А. Гончарова // И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвящ. 185-летию со дня рождению И.А. Гончарова / Сост. М.Б. Жданова. Ульяновск, 1998. С. 18–25.

— Ритуально-мифологическая основа детских закличек о дожде // Традиционная культура и мир детства: Материалы Международной науч. конференции «XI-е Виноградовские чтения». Ч. II / Отв. ред. В.Ф. Шевченко. Ульяновск, 1998. С. 43–52.

1999

— Русская традиционная свадебная обрядность: Словарь // Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Ульяновск, 1999. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 4). С. 39–71.

— «Поиски ярки» в селе Поливанове / Подгот. текста, фото // Живая старина. 1999. № 3. С. 38–39.

2000

— Ивановский язык // Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Вып. 2. Ульяновск, 2000. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 5). С. 61–67.

— Кулочки // Там же. С. 68–75.

2001

— «Торговый» код в традиционном русском свадебном обряде // Собственность в представлении сельского населения России (середина XIX–XX вв.): Регионально-исторический аспект / Под ред. Д.С. Точеного. Ульяновск, 2001. С. 210–225.

— Отец Максим // Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Вып. 3. Ульяновск, 2001. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 6). С. 8–19.

— Кулачные бои в Сурском районе Ульяновской области // Живая старина. 2001. № 4. С. 17–18.

2002

— Современная армейская культура // Актуальные проблемы полевой фольклористики / Отв. ред. А.А. Иванова. М., 2002. С. 128–138. <Вопросник>

— Культура автостопа // Там же. С. 138–140. <Вопросник>

— Письменные «документы» как вербальный компонент современной русской свадьбы // Там же. С. 180–196.

— О формировании культа месточтимого святого (отца Максима) на территории Инзенского района Ульяновской области // Литература и культура в контексте христианства: Материалы III Международной науч. конференции. (Ульяновск, 19–20 июня 2002). Ульяновск, 2002. С. 127–135.

2003

— Фольклор военных училищ // Современный городской фольклор / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 180–185.

— Свадебный обряд // Там же. С. 370–390.

— Современные свадебные обычаи и обряды русского населения города Ульяновска // Традиционная культура. 2003. № 1 (9). С. 41–50.

— Поэтика сна в романах Гончарова: 1. Слово *сон* в романе «Обыкновенная история» // И.А. Гончаров: Материалы Международной науч. конференции, посвящ. 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова / Сост. М.Б. Жданова, А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова. Ульяновск, 2003. С. 26–37.

2004

— Гендер и смех: Половая инверсия в свадебном обряде «Поиски “ярки”» // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Иванова. М., 2004. С. 83–88.

— Обряд «Поиски пропавшего животного» в современном русском традиционном обряде // Там же. С. 105–109.

— Русский фольклор // Большая российская энциклопедия: Россия. М., 2004. С. 699–703. <В соавт. с М.П. Чередниковой>

2006

— Пасхальная традиция в современном русском селе. (По материалам полевых исследований в Ульяновском Присурье) // Морфология праздника: Сб. статей. СПб., 2006. С. 203–218.

— Свадебная обрядовая лексика: (Некоторые аспекты изучения) // Актуальные проблемы теории языка, лингводидактики и краеведческой лингвистики. Ульяновск, 2006. С. 128–133. (Уч. записки УлГУ. Сер. лингвистики. Вып. 1 (11). Ч. 2).

— «Скоморох» из Левашовки // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 24 / Гл. ред. А.А. Фаустов. Воронеж, 2006. С. 96–102.

— Специфика науч. видеофиксации традиционных народных обрядов в современном русском селе // «Камерал-посредник»: Материалы III Московского международного фестиваля и конференции визуальной антропологии. (Москва, 8–13 октября 2006 г.). М., 2006. С. 36–39.

2007

— Условный («тайный») язык русских ремесленников как элемент традиционной мужской культуры // Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь: Тезисы интернет-конференции / Сост. Д.В. Громов. М., 2007. С. 16–17.

2008

Поэтика сна в романах Гончарова: 2. Слово *покой* в романе «Обыкновенная история» // И.А. Гончаров: Материалы Международной науч. конференции, посвящ. 195-летию со

дня рождения И.А. Гончарова / Сост. А.В. Лобкарёва, И.В. Смирнова, Е.Б. Клевогина. Ульяновск, 2008. С. 23–37.

— Эксперимент и экспериментальные методы в современной полевой фольклористике // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 4 / Отв. ред. А.А. Иванова. Сыктывкар, 2008. С. 6–15.

— Кулачные бои // Там же. С. 91–94. <Вопросник. В соавт. с Сокирко П.П.>

— Видеокамера и полевой эксперимент // Аудиовизуальная антропология: Теория и практика. Международная науч.-практич. конференция в рамках IV Московского международного фестиваля визуальной антропологии. (Москва, 6–8 октября 2008 г.). М., 2008. С. 178–182.

2009

— Мифопоэтический хронотоп в русской внеобрядовой лирике о сироте // Восток – Запад в пространстве русской литературы и фольклора: Материалы Третьей международной науч. конференции (заочной). (Волгоград, 19 ноября 2008 г.): К 60-летию А.Х. Гольденберга / Отв. ред. Н.Е. Тропкина. Волгоград, 2009. С. 18–24.

2010

— Современные кладбища Ульяновской области // Живая старина. 2010. № 1. С. 23–26. <В соавт. с А.М. Карвалейру>

— К юбилею Маины Павловны Чередниковой // Живая старина. 2010. № 2. С. 62. <В соавт. с Е.В. Сафроновым, Е.Е. Жигариной>

— «Замки счастья» на мосту влюбленных: Об одной нувации в современной городской свадьбе // Традиционная культура современного города: Сб. науч. статей / Сост. М.Д. Алексеевский, В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М., 2010. С. 194–217. (Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 13).

— Специфика полевого исследования русской традиционной свадьбы // МП'2010: Сборник статей в честь М.П. Чередниковой / Сост. В.Ф. Шевченко. М., 2010. С. 112–118.

— Смехоэротическое начало в свадебном обряде «Поиски “ярки”». (По материалам Ульяновского Присурья) // Проблема «ума» и «сердца» в современной филологической науке: Сб. науч. статей по итогам V международной науч. конференции «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре». (Волгоград, 26–28 октября 2009 г.) / Отв. ред. Н.Е. Тропкина. Волгоград, 2010. С. 3–9.

— Принципы и формы визуальной репрезентации современного народного православия. (На примере Ульяновского Присурья) // «Камера-посредник»: Материалы международной науч.-практич. конференции в рамках 5-го Московского международного фестиваля визуальной антропологии. (Москва, 20–24 сентября 2010 г.). М., 2010. С. 179–182.

2011

— «Зайчик+зайка=любовь»: Замки на мосту как новая свадебная традиция // Живая старина. 2011. № 2. С. 36–39. <В соавт. с Виноградовым В.В., Громовым Д.В., Коршунковым В.А., Красиковым М.М.>

— Обряд «Поиски пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX–XX вв. (К вопросу о формировании и развитии традиции) // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 80–92.

— Интернет – фольклор – фольклористика // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 81–92.

— Изучение русского фольклора в Ульяновском государственном педагогическом университете им. И.Н. Ульянова // Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: Сб. науч. статей / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М., 2011. С. 98–109. (Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 14).

2012

— В.П. Юрлов симбирский собиратель русского фольклора // Традиционная культура. 2012. № 1. С. 170–179.

— Смеховые формы в русской и белорусской послесвадебной обрядности: («Поиски ярки» и «Цыганы») // Фальклор і сучасная культура: Матэрыялы III Міжнароднай навукова-

практичній конференції. (Мінск, 21–22 красавіка 2011 г.): У 2 ч. Частка 1. Мінск, 2012. С. 84–86.

— Свадебный обряд // Традиционная культура Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь: В 2 т / Отв. ред.: И.А. Морозов, М.П. Чередникова. М., 2012. Т. 1. С. 145–158.

— Баня невесты. Т. 1. С. 189–192.

— Будить невесту. Т. 1. С. 231–234.

— Венчание. Т. 1. С. 258–260.

— Вербное. Т. 1. С. 260–265.

— Второй день. Т. 1. С. 296–308.

— Горной стол. Т. 1. С. 324–330.

— Девичник. Т. 1. С. 347–352.

— За веником ходить. Т. 1. С. 445–455.

— Запой. Т. 1. С. 455–459.

— К венцу ехать. Т. 1. С. 509–512.

— Кладку рядить. Т. 1. С. 533–535.

— Молодых встречать. Т. 2. С. 47–50.

— На поклон. Т. 2. С. 69–72.

— Невесту продавать. Т. 2. С. 119–125.

— Пасха. Т. 2. С. 231–249.

— Первая брачная ночь. Т. 2. С. 249–250.

— Печурки смотреть. Т. 2. С. 259–260.

— Свадьба. Т. 2. С. 473–487.

— Сватать. Т. 2. С. 488–494.

— Собирать невесту к венцу. Т. 2. С. 520–527.

— Ярку искать. Т. 2. С. 631–645.

— Биографические сведения о собирателях XIX в. как источник по истории русской фольклористики (на примере собирателей-краеведов Симбирской губернии) // Стратегия и практика полевых исследований: Сб. науч. статей / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М., 2012. С. 120–139. (Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 15).

— Арнольдов Михаил Васильевич // Русский фольклор: Материалы и исследования. XXXVI / Отв. ред. М. В. Рейли. СПб., 2012. С. 673–675.

— Фотографии ряженых как способ визуального представления смехового начала в современной русской свадьбе // Визуальная антропология: Российское поле: Материалы кон-

ференции в рамках VI Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник». (Москва, 8–12 октября 2012 г.) / Ред.: Е.В. Александров, Е.С. Данилко. М., 2012. С. 55–65.

— Этнодиалектная специфика традиционной русской свадьбы в Ульяновском Присурье // Поволжье и Приуралье как регион взаимодействия культур: Исторический опыт и современное состояние. Материалы всероссийской науч. конференции. (Саранск, 23–14 октября 2012 г.). Саранск, 2012. С. 315–323.

— Обряд «Печурки смотреть» в свадебной традиции Ульяновского Присурья // Современные проблемы культурно-языковой регионалистики: Материалы межвузовской науч. конференции. (Пермь, 26–28 ноября 2012 г.). Пермь, 2012. С. 103–105.

2013

— Котэ – герой демотиваторов Рунета // Фольклор XXI века: Герои нашего времени / Сост. М.Д. Алексеевский. М., 2013. С. 235–258.

— Свадебная игра в «покойника»: К проблеме генезиса смеховых форм в русской традиционной свадьбе // Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы. Материалы III международной науч.-практич. конференции, Прага. (20–21 сентября 2013 г.). Прага, 2013. С. 128–142.

— Демотиваторы как один из жанров «визуального» интернет-фольклора // Визуальное и вербальное в народной культуре: Тезисы и материалы Международной школы-конференции (Москва – Переяславль-Залесский, 26 апреля – 5 мая 2013 года). М., 2013. С. 186–189.

— Свадебный обряд посещения водного источника в русской и мордовской свадебной традиции Ульяновской области // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2 (14) (апрель – июнь). С. 89–94.

— Камни счастья и любви: Об одной новой ритуальной традиции в городе // Традиционная культура. 2013. № 3 (51). С. 90–100.

— Структура и семантика обряда послесвадебного цикла посещения молодой / молодыми водного источника // Научный диалог. 2013. № 6 (18). С. 88–110.

2014

— Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве русского села // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 54–60.

— Кенотафы как одна из современных форм объективации памяти о погибших // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 36–47. <В соавт. с Сафроновым Е.В.>

— Типология сценок с ложным свадебным персонажем в русском традиционном свадебном обряде // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 2 (18). С. 126–131.

— Игра в «роженицу» в системе послесвадебных смеховых театрално-игровых обрядов и сценок // TheFirstEuropeanConferenceonLanguages, LiteratureandLinguistics. (14th April 2014); Proceedings of the Conference. Vienna, 2014. P. 468–472.

— Русская традиционная свадьба XIX в. в социокультурном пространстве села: (На примере свадебной традиции села Зеленец Сызранского уезда Симбирской губернии) // Zbiór raportów naukowych. Naukadziś: teoria, metodologia, praktyka, problematyka... (30–31.07.2014). Warszawa, 2014. S. 80–84.

— Шутовская свадьба в системе послесвадебных театрално-игровых сценок русской традиционной свадьбы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. (Тамбов). 2014. № 8 (38): в 2 ч. Ч. I. С. 122–126.

— Игры молодежи на современной городской свадьбе: Традиции и инновации // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. Proceedings of the 5th International symposium (15th September 2014) / Ed. L. Koenig. Vienna, 2014. С. 233–243.

— Молодежные сетевые сообщества как современная форма сохранения и развития свадебных традиций: (На примере форума невест) // Мировая классика и молодежная культура: Материалы Всероссийской науч.-практической конференции с международ. участием (Йошкар-Ола, 24–26 сентября 2014 г.) / Отв. ред. В.Е. Добровольская, Т.А. Золотова. Йошкар-Ола, 2014. С. 182–188.

2015

— Фольклорное пространство: К постановке проблемы // Родное и вселенское: Образы местности, трансгрессии и гетеротопии в русской и мировой литературе XIX–XX вв. Материалы XI международной науч. конференции (Ульяновск, 29–30 сент. 2014 г.) / Сост., отв. ред. А.А. Дырдин. Ульяновск, 2015. С. 131–138. <В соавт. с Чередниковой М.П.>

— Смеховая театрализация обрядов и обрядовых актов сватовства в традиционной русской свадьбе XIX–XX веков // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сб. статей и материалов / Отв. ред. С.П. Сорокина, Л.В. Фадеева. М., 2015. С. 234–243.

— Мотив угадывания в смеховых театральнo-игровых сценках с ложным свадебным персонажем в русской народной свадьбе XIX–XX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. (Тамбов). 2015. № 9 (51): в 2 ч. Ч. I. С. 131–133.

— Смеховые письменные тексты в русской народной свадьбе XIX–XXI вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. (Тамбов). 2015. № 10 (52): в 2 ч. Ч. I. С. 121–125.

— Образ праздника в очерке Н.М. Карамзина «Сельский праздник и свадьба» // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 140–146.

— Образ «дурочки» в русской народной свадьбе // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 4 (24). С. 122–127.

— Собираение и изучение русского фольклора в Ульяновском государственном педагогическом университете им. И.Н. Ульянова // Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья: Материалы к библиографии работ Лаборатории традиционной культуры и фольклора. 1975–2015 / Отв. ред. М.П. Чередникова. Ульяновск, 2015. С. 4–13.

2016

— «Пахать пол»: своеобразие семантики свадебного термина // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 59–69.

— Игровое начало в современной русской свадьбе: некоторые типы и формы // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: Традиции и новации в современной культуре. Сб. статей, посвященный 30-летию кафедры философии, истории

и теории мировой культуры СГСПУ и 15-летию ГУСО «Дом дружбы народов». (Самара, 23–25 июня 2016 г.) / Отв. ред. Е.А. Ягафова. Самара, 2016. С. 159–163.

— Арнольдов Михаил Васильевич // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. Т. 1: А–Г / [Под ред. Т.Г. Ивановой.] СПб., 2016. С. 144–147.

2017

— Peculiarities of the plant code (the wedding broom) in the Russian folk wedding of the Ulyanovsk region of the Volga district // Journal of Fundamental and Applied Sciences. 2017, 9 (1S), 1143–1174. <Совт.: Matlin M.G., Maslennikov A.V., Frolov D.A., Lipatova A.P.>

— Русская народная свадьба в фольклорном пространстве Ульяновского Поволжья. (На примере свадебной традиции Кузоватовского района) // Фольклор Большой Волги: Сб. науч. статей / Сост. В.Е. Добровольская и др. М., 2017. С. 138–150.

— Извошников Михаил Иванович // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. Т. 2: Д–Кошурников / [Под ред. Т.Г. Ивановой.] СПб., 2017. С. 391–394.

2018

— Свадебное деревце (репей) в культурном ландшафте Ульяновской области // Традиционная культура. 2018. № 5. С. 134–144.

2019

— Ложный свадебный персонаж в русском традиционном свадебном обряде // III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. статей: В 5 т. Т. 4: Российская фольклористика в XXI веке: Перспективы развития / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова; ред. А.В. Лобанова. М., 2019. С. 466–477.

— Состязание смехом в традиционной русской свадьбе XIX – начала XXI веков // Научный диалог. 2019. № 6. С. 159–174.

— Dynamics of Cultural Landscape. (As Exemplified by the Functioning of Conifers in Wedding Rites of the Ulyanovsk Region) // *Amazonia Investiga*. (Revista). Vol. 8, Núm. 20 (Mayo junio 2019). P. 626–639. <Соавт.: Matlin M.G., Maslennikov A.V., Frolov D.A., Lipatova A.P.>

— Растительность в культурном ландшафте Ульяновской области: (На примере русского традиционного свадебного обряда и календарных обрядов весенне-летнего цикла) // *Восток – Запад: Пространство локального текста в литературе и фольклоре: Сб. науч. статей к 70-летию профессора А.Х. Гольденберга* / Отв. ред. Н.Е. Тропкина. Волгоград, 2019. С. 176–182.

— Особенности питания в русских селах Ульяновского Поволжья в 1941–1945 годы (на основе устных рассказов русского сельского населения) // *Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира: Материалы IV Международного научно-практического симпозиума*. М., 2019. С. 265–276.

2020

— Некоторые особенности функционирования считалок в современной детско-юношеской среде // *Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России* / Сост.: В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М., Ульяновск, 2020. С. 160–171.

— Костер на русской традиционной свадьбе Ульяновского Поволжья // *Традиционная культура*. 2020. № 4. С. 103–111.

2021

— Значимый вклад в историю русской фольклористики и литературоведения. Рецензия на: Профессор сказочных наук. Научная биография Д.Н. Медриша: Монография / А.Х. Гольденберг, О.О. Путило, Н.Е. Тропкина. М.: Флинта, 2021. 456 с. // *Традиционная культура*. 2021. № 3. С. 184–188.

— Смерть в ландшафте: Пространственный аспект современной традиции отмечать места гибели людей на автодорогах (на примере российских федеральных трасс А 151, Р 178, Р 241) // *Географический вестник*. 2021. № 4 (59). С. 59–72.

2022

— Современная традиция отмечать места гибели людей на автодорогах (на примере российских федеральных трасс А 151, Р 178, Р 241) // Традиционная культура. 2022. № 1. С. 97–112.

— Этноконфессиональные особенности придорожной мемориализации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 3. С. 239–258.

— «Что случилось, мой миленький мальчик?»: Новые варианты городских романсов второй половины XX века, записанные в селе Крестово Городище Чердаклинского района Ульяновской области // Русская традиционная культура сегодня: Экспедиционные и архивные открытия: Всероссийская научно-практическая конференция. Ульяновск, 2022. С. 157–171.

— Мемориализация мест гибели людей в ДТП в фокусе общественного мнения // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 98–106.

— Персонализация и анонимизация места гибели человека в ДТП (на примере федеральных трасс А 151, Р 178, Р 241) // Этническая культура. 2022. № 4. С. 51–57.

2023

— Маина Павловна Чередникова (2.05.1940 – 15.03.2023) // Традиционная культура. 2023. № 2. С. 188–191.

— Озеро Светлояр vs град Китеж: Особенности функционирования сакрального пространства // Традиционная культура. 2023. № 3. С. 109–123.

— Своеобразие ретрансляции легенды о граде Китеже в видеотекстах блогеров YouTube // Научный диалог. 2023. № 5. С. 173–191.

— Гендерный аспект в оформлении деревянных намогильных памятников на старообрядческих кладбищах Семёновского и Воскресенского районов Нижегородской области // Русская традиционная культура сегодня: Экспедиционные и архивные открытия: Всероссийская научно-практическая конференция. Ульяновск, 2023. С. 71–87.

Редактирование

— Основы полевой фольклористики: Сборник науч.-методич. материалов. Ульяновск, 1997. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 1). 82 с. <Отв. ред.>

— Свадебная обрядность на территории Ульяновской области: Материалы и исследования. Ульяновск, 1997. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 2). 136 с. <Отв. ред.>

— Специальные программы и вопросники. Ульяновск, 1998. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 3). 60 с. <Отв. ред.>

— Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Ульяновск, 1999. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 4). 114 с. <Отв. ред.>

— Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Вып. 2. Ульяновск, 2000. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 5). 92 с. <Отв. ред.>

— Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Вып. 3. Ульяновск, 2001. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 6). 112 с. <Отв. ред.>

— Фольклор. Литература. Библиография: Работы молодых исследователей. Вып. 1. Сызрань, 2003. 140 с. <Науч. ред.>

— Фольклор. Литература. Книга: Работы молодых исследований. Вып. 2. Ульяновск, 2004. 132 с. <Науч. ред.>

— Мир народной песни: Материалы науч. чтений. (Чердаклы, 13 октябрь 2011 г.). Вып. 2. Ульяновск, 2004. 96 с. <Отв. ред.>

— Духовная культура русских Ульяновского Присурья: Материалы к этнодиалектному словарю. Ульяновск, 2008. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 7). 236 с. <Отв. ред.>

— Духовная культура русских Ульяновского Присурья: Материалы к этнодиалектному словарю. М., 2009. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 8). 304 с. <Отв. ред.>

— Духовная культура русских Ульяновского Присурья: Материалы к этнодиалектному словарю. Ульяновск, 2010. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 9). 300 с. <Отв. ред.>

— Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России / Сост.: В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М., Ульяновск, 2020. 429, [3] с. (Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 18). <Отв. ред.>

О М.Г. Матлине

— Безденежных А.В. Михаил Гершенович Матлин. [Интервью] // Безденежных А.В., Пиорунский Д.А. Симбирский контекст. Частная жизнь. Книга 1. Ульяновск, 2003. С. 70–76.

— Сафронов Е.В. К юбилею Михаила Гершеновича Матлина. // Живая старина. – 2011. – № 3. – С. 61.

— Шевченко В.Ф. Михаил Гершенович Матлин. [Интервью] // Традиционная культура. 2024. № 2. С. 179–187.

Библиографию составил В.Ф. Шевченко

ОЛЬГА ЖАРОВА (СТЕПАНЕЦ), Москва

КУПАНИЕ

Был конец августа. Стояла редкостная жара. В селе, где мы расположились в пустующей школе (с разрешения начальства, конечно), имелся большой пруд. М.Г. был руководителем нашей экспедиции. Ему надо было срочно съездить в город. Перед отъездом он строго-настрого не велел купаться в пруду.

Но ... кот из дома, мыши в пляс! Мы сразу побежали к пруду. Вода была теплая как парное молоко. Мы плюхнулись в нее, чтобы только окунуться, а там уже не могли остановиться. Нанырялись, и накупались досыта.

М.Г. Приехал и застал всю эту радостную картину. Нам всем крепко влетело. За дело, само собой. Меня терзали муки совести. Мы же ему слово давали! А меня он оставил как бы ответственной.

После ужина я подошла к нему.

— Михаил Гершенович! Вы на меня еще сердитесь? Простите меня, пожалуйста.

Он ответил грустно:

– Да. Я все еще сержусь. Так быстро обида не проходит. Надо время. А если бы кто-то утонул? Не все же плавать умеют. Если бы местные парни прицепились?

Больше таких инцидентов у нас не случалось. А я эти слова Михаила Гершеновича запомнила на всю жизнь. И теперь своим детям так же говорю, когда они провинятся, что нужно время, чтобы простить.

Еще хорошо помню то январское утро, когда МГ заглянул к нам в аудиторию и сказал с улыбкой, что у него дочка родилась. Мы все стали поздравлять, а он светился от радости...

* * *

Среди участников «Симбирянина» было много студентов, которые выпускались. Мы все ожидали, что МГ будет сильно переживать. А когда после торжественного мероприятия собрались вместе, он произнес: «В минуты глубокой печали мы все чувствуем, что живем». И я всегда вспоминаю об этом. Именно эта мысль дает силы для преодоления душевной боли.

Фольклор: структура, типология, семиотика.
2024. Т. 7. № 4 • ISSN 2658-5294

ЛЕБЕДЕВА С.Н., г. Тверь,
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

НАША ДРУЖБА

С Михаилом Григорьевичем нас познакомил поезд из Тамбова. В конце 80-х годов XX века мы возвращались с научной конференции и, по стечению обстоятельств, получились с моей подругой, в то время студенткой и участницей ансамбля «Славяночка» Юлией Рауль, в разных вагонах. А хотелось в одном быть. И мы сидели на приставных стульчиках в нашем плацкарте. И там же ехал Михаил Григорьевич. Разговорились, познакомились. И Михаил Григорьевич рассказал нам о своих исследованиях в области ульяновского фольклора и о клубе «Симбирянин», в котором увлеченные студенты стара-

ются продвигать традиционную культуру. Он рассказал, что каждый год участники клуба организуют праздник Масленицы для сельских жителей. Вот на него-то и пригласил нас Михаил Григорьевич. А мы собрались и приехали. Всем коллективом. Правда не рассчитали, что в Ульяновской области немного холоднее зимой, чем в Тверской. И я тогда очень сильно мерзла, так как забыла шапку и приходилось кутать голову шарфом. Но тогда оставалась незакрытой шея. Тоже холодно. Было принято решение выдать мне старинный ямщицкий аязм! О, какая это была комфортная одежда! Во всех отношениях.

Нашему коллективу выпала честь создавать музыкальное обрядовое наполнение праздника. И мы пели масленичные песни, которых у нас было немало. Тогда впервые мы увидели фольклорный театр в чистом виде, ребята не пели, но уморительно смешно разыгрывали сценки из народного театра. Лекарь, Петрушка, Барыня, Солдат и многие другие персонажи были представлены студентами Ульяновского пединститута. Мы тогда были очень впечатлены этим. Уже тогда мы поняли, насколько нелегкое это дело, показывать современной публике то, что было популярно в 18-19 веках. А они рискнули и у них получилось. Впоследствии мы использовали их опыт для создания своего сценария фольклорного театра на Масленицу и Святки.

На Масленицу мы приезжали несколько раз. Ребята ее устраивали в разных населенных пунктах. Как выбиралось то или иное место проведения, мы не знали, но это всегда было весело. А инициатором всего этого движа неизменно был Михаил Григорьевич.

И вот Михаил Григорьевич предложил нам совместную экспедицию. И мы, конечно, приехали! Это было очень впечатляюще. Впервые мы слышали многоголосие в таком качестве исполнения. У нас в Тверской области мы собирали это по крохам, а здесь, в Ульяновской, мы даже побывали на настоящей свадьбе.

Мы жили в с. Новый Дол Барышского района, ходили по деревням, разговаривали с людьми. И как-то раз зашли в д. Коченяевка. Мы не знали, что это территория уже другого района, Вешкаймского. Зашли в первый попавшийся дом. По-

знакомились с двумя женщинами. Матерью и дочерью. Они нас накормили и угостили малиной с молоком. А потом спели нам много красивых песен. И пригласили на следующий день на свадьбу. Мол, приезжайте. Посмотрите на настоящую нашу свадьбу. А мы сказали, что приедем. Вернулись под ночь, рассказали, где были. Нам не поверили. На следующее утро мы на перекладных поехали в Коченяевку. Да и было, на что посмотреть. Мы шли в настоящем свадебном поезде, видели обряд «поиски ярки», «перевозили» приданое из дома невесты в дом жениха, да много чего удивительного... А потом была деревенская свадьба, та самая, которую празднуют дома, где пели в каждой комнате все присутствующие, причем каждая комната свой репертуар. Мы влюбились в ульяновские песни, такие многоголосные, где русская гармония переплетается с мордовской. Порой мы даже не понимали, что поем на мордовском языке, так нас захлестнуло этим песенным морем.

Вообще, эта поездка нас очень впечатлила. В этой же поездке и наше путешествие в Новую Ханинеевку. Долгая дорога в гору, потому что так короче! Было тяжело, хоть мы и привыкли в своих экспедициях ходить много. Но что эти сложности в сравнении со встречей с женщинами, которые пели нам свадебные песни...Погодина Раиса Дмитриевна, Лизунова Мария Васильевна. «Рая, я воплю!!» – «А я пособляю!!» мы не забудем никогда...!!! К ним нас привел Михаил Григорьевич. Мы понимали, что, скорее всего, нас привели к тем, кого уже когда-то записывали, но ведь каждый пишет по-своему и спрашивает свое. Песни, которые мы записали в Ханинеевке, вошли в наш активный репертуар, их знают все поколения фольклорного ансамбля «Славяночка», начиная с 1992 года.

На следующий год мы приехали после своей экспедиции в ульяновскую. Тогда это было в Поливанове. И всегда неизменно эти поездки дарили нам интереснейшие музыкальные находки.

Благодаря нашей дружбе студенты Ульяновского пединститута могли приезжать и к нам в экспедиции. И они приезжали, чтобы сравнить состояние фольклора в нашей области и у них, поговорить с нашими бабушками, тверскими. С некоторыми студентками Михаила Григорьевича мы общаемся в интернете до сих пор.

Михаил Григорьевич всегда очень внимательно относился к тому, что мы в свой репертуар взяли песни Ульяновской области. В наши поездки, если удавалось побывать в лаборатории фольклора, он показывал интересные на его взгляд записи и разрешал их копировать. Так у нас появился богатый ульяновский репертуар. И даже приезжая на конференции, где мы могли бы чисто случайно встретиться, Михаил Григорьевич всегда держал при себе парочку дисков для нас с записанными песнями.... В последний раз мы виделись в позапрошлом году на фестивале "Свадьба в Обломовке", Михаил Григорьевич подарил несколько своих изданий.

ПЕТРОВА (ХАРДОВА) ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА,

г. о. Подольск Московской области

В ПАМЯТЬ О МИХАИЛЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ МАТЛИНЕ...

В 2024 году ушел из жизни мой преподаватель Ульяновского педагогического института им. И.Н. Ульянова, мой наставник, мой близкий человек. Остались добрые, светлые, дорогие воспоминания.

Передо мной фотографии прошлых лет. Вот участники фольклорного клуба выступают на главной лестничной

площадке института. Когда это было? В преддверии праздника Масленицы. К этому дню мы готовились: репетировали сценки из сценария (писал Михаил Григорьевич), подбирали костюмы. Было весело. В перерыве пили чай, обсуждали важные детали. Не спешили домой, хотя нам, студентам, нужно было готовиться к семинарам, лекциям. Здесь была наша семья во главе с Михаилом Григорьевичем. До сих пор задаю себе вопрос: как ему удалось сплотить нас, объединить общим делом? У него был редкий и удивительный дар педагога! Он сумел разглядеть в каждом из нас талант, вселить уверенность в себя и смелый взгляд в завтрашний день. Я благодарна ему за это! Кем я только ни была на выступлениях: и цыганкой, и повадырем с медведем... Эти образы были началом моего творческого пути в педагогической деятельности. Позже я продолжила дело моего учителя. Много лет я вела в школах фольклорные кружки: проводила праздники, посиделки. Не поверите... Я всегда опиралась на сценарии Михаила Григорьевича. Он со мной ими поделился, когда я приезжала в отпуск в Ульяновск.

Еще одна фотография в моём альбоме. Фольклорная экспедиция в Майнском районе Ульяновской области. с. Аксаково. Сентябрь 1991 года. Я сижу слева от Михаила

Григорьевича, в резиновых сапогах. Видимо, было сыро. Хотя вся фотография наполнена солнечным светом. И так было всегда рядом с учителем: надежно, уютно, светло и спокойно.

В Аксакове мы не только собирали устные материалы, общаясь с жителями (записывали диалоги на кассету магнитофона, потом расшифровывали на листах бумаги), но и участвовали в раскопках на территории имения. Представляете? Мы постоянно общались с историей!

Да. Мы жили в спортзалах, школах, заброшенных домах. Но у нас все было для проживания. Трехразовое питание(готовили сами),чистые помещения поход в баню... Обо всем договаривался Михаил Григорьевич. Тогда мы видели в нем не только уважаемого педагога, но и отца, который сможет защитить нас и позаботиться обо всех. Помню, в этом доме, что на заднем плане фотографии, была самая настоящая русская печь. Михаил Григорьевич вместе с мальчиками расчистили ее, и мы, девчонки, пекли там шарлотку и пирожки! Сейчас я вспоминаю это с восторгом! Тогда мне это казалось обычным делом.

Сколько прошло времени... У меня в квартире до сих пор хранятся подарки, подаренные на день рождения от фольклорного клуба. Глиняные ваза и заварной чайник. Даже поздравления Михаил Григорьевич не обходил стороной! Вот таким внимательным был этот человек!

А сколько еще теплых воспоминаний хранит моя память о нем! На госэкзаменах по методике преподавания литературы получила единственную тройку в диплом. Как я плакала! А ведь тогда я была на 9 месяце беременности. Помню, как он меня обнял и сказал: «Лена, не в этом счастье!». Это было 3 июня. А 6 июня, в День рождения А.С. Пушкина, я родила сыночка. Вот оно, настоящее счастье! Мой Учитель снова был прав!

Он был очень гостеприимным человеком! Однажды пригласил нас в гости домой. Был накрыт стол. Рядом сутились супруга Михаила Григорьевича Светлана Ивановна и сын Александр (тогда тоже студент нашего вуза). Подарили нам книги поэта Светланы Матлиной «Славянские вязи». До сих пор храню ее как ценный подарок.

В кругу друзей, студентов наш учитель любил петь песню «Черный ворон». Там есть такие строчки: «Черный ворон, я не твой!». Эти слова про Михаила Григорьевича. Наш Учитель был очень светлым человеком!

Я счастлива, что жизнь мне подарила знакомство с удивительным Педагогом, Наставником! Михал Григорьевич нас многому научил! Его дело продолжаем мы, его ученики.

06.06.2024.

ЕВГЕНИЯ ИСАЕВА, группа РЛ-95-3

Я НЕ ВЕРЮ В ВАШУ СМЕРТЬ!

Я не знаю, как описать это... Это слишком больно... Просто казалось, можно было прийти, обнять, поговорить – но враз человека не стало...

А ему ведь было не все равно до нас, он мог поставить «два» за неготовность к экзамену, «три» за переекзаменовку и сказать о рецензии на повесть современного автора: «ты сохрани, пригодится!» А еще была экспедиция 1996 года в Лесное МатюниноМайнского района, где мы работали весь день и ночью не спали. И ему пришлось столкнуться с жестоким миром 90ых – бандитами, и защитить нас, глупых девчонок.

Михаил Гершенович... Как нам Вас отблагодарить Вашу бесконечную щедрость души, теплоту, доброту.

Я не верю в Вашу смерть! Вы живы и Вы рядом! А я сделаю все, чтобы Вы были довольны мною. Люблю Вас и это бесконечно.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Он был. Этот человек имел знаковое значение в моей жизни. Мы познакомились с ВУЗе. Он мой преподаватель. На первом курсе он нам говорил о быличках и о Библии. Каждая

лекция - шедевр. Каждая имеет, как скажем мы, литераторы, сюжет и композицию. Все с тайной и мистикой. Причем, настолько захватывающе, что не отвлечешься на разговор с приятелем. Каждая лекция – драматическая постановка.

Был «Симбирянин», любимый фольклорный клуб. Недавно Паша Половов, мой друг по вузу прислал видео одно из наших собраний. Увидела себя молодой и красивой. Ээх!

Была Масленица в Жеребятниково на первом курсе. Была экспедиция в Лесном Матюнино после первого курса. Когда весь день работали и по ночам не спали. И снова «Симбирянин» с играми в мафию и пением песен.

Он был очень жёстким преподавателем. Был случай, схлопотала у него «двойку» за знание или точнее незнание русской литературы второй половины девятнадцатого века. Переправила на «тройку». А период остался одним из самых любимых в преподавании.

Меня отчисляли из вуза. Перевелась заочно. В этом нет вины ММГ. И все же, когда нас выпускали, он сказал: «Если кого-то обидели, а мы не приняли меры, простите». Знала, что он говорит это мне. И было больно.

Он знал, что пробиваюсь в школу, на специальность. Хотел написать рецензию на категориальную работу. Да, пробилась. Но он не успел.

Простите. Но то, что я сейчас учитель русского языка и литературы, в том Ваша огромная заслуга. Я люблю вас, это навсегда. Для меня Вы живы и всегда рядом, не случайно так часто вы мне снится. Простите еще – та самая банка молока в Поливаново разбилась по моей вине – я неудачно ее поставила.

«Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени».

ПАВЕЛ ПОЛОВОВ

«Я ПОМНЮ...»

МГ педагог

О Михаиле Григорьевиче и о фольклорных экспедициях я слышал ещё в школе. Что-то восторженное, обрывочное, загадочное и прекрасное. Поступал в университет, упорно называя его пединститут, копируя старших и уважаемых мной товарищей.

На рабфаке, как мы называли подготовительные курсы, увидел Матлина. Сразу его узнал, хоть и не видел даже на фотографиях: внешне он будто бы воплощал собирательный образ всех русских писателей 19 века, только был не «портретный», а живой, осязаемый и понятный. Его лекции для школьников, произносимые с лёгким и совсем не французским прононсом, завораживали. Он говорил так, что у нас, по сути ещё школьников, возникало ощущение полного согласия и даже очевидности того, что он рассказывал. Знаете, как бывает: слышишь что-то и думаешь: «Как же я об этом не подумал/заметил/знал». Тут хочется написать «ненужное зачеркнуть», эта фраза потом стала дежурной шуткой, а тогда мы слушали разборы стихотворений Михаила Григорьевича и тонули в мелодии стиха: «В человеческом организме девяносто процентов воды, как, наверное, в Паганини девяносто процентов любви. Девяносто процентов музыки, даже если она – беда...» И, казалось, что стопы, такты – все очевидно и предельно просто, не понятно, а само собой разумеется. С тех пор некоторые стихи при прочтении звучат в сознании голосом Матлина.

Потом началась учёба, замечательный предмет УНТ вела Маина Павловна Чередникова. Невозможно было быть равнодушным к этой области знания. После каждой лекции хотелось бежать к Маине Павловне со словами: «А у нас... А у меня дед так гадал... А в этой песне моя тётя другие строчки поёт...» Собственно, так оно и происходило. МайПаллна, как мы её называли, располагала к общению, все выслушивала, всему

давала чёткую оценку, казалось, её невозможно было удивить. Практические по курсу, который в расписании упорно именовался «Устное народное творчество», а Чередникова называла «Мифология и фольклор», вёл Михаил Григорьевич.

Он был прекрасный педагог и оратор. Равнодушным на занятии оставаться было трудно, мысль увлекала, давала место дополнениям, сотворчеству.

Как-то на лекции Маина Павловна сказала, что оценка на экзамене станет важным фактором зачисления в состав экспедиции. Это превратило, лично для меня, интересный предмет в, как это сейчас модно говорить, приоритетный.

Михаил Григорьевич ещё осенью предложил поучаствовать в святках и выставке. Дал нам текст сценки «Лошадь», сказал, что мы можем делать в неких рамках все, что нам взбредет в голову. И вновь в голове «просияла» как бы «своя» мысль: «фольклор – это про творчество». Мы придумали двух докторов-лекарей, из-под каменного моста аптекарей: одного звали доктор Зигмунд, а другого доктор Фрейд. Михаил Григорьевич очень смеялся, а мы гордились: смогли рассмешить самого Матлина!

Да, тогда же мы в фойе поиграли «в покойника». «Хорошили» стипендию. Ей был я. И, хоть в конце я воскрес, но больше её не получал, ибо не все предметы казались увлекательными и интересными студенту, который никак не мог выбрать, кто он: будущая рок-звезда или филолог.

После первой сессии ко мне в коридоре на 4 этаже подошёл Матлин и спросил, сдал ли я сессию. Я её сдал, о чем заявил не без гордости, казалось, что сдать введение в Языкознание и введение в Литературоведение – это подвиг. Матлин предложил поехать в составе группы девочек в Поливаново. МГ не скрыл и моего предназначения: нести общественный рюкзак.

Это, конечно, не было экспедицией по сути, но попробуйте, поспорьте с первокурсником, которого сам Матлин куда-то там позвал! Мне было не важно, куда, какой район и прочие подробности. Важно было сложить этот самый общественный рюкзак, оказаться вовремя на автовокзале и ни при каких об-

стоятельствах не подвести. Надо ли говорить, что двое суток перед поездкой я почти не спал.

Рюкзак мы складывали с МГ и девчонками, которые в эти дни вышли на «экватор»: Оля, Марина, Лера и Женя. Тогда в 41 аудитории поразило, как красивы и неуловимо похожи они на Михаила Григорьевича. Умным и чуть насмешливым взглядом, добрыми улыбками, какой-то особенной и совсем не пафосной, не приторной человечностью. Тут же захотелось отрастить бороду, чтобы тоже стать похожим. Как говорится, чем могу, но она пока толком не росла и поэтому где-то внутри зарождался синдром «гадкого утенка», рост которого стимулировала Лера: «Паш, а что ты молчишь? Паш, скажи что-нибудь?»

Чего сказать?! Я же ничего не знаю! Вы говорите с Матлиным о каких-то там аспектах или этапах поисков ярки. Ну что я знаю?! Я же только 2 раза в этом участвовал, когда сестры замуж выходили. И там ни тётки, ни отец никаких этапов не выделяли. Вот морковку вешали. И частушки матерные пели. Но не могу же я при вас и, упаси Господи, при МГ об этом рассказать?!

Молчал, краснел, злился на себя, что не могу...

И вот мы поехали. Красный «Икарус» до Барыша, потом электричка, школа, девчонки проводили занятия с детьми, я смотрел и бывал рад, когда очень редко оказывался полезным.

Смотрел и восхищался: маленькая Лера или ослепительная Марина, или весёлая Оля, или основательная Женя, как они умели завладеть детской аудиторией, как дети не сводили с них глаз и дружно кричали: «Мы охотились за львом! Не боимся мы его! У нас огромное ружьё и острый меч!...»

И как удивительно было, что потом, внимательно наблюдавший это действо Михаил Григорьевич говорил девчонкам, где и что неправильно, какие недочёты нужно устранить. Недочёты?! Серьёзно?! Потом, со временем, проводя подобные занятия я понял, как верно все говорил и отмечал Матлин, но первокурснику уровень занятия казался недостижимым.

А потом такое занятие девчонки и МГ провели со мной. Я это понял только через пару лет. Мы вечером просто поиграли в «Мафию». Нас было мало, поэтому многие герои игры «по-

пали под сокращение», ведущий играл, короче, все было не по правилам и только за тем, чтобы молчаливый дремучий «чукотский юноша» раскрепостился и заговорил. Я к чему это все: МГ был не только учёным, но и настоящим педагогом. Эмпатичным и профессиональным. Он умел настроить педагогический процесс так, что ты не замечал собственной, очень нужной тебе же трансформации.

МГ организатор

В экспедицию я попал. 2 кильки в томате, 1 банку тушёнки, пачку гречки на двоих, пачку риса на троих, сколько макаронных изделий – не помню. Экспедиция – это не быт. Это постоянное сотворчество, сорабничество и сотрудничество. Есть? В первой экспедиции не помню, хотелось ли есть. Спать – нет. Молока хотелось. Но больше всего хотелось беседовать с бабушками, записывать, искать что-то новое (казалось, что непременно найдёшь), слушать, верить и не верить, обсуждать это, шутить за ужином, идти куда-то подальше от школы, в которой неизменно жили, будто бы качество записанных текстов зависит от удалённости каждой конкретной бабушки от школы.

К тому времени каждый элемент свадьбы прочно сидел в голове и запой, кладка и рукобיתье были не просто словами или понятиями, а были целым комплексом действий, вещей, слов с чётко выраженным значением в свадебном обряде.

Иногда, проработав весь день казалось, что ничего путного не записал. Грустишь. Идёшь в школу и думаешь, что, жаль, не доверяют песни записывать. Это же, наверное, интереснее.

Спросит МГ вечером, ну, как, мол? А ты ему: «Да ничего путного». Он уточнять начнёт. А потом хвалить. Оказывается, это моё, то, о чем он рассказывал перед экспедицией – редкость! И каждая повторная такая запись нужна и важна. Расправишь плечи, оглядишься вокруг... Готов завтра с новыми силами. Ну и вспомнишь, как речь в нужное русло пошла, в какой части беседы и в связи с чем информант это вспомнил и... Дождаться утра не можешь, чтобы на работу идти.

Я не считал, наверное, можно, только зачем, посчитать, сколько раз я с МГ ездил. Раз 20, наверное. Каждая новая экспедиция – целая жизнь, которую живёшь за 10 дней. После первой экспедиции ты это знаешь и потому ценишь каждую минуту. А потом каждую помнишь. Многое менялось. В мою первую экспедицию 1996 году после первых четырёх дней на фото 29 человек из которых только 4 – мужики. Матлин, Цухлов, Борис и я. А на фотографии 2009 года, в Поливаново, нас было всего 7 человек. Но ни одной девушки.

«– А где девки?

– За мужья пошли!..»

А ведь экспедиция – это не только бабушки и интервью. Это и местная молодёжь, осаждающая школу по вечерам, это и внезапно ломающиеся магнитофоны. Благодаря этому кста-ти, узнал, что Михаил Григорьевич знает физику, что он её в университете изучал до армии (до армии?!), что магнитофон починить можно, но нужен паяльник... А в армии был сер-жантом. Филфак – потом, фольклор – благодаря Майе Павловне... Ух! Как говорит молодёжь, ничёси!

Он мало рассказывал о себе. Только к месту и по случаю. И каждый его рассказ был не тем, что в былинах звучит, как «собой похваляется», а, скорее, объяснением, почему он умеет то или иное, откуда то или иное знает, откуда у него опыт в каких-то там делах.

Вот тогда у меня борода отросла. Правда, в ней тогда седых волос не было. К моему великому сожалению. Казалось, вот ещё чуток, подернётся сединой и... И она седая теперь все. А до Матлина по-прежнему далеко.

МГ друг

Как узнать, друг тебе человек или нет? В беде познаётся? А, если нет беды? Не делать же, как в сказке: позвонить и сказать, что совершил что-то жуткое и теперь тебя спрятать нужно? Нет, конечно.

Помню, в 1999 году я собрался жениться. Пришёл на кафедру литературы в институте к Михаилу Григорьевичу, что-бы сказать, что в эту экспедицию поехать не смогу, женюсь.

МГ поздравил, расспросил об организационных вещах: что, где, почему, как. Поговорили. Ему нужно было ехать домой, и я пошёл его проводить до остановки.

Он мою невесту знал, говорил мне о семейном быте, что и как, спрашивал про работу, а потом, когда мы почти уже дошли до остановки, мимо ЦУМа шли, он сказал: «Но ты же знаешь, что она творческий человек, что пишет? С ней будет сложно. Очень сложно. Если не готов, беги сейчас, не женись. Сто раз подумай! Потом будет сложнее и больше.»

Я все же женился. Но прав оказался Матлин. Через год я развёлся. Был не готов. Не смог. И, да, было больно.

В 2001 году в экспедиции в выходной мы с МГ пошли в магазин. Жара стояла дикая, экспедиция хотела гречки и риса.

В магазин пошли вместе, хоть я мог и сам. Правда, нести пакет, который так и норовил прорваться о притропиночные-бастылы довелось мне. Шли через речку. Тропа узкая. По обе стороны кусты и крапива.

Матлин шёл всегда впереди. Ходил он быстро, угнаться за ним было сложновато, главное, сильно не отставать. А тут ещё приходилось следить, чтобы бурьян пакет не порвал, короче, я отстал метров на 30.

Матлин прошёл, а мне навстречу из бурьяна вышли два амбала: испытые, но здоровые. На полголовы выше меня, да и в плечах пошире. Один денег просит, а другой не сильно, но устрашающе бьёт кулаком в грудь.

Растерялся. Правда. Пакет надо не порвать (какой пакет, парень?!), ну и драться уже надо. Вот прямо сейчас. Уже ударили. Сейчас второй, он сбоку заходит...

Матлин редко оглядывался. Позвать его я не мог, не хватало ещё, чтобы и ему тут бока намяли. Но он появился. Оглянулся, вернулся, будто из-под земли вырос:

– Эй, это что? Ты кто такой? А ну-ка, отошли в сторону! Брысь отсюда! Да я вас сейчас!..

А сам подскакивает по-петушиному и двумя руками в грудь того, что сбоку, в кусты утолкал! И второго тут же. И так же. Я смотрю... Вот, как хотите, я видел, как петухи дерутся. И эта его техника такая же была. Прыжок-толчок и бессвязные, громкие, но без истерики, слова. Убедительно все,

кроме его величины. Он вдвое меньше любого из этих. Но он их смутил. Подавил.

– Проходи! Сюда! А вы мне не попадайтесь!

Идём дальше. Он чуть впереди, чуть медленнее.

– Михаил Григорьевич, спасибо. Здорово вы их. Но, как вы... Вы, извините, не испугались?

– Ну я же в армии служил. Да ещё сержантом. Там и не таких жлобов умирять приходилось.

2003 год. Тагайская школа, Масленица. Мы приехали днем, порепетировали с детьми, Матлин ушёл на всю ночь к друзьям. Мне сказал, что я остаюсь старшим, что порядок – моя ответственность.

Ну, ночные масленичные традиции у нас тоже были. Ключевое слово – масленичные. До 12 никто не спал, пошумели, попели, поболтали. На радостях, что Матлин ушёл. Кот на крышу, мыши в пляс.

Но... Завтра Масленица. И это не только праздник, но и работа. Причём, с детьми. Укладывал всех спать. Кто-то лёг, а кто-то (и среди них был бы и я, не дай мне МГ такого поручения) пошёл бродить по школе. Кто-то там жениться собирался и им, видишь ли, сейчас как раз поговорить надо. Ну, «это вам не дом свиданий, спать». К часу ночи все, вроде, спали. А я не спал. Я лежал на диване в учительской с открытой дверью и прислушивался к шорохам. Иногда вставал и проверял окна и двери. Ведь, кроме своих неспящих есть и местные. Они любят приходить по ночам.

Я не спал всю ночь и поражался Матлину: как, зачем он взваливает на себя такую ответственность за людей, за нас, когда он спит?

Утром пришёл МГ. Я был ему необыкновенно рад! С души сняли четырехпудовую гирю. Я мог нарядиться, веселиться и быть собой – балаганным Дедом.

Друзья иногда ссорятся. И, чем ближе они, тем сильнее. А если Друг ещё и учитель... Вот и мы однажды поругались. Из-за чего – не важно, кто был прав/виноват – тоже. Не разговаривали 16 лет. Но общались все равно. Не лично, через Женьку. Услышу я что-то, запишу ли интересное, позвоню Женьке, вот, мол, смотри, что! Здорово? Матлину перешли, пожалуй-

ста. Или мне Женька позвонит: «МГ тут говорил... просил тебе передать».

В 2014 или 2015, не помню, затеял МГ провести реконструкцию Кулачек в Урено-Карлинском. Я там работал в 2013, записывал по кулачкам многое, пересылал Матлину через Женьку. А там до сих пор живут мужики, которые после армии, то есть взрослыми, на Масленицу дрались стенка-на-стенку.

Звонит Женька. Привет, так и так, реконструкция, Матлин просил у тебя спросить контакты мужиков или ещё кого-то.

– Конечно! Записывай: дядя Коля Воронков, вот его номер, валял валенки, знает язык Пантюх, дрался после армии три раза, хороший рассказчик, гармонист, хорошо помнит последние кулачки в 1984 году, пусть МГ его про участкового Азизова спросит, и он ему много интересного расскажет, Рдюков, он с Белозерья, но дрался, язык знает, его интересно послушать, как он Пантюх выучил, Саня Лебедев...

И потом звонок: «Матлин передал тебе огромное спасибо, мужики твои – чудесные. Просил спросить, писал ли ты от Лебедева частушки на Пантюхе?..»

А потом настал Ковид. Самоизоляция, хождение на улицу по справкам, еда из магазина родителям и пожилым соседям, работа. И вдруг – новость: в Москве от этой болезни умер Игорь Алексеевич Морозов. И мысль: как там Матлин? Нет, я знал, что он дома, что все нормально вроде бы...

Набрал номер МГ:

– Михаил Григорьевич, давайте мириться. Хватит нам через третьи руки. Звоните, если что.

– Согласен. Сам сегодня только думал, что нужно тебе позвонить...

В экспедиции, правда, мы больше вместе не ездили. У меня были свои, у него свои. Да и не экспедиции, скорее, а выезды. Вот за грибами – ездили. Рассказывали о том, где были и что интересного видели/слышали/записали. Прошлым летом планировали экспедицию в Тагай. Жить договорились у меня на квартире. Но не случилось. МГ заболел. Когда он написал о болезни и сказал диагноз я не знал, что написать и написал какую-то банальщину, вроде «держитесь». Матлин от-

ветил: «Спасибо. Но не пиши мне держитесь – разве я раскис, сник? Я живу, Паша, просто другие обстоятельства и условия».

Было трудно это знать. Хотелось что-то сделать, а идей не было. И вдруг вспомнились слова Маины Павловны: «Я болею. Сижу дома, читать мне с экрана сложно, поэтому я, словно выброшенная какая-то из науки и из жизни. Спасибо, Миша, как куда-нибудь съездит, обязательно зайдёт, все расскажет, мы с ним все обсудим и мне очень хорошо от этого становится».

Я посылал МГ анекдоты, сказки, наблюдения, он с удовольствием их читал и присылал свои ответы-комментарии. По самым важным, самым ключевым жизненным вопросам мы были одного мнения. Пожалуй, в это время, после того, как мы помирились, больше не стало никаких личных тайн, мы могли поговорить на абсолютно любую тему. Правда, как-то не спешили раскопать что-то друг в друге. Я жалею об этом. Очень многого не знаю о своём Учителе и Друге.

Царствие Небесное Вам, Михаил Гершенович Матлин!

ФЕНЕЛОНОВ АРТЕМ,

директор по дизайну VKPlay, ученик Матлина

В ТОТ ДЕНЬ

В день, когда хоронили Матлина и гроб с его телом уже погрузили в катафалк, провожающие разделились на тех, кто поедет дальше на кладбище и панихиду, и тех, кто пошел жить свою обычную жизнь дальше. Я оказался во второй группе. Но прежде чем уйти из здания университета, я, вместе с другим Матлинским студентом Пашей, прошел по его этажам того места, что когда-то резко изменило всю мою жизнь.

Я вспоминал мой 95 и запах свежелакированных аудиторий, я припоминал особые места силы, близ которых у меня, давно не студента, до сих пор все замирает внутри. Вот кафед-

ра Русского языка, вот Литературы, тут Деканат, а вот, под лестницей — Матлинский музей.

Я там был.

Много раз.

А вот тут, у окна, на третьем этаже, я как-то сдавал экзамен и сдал его.

В туалетах давно не курят, а у нас курили. Самое демократичное место, уравнивающее студентов и преподавателей. И это место помню, и это...

Отвратительный ремонт заменил наши старые длинные столы в аудиториях. Но ничего, не беда, память мою дешевым пластиком не обить.

Помню.

Помню место это и помню людей...

Матлин пришел к нам в сентябре 95. Это был солнечный день и 442 аудитория. Сейчас уже не скажу, что он читал тогда, но то, как этот человек говорил, завораживало. Его голос был звонок, а мысль ясна. Ему было интересно. Интересно рассуждать и интересно с нами, молодыми и ничего не понимающими первокурсниками. Он в нас по-хорошему изначально верил. И был он добрый. Он был очень добрый. Это чувствовали все, и я тоже, и когда учился, и когда, потом, сдавал ему дипломную работу.

Мы виделись очень редко. Я, после обучения, быстро покинул город и был наездами. У Михаила Григорьевича была своя жизнь: наполненная экспедициями, научной работой и сотнями дел. Мы виделись редко, но когда удавалось встретиться, мы были рады друг другу. Шли годы, десятилетия, но не рвалась наша связь, повторялись наши канонические встречи в корчме "Гопак" или грузинском ресторане "Алазани". Наши беседы.

Я слал ему свои стихи и сказки, он отвечал вдумчивыми рецензиями. Он дарил мне книги, я их читал и удивлялся неожиданным открытиям в области традиции русского обряда. Мы начали совместный проект по составлению дорожной карты чтения художественной литературы. Но мы не успели его завершить...

В тот день я прошел по университетским этажам, поехал в аэропорт и улетел. Вышло так, что я приехал проститься с учителем, а простился со всем своим прошлым, потому что он и был последнею связью с далекими годами другой жизни и других смыслов.

В одной из наших последних переписок, я уже не жил в России, он упомянул последний альбом Шевчука, снабдив рекомендацию замечанием "я очумел". Вообще, я знал и разделял взгляды Матлина на всё происходящее вокруг. Но тут и я очумел. Моей любимой песнею стала другая. А вот его была "Надежда". Хорошая песня. Послушайте.

Михаил Григорьевич, вы ушли не вовремя. Как уходят все дорогие нам люди. В грядущих темнейших временах мне будет вас очень не хватать, мой дорогой учитель.

**А мы — Нам кажется, живые.
Последнее в себе жуём.
Углями в тёмный водоем,
В чистилище. Его проём.
Проходим. Добрые и злые.**

ИРИНА ШИЛОВА,
PhD (Doctor of Philosophy), Канада

ОН ВЫБРАЛ СВОЙ ПУТЬ СТУДЕНТОМ

В том далёком 1975 году, когда мы все были студентами, весёлыми и счастливыми, Майя Павловна Чередникова, молодой преподаватель филологического факультета, начала организовывать фольклорные экспедиции в районы Ульяновской области. В 1976 году студенты с нашего курса тоже поехали в Майнский район. Тот опыт исследовательской работы, который мы получили во время экспедиции и после неё, работая над собранными материалами, был очень важен для всех, а для многих определил будущую карьеру. Михаил Матлин был на курс старше нас, но он казался нам не студентом, а преподава-

телем. Более того, преподаватели относились к нему, как к коллеге. Тогда я не задумывалась над этим, в общем-то необычным в студенческой среде явлением, но сейчас понимаю, что Михаил относился к учёбе и к собиранию фольклорного материала не как к необходимости, чтобы пройти один курс за другим, получить диплом и потом работу, а совсем по-другому: он уже выбрал, в отличие от нас, дело всей своей жизни.

Я помню, что то, что в процессе учёбы казалось нам новым, трудным, требующим больших усилий, для него было интересным, захватывающим и совсем не трудным. Я всегда удивлялась, как он находит время для всего: и для того, чтобы отлично учиться, и для работы с фольклорными материалами, и для того, чтобы быть в курсе всех новых публикаций. Лев Толстой в «Войне и мире» писал о том, как Пьер Безухов восхищался способностью князя Андрея быть в курсе всей современной общественной мысли: «Пьер всегда удивлялся способности князя Андрея спокойного обращения со всякого рода людьми, его необыкновенной памяти, начитанности (он всё читал, всё знал, обо всём имел понятие) и больше всего его способности работать и учиться». Вот такое же впечатление Михаил Матлин производил на меня, и я думаю, на всех людей, его окружающих.

Сейчас я понимаю, что дружба с таким необычным человеком уже является подарком. Я многому научилась у него, когда слушала его выступления на конференциях и во время разговоров в группе фольклористов, которых объединяла Майя Павловна. Больше всего меня поражала его способность быстро увидеть главное во всех изучаемых им фактах: он никогда не позволял деталям увести себя в сторону. Мишина работоспособность вызывала у меня восхищение, я так и не достигла его уровня, хотя и старалась учиться у него. Но я разделила другую сторону его позиции в жизни, и считаю это огромной удачей. Я помню, что мы все передавали друг другу для чтения журнальный вариант романа Катаева «Алмазный мой венец» и обсуждали его, сидя на лавочке на улице Гончарова, там, где так поэтично выстроен бульвар посередине. Я была среди тех, кто молчал и слушал, потому что мало пони-

мала тогда литературную ситуацию двадцатых годов: мне просто не хватало знаний. И помню, как Миша сказал нам, студентам, что особенностью жизни поэтов и писателей первой четверти двадцатого века было то, что они не разделяли реальную жизнь и жизнь, изображаемую в искусстве, то есть, законы искусства были законами их существования. Он еще добавил, что такая жизнь и есть счастливая жизнь. И я поняла, что он тоже живёт так. И я жила так, но первый раз поняла, что такая жизнь и должна быть, и нужно радоваться тому, что у нас именно такая позиция в жизни.

В английском языке есть выражение ‘a person larger than life’, которое означает, что влияние этого человека на окружающих гораздо сильнее, чем влияние обычного человека. К таким людям Михаил Матлин и относился.

НИНА БАРСУКОВА

МОЙ ДРУГ МИША МАТЛИН

Мы все, вся наша группа ИФ-15, познакомились 1 сентября 1974 года на торжественной линейке в пединституте по случаю начала наших прекрасных студенческих лет. В течение примерно недели присматривались друг к другу, разговаривали, слушали первые лекции, осваивали понятие «семинар». В маленьких аудиториях я всегда оказывалась по соседству с Матлиным, в больших – как придётся. Преподаватели спрашивали наши фамилии, Миша отвечал чётко и по слогам: «Мат-Лин», за что наш староста Сергей Шаврыгин прозвал его китайцем (прозвище, правда, не закрепилось, как и все другие прозвища – не было их у нас в группе почему-то).

Потом нас отправили на картошку в посёлок Мирный Чердаклинского района. И там-то мы все по-настоящему подружились, а с Мишей уже навсегда. Был по-летнему тёплый сентябрь, тягот уборочной страды мы особенно не испытывали, никто нас не заставлял быстро и долго работать, мы отмывались, ужинали и отправлялись на окраину посёлка на «костёр». Там пекли картошку, беседовали, открывали для себя

новый мир удивительных стихов, песен, по-детски наивно влюблялись в наших мальчиков. Их было немного, но все замечательные. А Миша Матлин был особенным всегда, и всегда первым и лучшим. Он сразу же рассказал, что женат, что выбрал свою жену из миллиона («Знаешь, – говорил он мне, – обычно выбирают из десятка, ну сотни. Я выбрал из миллиона»). Он был старше нас всех, уже успел поучиться в ленинградском вузе, но любовь к литературе, родному городу и Светлане привела его в наш лучший в мире пединститут.

Мы с ним сразу стали друзьями. Помню, как он и Саша Рассадин читали стихи, свои и любимых поэтов. Мы с девочками были просто покорены этим поэтическим миром, мы впитывали в себя поэзию, сами пели. Мише нравилась песня «Нелюбимая», которую я почему-то тогда на картошке спела у костра, он просил петь её ещё и ещё. Песня так себе, какая-то жалобная, заунывная, не знаю, что в ней мы нашли. Он потом написал об этом пении стихи, даже в двух вариантах о том, что девушка поёт о нелюбимой, а сама ещё знать не знает, каково ею быть, да и вообще ничего не знает о любви, и это было правдой, хотя я себя считала в 17 лет вполне разбирающейся в этом вопросе.

Если писать всё, что связано в моей жизни с Мишей Матлиным, получится большая книга. Придётся ограничиться главными и самыми памятными страницами. Определяющими событиями нашей дружбы стали, конечно, фольклорные экспедиции, которые организовала Майя Павловна Чередникова, первая была летом 1975 года по Тереньгульскому району Ульяновской области. Я попала в экспедицию случайно, меня как-то фольклористкой никто не воспринимал, но Майя Павловна выбрала для меня жанр «жестокоего романа», абсолютно точно угадав мой романтизм как черту характера. Помню, как после прохождения маршрутов (группа «Север» – руководитель Матлин, состояла из трёх студентов: Матлин, Шаврыгин, Назарова; группа «Центр» – руководитель Чередникова, состояла из неё, Рассадина и ещё одного ингородного; группа «Юг» – руководитель Чихалёв, состояла из него и меня) мы встретились в Тереньге как совершенно родные и близкие люди, и с тех пор были вместе: фольклорный пирог каждый год в июле,

телевизионные передачи, посвящённые первой экспедиции каждый месяц в течение 1976 года, просто ходили друг к другу в гости, подружились со всеми родителями и членами семей. Особенно мне помнятся мои дни рождения. Тогда мы жили в Киндяковке, все друзья-фольклористы приходили к нам в тесную квартиру на пятом этаже, было весело, мы пели, делились впечатлениями и очень дорожили нашими встречами:

*Я думаю: как я была глупа,
когда стыдилась собственного лба –
зачем он так от гения свободен?
Сегодня, став взрослее и трезвей,
хочу обедать посреди друзей –
лишь их привет мне сладок и угоден...*

*Я прихожу и вижу: собрались.
Благословляя красоту их лиц,
плач нежности стоит в моей гортани.
Как встарь, моя кружится голова.
Как встарь, звучат прекрасные слова
и пенье очарованной гитары*

(Б. Ахмадулина)

Только у нас была не гитара, а пианино, меня просили играть и петь. У меня хватало ума сочинять музыку к стихам великих поэтов, их испортить даже моей музыкой было невозможно, поэтому я имела успех.

Вместе мы встречали Новый год. Помню один из них, когда была большая авария на ТЭЦ, разморозились батареи в Ульяновске: мы были у Серёжи Шаврыгина, все кутались в пальто и шубы. А у Светы Матлиной была красивая павлово-посадская шаль, она ей удивительно подходила, и Света была потрясающей красавицей, я любовалась ей и тихонько спросила: слушай, Матлин, как такая красавица вышла за тебя замуж? Он улыбнулся, посмотрел на свою жену долгим тёплым взглядом и сказал: «Сам удивляюсь. Любила, наверное».

*Я поняла: я быть одна боюсь.
Друзья мои, прекрасен наш союз!
О, смилуйтесь, хоть вы не обещали.
Совсем одна, словно Мальмгрен во льду,
заточена, словно мигрень во лбу
Друзья мои, я требую пощады!*

(Б. Ахмадулина)

Фольклорные экспедиции были каждое лето, Миша почти сразу стал руководить самостоятельным маршрутом и неизменно назначал меня своим заместителем, нечего было и увиливать. Я уже знала – в экспедиции я с Матлиным, и он мой самый главный начальник. Он был замечательным исследователем и другом всех студентов, к нему в группу стремились попасть все, но отбор был строг, только я проходила вне конкурса (улыбаюсь).

Между экспедициями мы учились, очень серьёзно относились к занятиям. Но красный диплом получил только Миша. У меня была одна четвёрка – за госэкзамен по научному коммунизму, как ехидно заметил один из наших однокурсников «из-за аморфного и почти атрофированного чувства гражданственности и патриотизма».

После института мы не расстались: так же встречались, хотя и уехали на короткий срок в разные деревни по распределению. Но я в 1980-м уехала дальше всех – в Красноярск, и каждое лето рвалась в Ульяновск, встретиться с друзьями. Ходила на кафедру, где работал Миша, к Майе Павловне на фольклорный пирог, домой к моим дорогим Рассадиным, к Серёже Шаврыгину... Словно старалась в запас получить дружеское внимание и высоту интеллекта моих друзей. Когда я вернулась домой, встречи стали реже – казалось, успеем сто раз. Нет, всё-таки не успеваем, надо чаще встречаться.

Миша мне тогда, по приезду в Ульяновск в 2007 г., очень помог с работой. Однажды он позвонил, велел идти с ним, взял меня за руку и повёл по всем возможным для меня местам работы. У него на кафедре места не было, и он решил обойти со мной вузы и другие организации. Бросил все дела, ходил со мной, кормил в кафе, и снова мы куда-то шли и еха-

ли. Вроде бы этот поход за работой ничем не кончился. Вроде... А на самом деле авторитет Матлина был настолько высок, что все руководители, к которым он обращался, сначала как-то неопределённо и туманно говорили, что они бы и рады, да вот что-то как-то, потом со мной созванивались, уточняли и приглашали на работу. И я ещё выбирала!

Однажды Миша пришёл ко мне зимой вместе с Наташей Мироновой на щи. Я сварила русские щи из кислой капусты с белыми грибами в духовке в горшочке. Он очень их хвалил, потом не раз вспоминал и говорил, что ждёт повторного приглашения на щи. А я так и не удосужилась. Прости меня, Миша, сварю в память о тебе обязательно.

Приходил он к нам и с маленькой дочкой, она очень понравилась моей маме, мама сказала, что девочка очень рассудительная и очень поэтичная, в папу.

На мой 55-летний юбилей в Институт повышения квалификации учителей (ИПК) Миша пришёл такой элегантный, такой респектабельный, был очень важным гостем, но потом шутил, смеялся, танцевал – и всех покори́л, его обаяние было всепобеждающим.

Он меня никогда не критиковал, в отличие от других друзей (не будем показывать пальцем, но это Рассадин! Улыбаясь, люблю его тоже), но и особенно не хвалил, никогда не говорил комплиментов, относился ко мне ровно и по-дружески, и мне казалось, что он не очень-то хорошо знает мои предпочтения, например, в музыке, не очень учитывает мои склонности. Один случай показал, как я ошибалась.

Миша иногда приглашал меня на концерты. Это приглашение выглядело так: я на работе или дома, звонок от Матлина: «Сегодня мы с тобой идём на концерт, жду тебя без пятнадцати семь у входа туда-то». Мои слабые вяканья: да я не готова, я не собиралась, одета неподходяще, причёски нет, устала – в расчёт не брались. Приходилось отвечать: слушаю и повинуюсь! И приходила, конечно, в любом виде и в любой ситуации, хвалю себя, что ни разу не отказалась. Так вот, не помню год и день, помню, был конец мая или начало июня, вовсю цвела сирень, я работала во Дворце книги, весь Венец был окутан этим ароматом, и во всём мне слышалась музыка Рах-

манинова. А я ещё утверждаю, что у меня нет никакой интуиции! Позвонил Миша, сухо сказал, что мы идём на концерт на площади Ленина, пригласительные у него, и чтобы я не смела опаздывать. Ну я, конечно, прибежала, бесполезно было спрашивать, как всегда, что за концерт, где программа.

На площади была выстроена сцена, в глубине её располагался симфонический оркестр, на первом плане стоял роскошный рояль. Мы сидели близко, во втором ряду, в первом – губернатор со свитой. Я хотела сесть подальше, но Матлин велел сидеть, где села. И меня начали терзать смутные сомнения – уж очень самодовольный вид был у моего друга. Напрасно я добивалась, что будет, напрасно выискивала программу у ближайших соседей. Но когда вышел конферансье и объявил: Рахманинов... Я шёпотом продолжила: Второй концерт для фортепиано с оркестром... – Исполняет... Я – Денис Мацуев... Повернувшись к другу, я змеиным шёпотом прошипела: Матлин, я тебя убью... Мой друг беззвучно по-мефистофельски хохотал. Но когда взлетели над клавиатурой эти руки-крылья и поплыл над Венцом размеренный звон колоколов, я уже ничего больше не видела и не слышала, нырнув в океан величайшей божественной музыки. Здесь надо сказать, что именно Второй концерт Рахманинова является для меня воплощением моей души и, конечно, воплощением России. Именно в исполнении Дениса Мацуева, другие пианисты не производят на меня такого впечатления. Я думаю, что и у Дениса это любимая музыка, он так счастлив, когда исполняет её, всем существом погружаясь и отдавая все силы, встаёт из-за рояля мокрый, вытирает лицо салфеткой... Когда отзвучало, когда Мацуев выходил несколько раз кланяться, я повернулась к Мише, увидела его сияющее счастливое лицо и от всей души произнесла: Матлин, я тебя люблю! «То-то же!» – ответил мой друг и увёл меня быстренько с концерта. Отправил домой, и сказал, что ничего лучшего уже не будет и важно сохранить этот душевный настрой. Он потом говорил, что интереснее всего для него было наблюдать за бурей эмоций, которая отражалась на моём лице и в произвольных жестах, говорил, что у меня на лице написано всё абсолютно. Он всё знал и всё учитывал, мой дорогой Матлин, ему было очень важно пора-

довать меня, и он разделял мою радость. А это так важно – разделённая радость.

Потом мы с ним ходили на разные концерты, никогда на них не было ничего проходного, всегда это было точно попадание в то, что я знаю и люблю или нечто совершенно новое для меня, но он очень точно знал, что мне понравится: например, певица Пелагея или Сурганова с оркестром. Мне не хватает наших культпоходов, Миша. Без тебя всё не то...

1 ноября 2018 года во Дворце книги мы с ним вместе вели научную конференцию, посвящённую 150-летию Аполлона Коринфского. Голос тогда у Миши был уже слабоват, хрипловат, но его слушали, затаив дыхание. Его доклад назывался «Книга А.А. Коринфского «Народная Русь» как один из опытов культурологического осмысления русской народной культуры в XIX веке». Он сказал, что «Народная Русь» – это книга, созданная, прежде всего, поэтом: «Это, скорее культурологический труд, нежели этнографический. Книга не была рассчитана на учёных, даже в своё время, в 19 веке. Она создаёт художественный образ русского крестьянства и, скорее, рассчитана на некоего молодого человека, которому автор преподносит свою модель жизни простого народа». Собственно, целью всех фольклорных экспедиций и научных трудов М. Матлина и было – увидеть и преподнести молодёжи модель жизни простого народа, неотделимой от творчества.

Все последующие годы мы виделись только на каких-то официальных мероприятиях – он приходил на Совет по книгоизданию, когда я рассылала приглашения, всегда спешил, успевал только сказать: «Надо бы наконец хорошо посидеть, поговорить целый день, никуда не торопясь», но при современных темпах жизни это было невозможно. Так и не поговорили.

*Всё остальное ждёт нас впереди.
Да будем мы к своим друзьям пристрастны!
Да будем думать, что они прекрасны!
Терять их страшно, бог не приведи!*

(Б. Ахмадулина)

РАССАДИНА Л. Ф.

ВОСПОМИНАНИЯ Н. ЮДИНОЙ

Мы встретились с Мишей в 1974 году на подготовительных курсах в пединституте (ныне университет). Причина знакомства была весьма забавной – мы вдвоем спасали маленького котенка, который застрял между двумя досками и жалобно мяукал. Позже я узнала, что Миша страстный кошатник. Второй раз мы уже встретились в 1976 году в фольклорной экспедиции по Майнскому району под руководством М. П. Чередниковой. Там я узнала Мишу поближе, и он стал для меня очень родным дорогим человеком и потрясающим другом на всю оставшуюся жизнь. Помню, когда у меня появился компьютер, я никак не могла установить скайп. Позвонила Мише и он, несмотря на свою большую занятость, пришел, все сделал, но, от обеда отказался, сказав, что очень торопится. В этом был весь Миша. В экспедициях, где мы уже вместе работали несколько лет, я частенько позволяла себе подкалывать Мишу, подтрунивать над ним, за что в качестве награды получила от него две стихотворные строчки: " Ох, уж эта Юдина, такая смехозлюдина!" Однажды нам вдвоем пришлось идти из одного села в другое темным зимним вечером по глухому густому лесу. У меня у одного сапога отвалился каблук и я, буквально повисла на Мишиной руке. Чтобы как-то скрасить это унылое путешествие, я решила пошутить, сказав " А вдруг нам навстречу сейчас выйдет серый волк?" И услышала очень строгий окрик: "Молчи! И не смей говорить об этом!" Потом от местных жителей мы узнали, что в этом лесу действительно обитали волки. В одной из экспедиций нам пришлось разделиться на две группы. Я осталась с одной в селе Новый Дол, а Миша с другой ушел в соседнее село. Потом мы должны были воссоединиться. По этому поводу у нас родилось несколько куплетов. Оригиналom послужила песня из кинофильма "Как закалялась сталь", где каждый куплет заканчивался по-разному, например: " Товарищ, песня, товарищ память, товарищ сердце..." Наши же все куплеты, естественно, заканчивались словами " Товарищ Матлин, товарищ Матлин..." К сожа-

лению, этот рукописный текст не сохранился, но я вспомнила один из куплетов, правда, не самый удачный и не самый смешной. Звучал он так: " Оставил нас одних ты в Новом Доле, и вряд ли ты придешь сюда обратно, но мы решили ехать за тобою, товарищ Матлин, товарищ Матлин, (повтор 2 раза) - А как он читал стихи! Первый раз я услышала, как Миша читал "Грозу" Павла Когана. Это было так страстно и так заразительно, что мне сразу захотелось выучить его наизусть и почти сразу я запомнила его. Потом в экспедициях вечерами Миша часто читал и стихи разных поэтов и свои собственные, доставляя нам истинное удовольствие. Как-то при встрече он сказал: "Эх, хорошо бы собраться, как-нибудь у тебя, посидеть, попить чайку..." Не случилось. Светлая память.

Наташа Юдина 9 сентября 2024

ДРОНИНА (СКОРОБОГАТОВА)

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА,

выпускница истфила УлГПИ 1988 г., учитель русского языка и литературы МКОУ Большепоселковская ОШ Карсунский район.

Случай на экзамене

На госэкзамен по литературе я пришла первой. Потом ещё подошли мои однокурсники. Стоим, листаем тетрадки, повторяем экзаменационные вопросы. Я спрашиваю: "Кто помнит, кто кого разбудил? Декабристы Герцена или Герцен – декабристов?" Никто не помнит. Появляется М.Г.Матлин, спрашивает: "Как? Готовы?"

Я : " М.Г., я не помню, кто кого разбудил!" Он улыбается: "Да не попадётся Вам, Лена, этот билет". Захожу в аудиторию. Комиссия. Предлагают выбрать билет. Долго выбираю. Но я первая, меня не торопят. Выбрала. Читаю. Первый вопрос: Герцен и декабристы. Меняюсь в лице. Показываю билет Матлину. А он начинает в голос смеяться. Члены комиссии не понимают, в чём дело. Сажусь, начинаю что-то писать. Выхожу

отвечать. Матлин предлагает пропустить первый вопрос билета, начинать сразу со второго. Второй знаю отлично. Меня слушают внимательно. М.Г. , обращаясь к комиссии, предлагает не слушать первый вопрос совсем, потому что студентка очень хорошо ответила второй. Выхожу, сообщаю девчонкам, что попался Герцен с декабристами, но Матлин спас меня!

В дипломе по литературе у меня «отлично»!

АНДРЕЙ ЦУХЛОВ

«ТАК СДЕЛАЙ ТО, ЧТО ХОЧЕТСЯ СДЕЛАТЬ...»

Когда вспоминаю о Михалгригориче, как мы, тогда еще студенты филфака, его называли, понимаю, что трудно сфокусироваться на каком-то одном эпизоде. Было много всего, с ним связанного. Масленица в Большом Жеребятникове Майнского района – «маслениц» было много, разных, повелось побывать и «чертом», и «конем», и «Афонькой». Поездки в сентябре в Аксаково, ежегодный праздник, посвященный писателю. В Поливаново. Лекции и семинары: устное народное творчество, русская литература 19-го века. Конечно, фольклорные экспедиции, куда без них, открывающие новый-старый мир, переворачивающие сознание, общение с людьми, познание корней, открытие истинных традиций и культуры собственной страны. А после окончания педуниверситета – поездки по России, с научно-исследовательскими задачами и просто путешествия. Вояж в Белоруссию на старой «семерке». Вылазки за грибами – очень Михаил Гершенович любил это дело.

Еще с 90-х годов мы фактически стали друзьями. Как, впрочем, и многие его студенты. Фольклорно-этнографический клуб «Симбирянин», его детище, стал для многих неким домом, почти семьей. По четвергам Матлин собирал «своих» студентов в 441-й аудитории, пропитанной духом экспедиций, там были старинные и не очень предметы быта, лапти, горшки, полотенца, фотографии. На этих «четвергах» чаевничали, отмечали праздники и дни рождения, пели народные песни,

играли в традиционные игры, просто говорили обо всем. Играли в «мафию». Родственная, дружеская атмосфера, яркая, увлекательная, насыщенная жизнь. Ее центром и вдохновителем был Матлин.

Сейчас понимаю, что без него очень многое было бы по-другому. С Матлиным и без – это два разных варианта мира. Нам действительно посчастливилось с ним близко общаться, многому у него научиться. Это не только знания. Это – «горение» своим делом, потрясающая самоотдача, работоспособность, увлеченность до самозабвения, доброжелательность к людям, понимание их. Он был очень разносторонним человеком: любил фотографию, снимал и монтировал фильмы, писал стихи. Однажды в очередной поездке, близ исчезнувшего села Помаево, у палатки, окруженной змеями (тогда МГ утверждал, что это ужи, опасаться нечего, но потом выяснилось, что такие гадюки).

Стихи. Он решил нам их почитать, хотя и не любил афишировать свое поэтическое творчество. Я задал ему глупый вопрос: не мешает ли эрудиция и глубокие познания в литературе писать стихи, поддаваться вдохновению? Ответил: нет, не мешает. И это, конечно, было правдой: будучи настоящим ученым, он никогда не становился «книжным», сухим теоретиком. Он любил жизнь во всех ее проявлениях. Он все принимал эмоционально, близко к сердцу.

Однажды во время очередного «четверга» он сказал, что сейчас мы послушаем песни Бориса Гребенщикова, и он, Матлин, как бы «посвятит» по одной из песен БГ каждому из нас. То есть песня ассоциировалась у него с конкретным человеком. Попадание было, как помню, очень точным. Для меня он выбрал «Сувлехим Такац». Там было такое: «Так сделай то, что хочется сделать, спой, то, что хочется спеть...». Как будто Михаил Григорьевич гребенщиковскими словами обратился ко мне и сказал самые важные слова: найди в себе силы и сделай что-то ценное, напиши, вдруг получится, ты больше, чем почтовая змея, которой ты работаешь».

По следам фольклорной экспедиции 1994 года я написал шуточную пьесу. Зачитал ее в 441-ой участникам-прототипам, которые стали персонажами. Матлину, да и всем присутст-

вующим, понравилось. Теперь это как форма воспоминаний о тех, уже далеких событиях. Хочу представить ее вашему вниманию.

Спасибо МГ, что был у нас. Спасибо, что он и сегодня продолжает подпитывать нас своей энергией.

ЭКПЕДИЦИЯ - 94 *(пьеса в трех действиях)*

Действующие лица и исполнители:
Фольклорный клуб «Симбирянин» и другие.

Несколько слов о некоторых лицах и исполнителях:

Матлин Михаил Григорьевич – начальник экспедиции. Мужчина лет сорока пяти. Носит бороду и средней длины волосы. Наружность не лишена приятности. Худощав, высок. Движения быстры и точны. Голос сильный, уверенный. В университете любит носить костюм, в экспедиции брюки и футболку. Очень любит песни.

Попова Лариса – ныне учитель, два года назад - студентка УГПИ. Имеет способность вести за собой невзирая ни на что. Подготовила не одно поколение фольклористов, что неизгладимым образом сказалось на их судьбе. Очень любит кофе.

Аникина Света – не учитель, не студентка, а просто хороший человек. Доброжелательна и приветлива. Ум имеет бойкий, острый, проницательный. Прекрасное чувство юмора и способность хохмить. Очень любит торты.

Захаров Эдуард – президент фольклорного клуба «Симбирянин». Рост имеет средний, волос черный, склонный к курчавости. Характер мягкий. Глаза добрые. В меру гуманен. Покладист. Очень любит общаться с девушками (взаимно).

Трушкина Наташа – четверокурсница с приятной внешностью и способностью с точки зрения психологии объяснить все вплоть до плохой погоды. Чрезвычайно музыкальна и фотোগрафична. Очень любит Б.Г. и сны.

Аверьянов Петр – прежде всего умен и очень оригинален. Заядлый отличник и убежденный вегетарианец. Потомственный партизан. Склонен к припадкам хохота. Пытается играть на всех музыкальных инструментах и петь. Волосы носит разной длины – когда как. Глаза носит одинаковые, большие. Очень любит медитировать.

Лобанова Оля – правая рука Матлина. Завхоз. Ведущая в игре «Мафия» и просто милая девушка. Характер прямой, режет правду в глаза, отчего иногда и страдает. Пользуется огромным авторитетом, но за использованием его в корыстных целях замечена не была. Очень любит землянику.

Мозина Юля – прелесть какая хорошенькая молодая особа с приятным голосом и манерой держать себя. Имеет обыкновение молчать и лишь иногда вставлять меткое словцо. Верная подруга Лобановой О., что соответствующим образом характеризует их обеих. Очень любит не бывать в университете.

Шубина Света – очень приветлива и улыбку имеет очаровательную, отчего, наверное, и показывает ее часто. Верная подруга Лобановой О. и Мозиной Ю., что соответствующим образом характеризует их троих. Света ответственна, ее можно взять с собой в разведку. Очень любит своих подруг.

Цухлов Андрей – прежде всего поэт и убежденный фольклорист. Временами несобран и всегда задумчив. Обладает уникальным даром рассказывать анекдоты. Питает большую любовь ко всему крепкому: слову, мысли, напитку. Музыковед. Очень любит “Е. Л. О.”. Автор этой пьесы.

Кривоногова Марина – очень бойкая молодая особа с приятной внешностью и красивым голосом. Имеет способность на фразу из двух слов задать десять вопросов и тут же, не слушая вас, на них ответить. Заводила, запевала, заедала. Имеет способность иметь способности. Очень любит своего братишку.

Роганов Николай – парень видный во всех отношениях с глубоким и неисчерпаемым чувством юмора. По возвращении из экспедиции отпустит бороду и женится. Талантлив и добродушен. Сочинитель «Нескольких слов о некоторых действующих лицах и исполнителях». Любит пиво.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Ульяновск, 1994 год, 11 июля, педуниверситет, 441-я аудитория. Посреди стоят рюкзаки с продуктами и посудой.

Матлин: Давайте подумаем, ничего не забыли?

Эдик: Да вроде все, Михал Григорич.

Матлин: Кипятильники взяли?

Коля: Взяли, Михал Григорич.

Матлин: Плитки взяли?

Петр: Взяли, Михал Григорич.

Матлин: Чайники взяли?

Все (хором): Да взяли, елки-моталки, Михал Григорич!

Матлин: Смотрите, не возьмете чайники, я там вас заставляю покупать резиновые сапоги. Был у нас в прошлой экспедиции случай...

Наташа Трушкина (в сторону): Ну-ну, грузите больше, я у дежурных заимствовала.

На заднем плане Эдик приподнимает общественный рюкзак, ручка рвется.

Оля Лобанова: Михал Григорич, куда нам столько подсолнечного масла, хватит нам и одной канистры.

Матлин: Ну, смотри, не хватит – заставлю там покупать резиновые сапоги.

На заднем плане Эдик пробует на вес второй общественный рюкзак, ручка снова отрывается. В дверях появляется Андрей, обвешанный магнитофонами.

Матлин: Ну как, починили?

Андрей: В первой «Электронике» вынули половину деталей, сказали, и так работать будет. Во второй сделали сломанные две кнопки, но сломали все остальные. Третью перепутали с «Романтиком» и поставили лишнюю головку записи. Чет-

вертую замазали не то клеем, не то вареньем. От «Романтика» остался один корпус.

Матлин: Вот ты и возьмишь его. Это лучший магнитофон у нас на кафедре. Смотри, не гоняй “Романтик”.

Андрей (втыкая в «Романтик» кассету с «Металликой»): Не буду, Михал Григорич.

На заднем плане Эдик пробует на вес третий общественный рюкзак. Его постигает участь двух других.

Матлин: Смотрите, завтра на вокзал - без опозданий.

Ирина Буряк: Да чтобы я когда-нибудь в жизни опаздывала, да разрази меня гром.

На улице неожиданно начинается дождь с громом и молнией.

Матлин: Как бы погода не испортилась. Смотрите, берите сапоги. Был у нас в одну экспедицию случай...

Эдик (в сторону): Ведь только вчера сидел пришивал. Хоть бы один целый рюкзак.

Эдик быстро выходит в коридор, чтобы от души выругаться, и сбивает с ног Игоря Германовича.

Игорь Германович: В экспедицию?

Эдик: Туда, мать ее за ногу.

Игорь Германович: Надолго?

Эдик: На две недели.

Игорь Германович облегченно вздыхает и, хромя, удаляется. Через минуту в 441-ю залетает возбужденный Шевченко.

Шевченко: Михал Григорич, оставь торта кусочек!

Матлин: Мы не торт едим, мы в экспедицию собираемся. Не мешай.

Шевченко, грустный, уходит.

Матлин (к Юле): Кстати, о птичках. Ты курсовик думаешь мне сдавать?

Юля: Да я, Михал Григорич, ночами, можно сказать, не сплю...

Матлин: Эх, забыл, с какого вокзала завтра отъезжаем: с авто или с железнодорожного?

Коля: Да вы же сами сказали, с аэропорта.

Матлин: Ах, да. И чтобы без опозданий!

Буряк: Да разрази меня гром!

Явление второе

Утро в Ульяновске. Автовокзал. К куче рюкзаков постепенно стягиваются «симбиряне».

Матлин: Запомните: ваши места с 23-го до конца. Желательно залезть в нужный автобус. Кстати, чего это, Петр, у тебя рюкзак такой большой?

Петр: Травя, Михал Григорич. Что, мне в экспедиции с голоду помирать?

Матлин: Да нашли бы тебе сена в деревне-то.

Петр: Сено оно не питательное. Его ешь-ешь, а наестся никак не можешь. Да и ночью спать не дает.

У рюкзаков останавливается блестящая BMW, из которой выходят Оля, Юля и Света.

Оля: Хорошая это вещь – общественные деньги.

Юля: А мне, девочки, можно сказать, сон нехороший приснился: иду я по темному лесу, вдруг чувствую, леший какой за мной. Я, можно сказать, от него. А он не отстает и все приговаривает: «Когда сдашь курсовик, когда сдашь курсовик?» К чему бы этот сон?

Света: К дождю, не иначе.

Юля: А я и сапог, можно сказать, не взяла.

Оля: Тише, а то Матлин услышит.

С другой стороны появляется доблестное «Заволжье» во главе с Президентом.

Матлин: Вы чего такие мокрые?

«Заволжье»: Да мост опять перекрыли, так мы Волгу вброд переплывали, а потом трамваев не было, пешком шли, вспотели. Вот и мокрые.

Матлин: Сапог на вас нет резиновых! Мигом сушиться! А где Буряк?

«Заволжье»: Ее гром разразил.

Матлин: Вечно ее то гром разразит, то акула съест, то самосвал переедет. А то бывает, провалится на этом самом месте. Ну, будут у нее проблемы с фольклорной практикой.

Петр: А как правильно сказать: «сапог на вас нет» или «сапогов на вас нет»?

Матлин: Вечно ты не в тему. На тебе вообще калоши.

Петр: А все равно интересно.

Матлин глубоко задумывается. Подъезжает автобус. «Симбиряне» лезут внутрь.

Матлин: Петр, твой рюкзак не влезает. Придется разбирать автобус.

Петр: Михал Григорич, не проще ли заказать другой?

Некая тетка: Откуда вас столько, мать-перемать, без вас негде сидеть.

Коля: Студенты из Ульяновска. Нельзя, что ли?

Некая тетка: Я буду жаловаться, я письмо Горячеву напишу.

Петр (к Наташе Трушкиной): Наташа, твоему дяде письмо собираются писать.

Некая тетка краснеет, затем синет и замолкает.

Матлин: Все расселись? Ну, теперь и спеть можно.

Наташа Трушкина: На трезвую голову? Фи!

Автобус трогается.

Явление третье

Автовокзал в Новоспасском. То и дело слышны крики «Давайте убьем Женю, давайте убьем Женю!». Матлин стоит неподалеку и сквозь черные очки наблюдает за «симбирянами», расположившимися на травке и играющими в «Мафию».

Эдик: Гм! Ну что я могу сказать. Мафия в нашем городе сильна как никогда. Я честный. А мне кажется, что Женя мафия.

Коля: А может, туда гранату бросить?

Оля Лобанова: Последнее слово предоставляется Жене.

Женя: Это мое юбилейное 200-е последнее слово...

Коля (потягивая пиво): Это надо отметить.

Оля Лобанова: Разговорчики на кладбище!

Женя: Мне, конечно, приятно, что я дожила до такого юбилея...

Коля: И как это тебе удалось!

Оля Лобанова: Да замолкнут сегодня покойники или нет?!

Оля Яковлева: Нет уж, извините – подвиньтесь. Ее постоянно убивают, а она доживает до 200-го юбилея.

Женя: Ну, мне очень приятно такое внимание с вашей стороны. Но посмотрите в мои глаза (все «симбиряне» внимательно смотрят в ее глаза), в них написано, что я честная. Ведь правда, честная?

Коля: Не убивайте, юбилей все-таки.

Оля Лобанова: И кому взбрело на кладбище пиво продавать?!

Коля: Это Михал Григорич, говорит, - мокрый паск.

Женя: А знаете, кто настоящая мафия?

Все: Кто, кто?

Женя: Света Рябова. Она улыбалась подозрительно. Давайте убьем Свету Рябову.

Все: Давайте, давайте, Рябова – мафия!

Андрей: Только через мой труп. Света – честная.

Коля: А раньше, чтоб проверить на честность – горшки били.

Коля хочет разбить бутылку.

Оля Лобанова: Ну, покойничек попался. Голосуем. Кто за то, чтобы убить Свету Рябову? Единогласно! И граждане убивают честного жителя города.

Света Рябова: А последнее слово?

Оля Лобанова: Разговорчики на кладбище!

Все: Давайте убьем Женю! Давайте убьем Женю!

Оля Лобанова: Аргументация!

Все (скандируют): Женя – мафия! Женя – мафия!

Оля Лобанова: Последнее слово предоставляется Жене.

Женя: Черт вас побери. Ну честная я. Ну, с Рябовой промашка вышла. Зато знаете, кто мафия? Яковлева мафия. Она смотрит как-то подозрительно. Давайте убьем Яковлеву.

Все: Давайте, давайте, Яковлева мафия!

Оля Яковлева: Нет уж, извините, подвиньтесь. Видите ли, не так на нее посмотрела, мафиози недобитая. Это что еще за нафиг? И почему это в городе Н все ночь не настаёт?

Оля Лобанова: И то правда. И так, в городе N наступила ночь. Все заснули, даже самые заядлые покойники. Мафия, эта подлая, коварная мафия прицеливается, стреляет и убивает комиссара Каттани!!!

Народ безмолвствует.

Света Галкина: Ребята, а где комиссар Каттани?

Народ безумствует.

Явление четвертое

Школа в Новом Томышёве. «Симбиряне» во главе с Матлиным сидят в столовой.

Матлин: В свое время, когда студенты ездили в экспедицию с Александром Палычем, он делал так: в первый день посылал одну группу студентов в лес за ягодами, вторую за грибами, третью за мясом, четвертую за проявителем, пятую за

закрепителем, шестую вообще не посылал. Нужно признать, что он был неправ.

«Симбиряне»: Неправ, ух неправ.

Матлин: А вот я пошлю вас...пошлю...забыл куда...как то бишь его...слово еще такое есть иностранное...А, вспомнил, за фольклором!

«Симбиряне» одобрительно кивают головами.

Так вот, помните, что вы тут гости. Никто вам ничего не обязан рассказывать и рассказывать не будет. Вести себя прилично. Особенно это касается девочек. Загорать только в ночное время. Здраваться со всеми в селе. Если не откликаются, обратитесь к Жене, она вас научит.

Эдик: Я всегда говорил, что Женя мафия.

Нетрезвый работник школы: Можно и я скажу!

Матлин: Можно, только покороче и поменьше непечатных выражений.

Нетрезвый работник школы: Матросы! Братва! Обеспечим каждую бабушку нашего села углем и дровами! Повысим удои молока с каждой фуражной коровы! Отметим пятницу как очередной День животновода!

Нетрезвый работник школы падает и уползает из столовой.

Матлин: Ну вот так всегда, на самом интересном месте. (к Оле Лобановой) На чем я остановился?

Оля Лобанова: И поменьше непечатных выражений.

Матлин: Нет, а еще раньше?

Оля Лобанова: Обратитесь к Жене, она вас научит.

Матлин: Елки-моталки, какую ерунду я говорил все это время! Ну а еще раньше?

Оля Лобанова: Вы говорили: пошлю вас, как бишь его, за фольклором.

Матлин: О, точно, это я и хотел сказать. Сегодня до девяти часов будет первая вылазка. Магнитофоны можно не брать, они все равно не работают. К вечерней прогулке всем быть тут. Завтра работаем с утра до ночи.

И без фольклора не возвращаться!!

Полные оптимизма «симбиряне» с криками и песнями разбегаются по деревне.

Явление пятое

По школе разносится крик Иры Явкиной «Обедать!». В столовую входит Матлин и остальные «симбиряне».

Матлин: где моя большая ложка?

Оля: В большой банке, Михал Григорич.

Матлин: А где моя маленькая ложка?

Юля: В маленькой банке, Михал Григорич.

Матлин: А где моя средняя ложка?

Света: В средней банке, Михал Григорич.

Дежурные разносят первое. На мгновение воцаряется тишина, звуки черпающих ложек и работающих челюстей.

Матлин: Кабы меня жена кормила так же, ноги бы моей не было в экспедиции.

Эдик: Да, едим мы здесь конкретно.

Коля (рассматривая кружку): А вы заметили, Михал Григорич, что у этого зайчика штанов нет, а у этой мышки есть...

Матлин (пододвигая добавку): Ты знаешь, это как-то ускользнуло из поля моего внимания.

На другом конце стола сидит Петр. Вместо первого перед ним стоит большая кружка с водой, в которой сиротливо мокры два-три листика и корочка хлеба.

Матлин: Чего это, Петр, у всех за ушами трещит, а ты неспеша как-то ешь?

Петр: Смакую, Михал Григорич.

Коля: Кабы здесь была Козлова,

Мы бы голодали снова,

А была бы Степанец,

Всей еде б настал конец.

Матлин: Я всегда говорил, что голодный фольклорист - не фольклорист. Вот Коля: поел – и перед вами творческий человек.

Андрей (в сторону): Подумаешь, мне иногда и 50 граммов хватает.

Коля (пододвигая третью кружку с вареньем): А вы заметили, Михал Григорич, у этого слона нет штанов, а у этого муравья – есть?..

Матлин: Просто поразительно. Нет, не заметил. Ну-ка, дай-ка сюда варенье!

На другом конце стола вновь появляется Петр и со словами «Эх, тропы партизанские!» принимается есть свое фирменное блюдо.

Коля: Кабы здесь была Козлова,
Мы б зарезали корову.
А была бы Степанец,
Понарезали б овец.

Эдик и еще несколько возмущенных голосов: А где варенье?

Коля: Где-где, не нарывайтесь на рифму!

Эдик и еще несколько возмущенных голосов: Где варенье?

Коля: Ну, сейчас нарветесь...

Эдик и еще несколько возмущенных голосов: Пока не съедим варенье, не встанем с места. Где?

Коля: Ну, нарвались: нигде.

Эдик (краснея): Коль, ну не за столом же.

В столовой появляются самые настоящие Степанец и Козлова. «Симбиряне» кидаются им на шею.

Козлова: Обед? Как мы вовремя!

Степанец: А где варенье?

Эдик краснеет еще больше. Коля хватается за голову, потом за большой нож и убегает в деревню.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Новое Томышёво. В избушке сидит привязанная к стулу бабулька, Андрей, Оля и Марина.

Марина: Бабуль, вы нам хоть еще один вопль провоните.

Оля: А то где же мы еще такие вопли услышим.

Андрей: Вот как рукой махну, - вопи, бабуля.

Андрей машет. Бабуля вопит от всего сердца, как бывало в молодости перед венцом.

Андрей (Оле): Жалко, стул деревянный, а то бы еще электричество подвели.

Оля: Я не думала, Цухлов, что ты такой.

Андрей: Нет, бабуля, надо перевопить. Уровень записи зашкалило.

В открытое окно видны проходящие мимо Эдик и Женя.

Эдик: Докапываемся до тех двух бабок. Я слева, ты справа.

Женя: Ведь опять пошлют.

Эдик: Ладно ты, опять накаркаешь.

Женя: Хорошо, я буду куковать.

Женя и Эдик проходят.

Бабулька: Батюшки, а эти кого закапывать собрались?!

Марина (желая успокоить бабульку): Не закапывать, а докапываться.

Бабулька: Батюшки, у покойников-то какой фольклор! Хоть бы их в покое оставили.

Оля: А вы, бабуля, наверно, помните гражданскую. У вас тут в деревне, говорят, белые были.

Бабуля: Были, дочка, были.

В окне мимо проходит Петр в белой буденовке и с букетом зверобоя. Бабулька начинает вопить уже не по команде. Петр сворачивает на крики и просовывает голову в окошко.

Петр: Бабуля, водички не будет? По лесу плутал, траву ел...

Бабулька вопит еще сильнее.

Андрей: Бабуль, да ему не привыкать.

Петр: Андрюх, давай закругляйся, Матлин ужинать зовет.

Оля и Марина (хором): Хватит, уж четвертую кассету воплей записываешь, да мы околеем расшифровывать!

Андрей: Ладно, вы идите, а я еще ее помучаю.

Оля, Марина и Петр со словами «Спасибо, бабуля, мы завтра придем еще» уходят.

Андрей: Ну, бабуля, приступим к жестоким романсам.

Бабулька (поет): Она его любила,

А он ей изменил.

Она его забыла,

А он себя убил.

Пришла и видит: мертвый.

Такая вот беда.

И совесть ее съела –

Повесилась она.

Андрей (в сторону): Ай да романс, какая поэзия. Главное – Матлину понравится.

В окне видны возвращающиеся Женя и Эдик.

Женя: Я же говорила, пошлют подальше.

Эдик: А все ты: ку-ку да ку-ку...

Женя: Хорошо, я буду кукарекать.

Бабка падает в обморок.

Андрей (отвязывая бабку от стула): Ну вот, теперь и поужинать можно.

Явление второе

Утро следующего дня. Школа. «Симбиряне» заняты расшифровкой, Андрей пишет первый, «кипятильниковый» пункт “Устава фольклориста”. Эдик стрижет Колю.

Оля Яковлева: Михал Григорич, а неприличные слова как писать?

Матлин: Эх ты, окончила первый курс, а не знаешь, как пишутся неприличные слова.

Оля Яковлева (не растерявшись): Я об оформлении.

Матлин: Разборчиво и с комментариями. Впрочем, начальных букв с точками будет достаточно. (к Жене) Что вам сказала та бабка, к которой я вас вчера посылал?

Женя: А неприличные слова тоже говорить?

Матлин: Не надо.

Женя: Тогда ничего не сказала.

Из комнаты доносится голос Петра «Бабайку в лужу уронили и порвали олимпийку». Туда заходит трезвый работник школы.

Трезвый работник школы: Это не вы тут ночами яблоки трясете?

Петр (пряча огрызок в спальник): Как вы можете на нас подумать? Это местные хулиганят.

На самой середине последнего слова Петр проглатывает остатки яблока.

Трезвый работник школы: А ругаться нехорошо. Придется вам, мальчики, отсюда выселиться. Мы будем тут пол красть.

Коля: Ну хорошо, не коров доить. Спортзал – мой дом родной: хочешь – в футбол, хочешь – в баскетбол, хочешь – на гитаре. Красота.

У входа в школу слышны душераздирающие крики “Буряк!!! Буряк!!!”

Буряк: Ну вот, я, как всегда, вовремя. А, кстати, какое сегодня число?

Марина: Четырнадцатое. А ты-то как добиралась?

Буряк: Сначала меня гром разразил. Потом самосвал переехал. Потом провалилась куда не помню. Очнулась, смотрю – четырнадцатое число, в экспедицию пора. Ну, думаю, раз пора, надо спешить, а то опоздаю. А чтобы я куда-нибудь в жизни опаздывала, да разрази меня...

Ей вовремя зажимают рот и уводят в комнату.

Матлин (Андрею): Это что еще такое? «На крылечке сосредоточилось сразу четыре информатора. Взяты приступом. Оказано сопротивление. Прием». Разве это дневник? Переписать.

Андрей со словами «Тяжело в учении – легко в бою» снова уходит писать «Устав фольклориста».

Коля: А уши торчать будут?

Эдик: Хочешь, я и их состригу.

Трезвый работник школы: Вы переселяться думаете?

Петр (чуть не подавившись очередным яблоком): И нет нам покоя ни ночью, ни днем.

Петр надевает буденовку и начинает сворачивать до отказа полный огрызками спальник.

Явление третье

Обед следующего дня. Столовая

Матлин: Позвольте вас всех поздравить: у меня появился личный секретарь-референт. Это Юля.

Юля (встает): Юля Мозина, студентка ульяновского педуниверситета, окончила второй курс филфака, я из фольклорного клуба «Симбирянин», не замужем.

«Симбиряне»: Надо же, мы тоже оттуда. Очень приятно.

Коля: Я, конечно, всего лишь скромный конюх, а мне тоже интересно, кто такой референт и с чем его едят.

Все настолько глубоко задумываются, что перестают есть. Минут через пять Матлин спасает положение.

Матлин: Секретарь-референт – это тот, кто референтит на своего начальника.

«Симбиряне» удовлетворенно продолжают поедать обед.

Оля Степанец (принимаясь за вторую добавку): В прошлую экспедицию я поправилась на семь килограммов, а в эту – на семь похудела. Наверное, ем мало.

Юля: А мне, девочки, можно сказать, сон нехороший приснился. Иду я по лесу, вдруг леший какой за мной. Ну я, можно сказать, от него. А он не отстает и все приговаривает: «Быть тебе моим секретарем-референтом, быть тебе моим секретарем референтом». К чему бы это...

Наташа Трушкина: Если по Фрейду – к жениху, если по Фромму – к дождю, если по Юнгу – к манной каше.

Матлин: Экие тебе ужасы снятся. И как тебя леший тот не сожрал...

Юля: Да он, Михал Григорич, можно сказать, ничего, интересный мужчина.

Матлин: Я тоже так думаю.

Коля (черпая варенье): А вы заметили, Михал Григорич, у мышки нет штанов, а у зайца есть.

Матлин (черпая варенье): Ну-ка, ну-ка...И правда, нет штанов...

Коля (черпая варенье): Интересно, откуда у зайца штаны...

Матлин (черпая варенье): Интересно другое: нафига они ему нужны...

Эдик и еще несколько возмущенных голосов не успевают нарваться на Колину рифму, потому что входит Александр Палыч. Его с радостью усаживают за стол рядом с Михаилом Григорьевичем.

Александр Палыч: А кто такая Буряк?

Буряк: Я Буряк.

Александр Палыч (с глубоким уважением): Молодец, из Новоспасского пешком протопала.

Буряк: Чего только ни сделаешь, чтобы все было вовремя.

Александр Палыч с сожалением косится то на свою маленькую тарелочку, то на внушительную тарелку Эдика и наконец не выдерживает.

Александр Палыч: Дежурные, там добавка есть?

Дежурные: Больше нет.

Оля Степанец: Александр Палыч, давайте я своей пожертвую, это из-за меня добавки нет.

Петр: Александр Палыч, а хотите вот этой штуки, тюря называется. Хлеб, вода и лебеда – вот прекрасная еда.

Александр Палыч (сделав вид, что не расслышал): А где варенье?

Коля (в сторону): Ну, нарвался Александр Палыч на белый стих. (вслух) Где-где, в банке!

Явление четвертое

Школа, спортзал. В спальниках лежат слева направо: Коля, Эдик, Андрей и Петр.

Коля: Здорово мы девчонок напугали...

Эдик: Они от страха стали аплодировать...

Андрей: Жалко немного, Матлин обломил: «Нашли время Масленицу репетировать!..»

Петр: А я был неотразим, в трусах и буденовке...

Эдик: А кто это к нам до этого в противогазах приходил? Мне показалось, нетрезвые работники школы пришли тараканов морить и что нас спутали с тараканами...

Коля и Петр (хором): Мы поняли только одно: противогазы были женские.

Андрей: И поэтому вы влезли друг на друга и начали перед ними безумно скакать?

Петр, чтобы уйти от ответа, моментально засыпает.

Коля: Хотел пощеголять в своих модных штанах с лампами. Впрочем, уже поздно, давайте спать.

Эдик засыпает. Коле и Андрею напрочь не спится.

Андрей: Хотелось Коле заснуть, да все не получалось...

Коля: Андрюх, давай народное средство от бессонницы – 50 грамм.

Андрей (в сторону): Ну, Коля, нарвешься сейчас на народное средство.

Коля откупоривает бутылку, Андрей идет в столовую воровать закуску.

Коля: Задолбали эти трамваи.

Андрей: Представляешь, я впотьмах взял запивать подсолнечное масло.

Коля: То-то завтра дежурные дебош поднимут.

Андрей: За юбилейную 20-ю экспедицию.

Коля: Дай бог, не последняя.

Выпивают.

Андрей: Ну вот, теперь и анекдот можно рассказать. Идут по пустыне то ли Петька с Василь Ивановичем, то ли черепаха со скорпионом, вдруг видят пенек, а на нем пирожок и «пузырь», нет, пирожка там не было. Ну, я подробностей не помню.

Коля зажимается от смеха. Воображение Андрея начинает набирать обороты.

Андрей: Вдруг Чебурашка видит: сидит корова не то на березе, не то на пальме и обливается не то сметаной, не то персиковым соком. Тут-то он и говорит: «Что, зеленый, не спишься? На, погребись!».

Эдик поднимает голову и извергает такое страшное ругательство, что краснеет не только он сам, но и спящий Петр, и засыпает снова.

Андрей: Я знаю, какую песню любит наш президент – Танина Тикарам, «Twistinmysobriety» – с английского – «Поворот в моей трезвости».

Андрей берет магнитофон, ставит под ухо Эдика и включает его любимую песню. Коля от смеха бьется в судорогах. Эдик выругивается еще страшнее.

Андрей (на полных оборотах): В поездах бывают вагоны-рестораны, почтовые вагоны, а значит и вагоны-сортиры. В Москве и станция такая есть – «Москва – сортирочная».

Коля хохочет на всю школу так, что сыплется штукатурка, а Матлин переворачивается на другой бок.

Коля (еле отдышавшись): Ну, чтобы я еще раз с тобой от бессонницы лечился...

Андрей: Ничего, в другой раз мы подсолнечное масло с ромашками попробуем.

За окнами светает.

Явление пятое

20 июля. Степанец и Козлова во имя спасения съестных запасов отправлены на педпрактику к олигофренам. На входе

в школу объявление: «Тихо, идет запись. Кто будет орать и беситься – не пойдет на вечернюю прогулку» и подпись: «Бабки». В спортзал заваливаются Наташа Трушкина и Петр.

Петр: Ух, чабреца нарвали! До следующей экспедиции хватит!

Андрей: Ух, блинов объелся, до следующей экспедиции хватит!

Появляется Эдик и компания из Коптевки.

Эдик: Ух и выпались, до следующей экспедиции хватит!

Матлин: Тише вы, разорались, запись идет. Тут без вас Оля с Мариной такой фольклорный коллектив сколотили из двух бабок. Весь день сколачивали.

Из «комнаты записи» слышны крики бабок «Ставь бутылку, а за так петь не будем!» и голос Александра Палыча «Мы лучше компота принесем».

Петр (прислушиваясь): Буйные бабки попались. Наверное, мяса много едят. И объявление они странное написали.

Матлин: Это не они. «Бабки» – это мой временный псевдоним.

Из «комнаты записи» снова слышны крики и звуки бьющихся стаканов.

Матлин: Я всегда говорил, что сбор певческой группы и запись песен – самая приятная и интересная работа для фольклориста...

Из «комнаты записи» слышен крик Александра Палыча «Ты ее за ноги держи, а я привязывать буду».

Андрей: Для качественной записи нужно писать на черной «Романтик» и выносной микрофон.

Матлин: По-моему, он коричневый.

Из «комнаты записи» слышен крик Марины «А магнитофон зачем ломать?». К школе подходят Коля и Оля и читают объявление на дверях.

Оля: Ну и «бабки» дал мне Михал Григорич, они уже объявления стали развешивать...

Коля (прислушиваясь): Да они еще и выпендриваются...

Появляется взмыленный Александр Палыч.

Александр Палыч: Ну, с этими бабками – одни убытки.

Оля: Особенно с общественными. Иногда фальшивые попадают.

Александр Палыч (закуривая «Космос»): Да уж, сегодня и фальшивили, и картавили, и вообще без бутылки пить не хотели.

Матлин: Все «старики» собираются в столовой.

Оля: А «бабки» в кармане.

Старшекурсники и Матлин собираются в столовой.

Матлин (отхлебнув чаю): Я собрал вас, чтобы сообщить величайшей важности известие.

Юля: Вот и мне сегодня, можно сказать, сон нехороший приснился. Иду я по лесу, вдруг леший...

Матлин: Так вот...

Наступает гробовое молчание. Старшекурсники в ожидании какой-то трагедии делают серьезные лица.

Матлин: Я написал первые три главы поэмы про Андрея и Петю. Сейчас я вам их, где поприличней, зачитаю. В четвертой главе из кустов должна появиться Трушкина.

В столовую входит опоздавшая Наташа Трушкина.

Матлин (читает): Как-то утром, на рассвете
Собрались Андрей и Петя.
А дорога их была
До ближайшего села.
Говорит Петро Андрею:
«Что-то я не разумею,
Для чего в такую рань
Матлин нас послал в Сызрань?...»

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Поливановская школа. В комнате девочек сидит первый курс и Матлин. Перед ним стоят два стакана: пустой и порожний. Рядом с ним мешок со сваренной старшими курсами лапшой.

Матлин: Ну, кому еще лапши на уши мало повесил?

Буряк: Мне, Михал Григорич.

Матлин: Многое зависит от оформления. И вообще, посвящения сегодня не будет.

В комнату заглядывает Петр.

Петр: Михал Григорич, можно в ведре медитировать?

Матлин: А куда же мы сегодня воду будем наливать, об-ливать первый курс?

Петр: А разве сегодня посвящение?

Матлин: Конечно, завтра. У нас всегда было завтра. И вообще, у меня лапша кончается. Итак, главное правильно оформить и записать паспорт...

Появляется Эдик с рюкзаком.

Эдик: Михал Григорич, я вспомнил, в прошлом году я тут у одной бабки паспорт не записал. Я к ней...

Матлин: Ты куда, сейчас посвящение начнется с минуты на минуту.

Эдик: А разве сегодня?

Матлин: Конечно, нет. Какой идиот будет посвящение вечером делать?

Эдик и Петр исчезают.

Матлин (поглядывая на часы): Пора бы меня красть нечистой силе, уж и лапша на исходе.

Марина: А что, сегодня посвящение?

Матлин не успевает ничего ответить, потому что сверкает молния, гремит гром, раздается страшный смех и появляются шишига, кикимора, леший, баба Яга, водяной, Соловей-разбойник и три русалки. Они напускают тумана, крадут Матлина, съедают последнюю лапшу и испаряются. На месте Матлина сидит нетрезвый выпускник здешней школы с письмом в зубах.

Оля (читает): Будникова Анна Ивановна, 1915 года рождения, местная, безобразная, нет, необразная, говорил Михал Григорич, «необразованная» не писать... Кто передал вам это письмо?

Нетрезвый выпускник: Леший какой-то.

Марина: А Эдик ничего лучше придумать не мог: «Я паспорт пошел записывать!..». Но все же интересно: когда посвящение?

Нетрезвый работник школы: А вот еще бумажка.

Оля (читает): «Вы чего мне все посвящение срываете?! Чтобы нашли меня до вечерней прогулки! Меня похитила нечистая сила».

Первый курс намек понимает и идет в лес выручать Матлина.

Явление второе

Школа в Поливанове. Ночь. Под самыми окнами Матлина гуляют и бесятся бывшие выпускники и косящие под них фольклористы.

Матлин: Опять Трушкина пленки проявляет. О, голоса со стадиона. Никак опять Андрей с Николаем с местными в футбол играют... Ой, дадут они мне поспать или нет... Чу, за травой пошел кто-то. Петр, не иначе... Голос Поповой. Что-то говорит про пакетик ванилина и стакан сахара. Ой, долго будут эти выпускнички гулять?!.. «Бродяга, судьбу проклиная» запели. Да... А здорово меня сегодня нечистая украла, теперь каждое посвящение будем меня воровать... Нет, не дадут мне сегодня заснуть эти фотолюбители. Опять что-то горланят, экие неугомонные. А может, туда гранату бросить?.. Чу, Петр с травой возвращается. Это какую надо выдержку иметь!.. Что там опять Попова говорит? День выдержки и готово к употреблению. Ну-ну, и не забыть пакетик ванилина. Так, опять Андрей коричневый «Романтик» гоняет, слышу, что коричневый. Вроде «Квины»...Ой, не заснуть мне с этими выпускниками-фотолюбителями. О, включил «Романтик» и еще анекдот рассказывает, жаль без подробностей. Вот заладил: мягко говоря, мягко говоря... Чу, Петр опять за травой идет. Странно, ночами он спит обычно. Может, тюри переел. Ой, мне бы только ночь простоять, да день продержаться. Завтра в Ханеевку пойду за грибами, Петра с собой возьму, у него чутье лесное, партизанское. Пойду-ка я их напугаю...

Матлин спускается вниз.

Наташа Трушкина (еле успев убрать со света проявительный бачок): А я, Михал Григорич, уже две пленки проявила.

Матлин: Еще пленка – и в экспедицию вы пойдете с Александром Палычем. (к Андрею и Коле) Как с местными сыграли?

Коля: Команда фотолюбителей выиграла у команды выпускников со счетом 2:2,5. Решающий гол забит со штрафной.

Мы косили под бразильцев, а они - траву для Петра. Он был арбитром.

Матлин: Сколько раз говорил, не гоняйте коричневый «Романтик» по футбольному полю.

Андрей: По-моему, он черный. В нем еще пленки проявлять хорошо и чай заваривать.

За окном вновь светает.

Явление третье

Силаевско-Ханинеевский лес. Идет дождь. В шалаше сидят Таня, Ира, Петр, Матлин и две Светы: Шубина и Галкина. Возле каждого по корзине грибов и ведру ягод.

Матлин: Ну и шалаш у нас: хочешь – в гостиной сиди, хочешь – в столовой, хочешь – в кладовке, а хочешь – в спортзале в футбол играй – красота.

Света Галкина: Михал Григорич, простите, те я грибы собрала или нет?

Матлин: В корзине мухоморы, в ведре волчьи ягоды.

Света выкидывает то и другое в мусоропровод.

Петр: Надо было как я, траву собирать.

Света Шубина: Я на балкон выйду, посмотрю, как дождь.

Матлин: Давайте позовем Андрея.

Все: Бабка Ежка, покажись в окошко!

Появляется размалеванный Андрей в платке и с мешком поганок.

Андрей: Избушка-избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом.

Матлин: Или ты слишком вжился в роль, или ты с большого бодуна.

Андрей (залезая в столовую): Голодный я, блин. По лесу ходишь, мокнешь, блинами никто не кормит, пули над головой свистят.

Петр (надевая буденовку): Пули, говоришь?

Андрей: Пули, ага. А волки, волки так и рыщут, так и норовят сожрать. А медведей вообще как собак нерезаных. А что тут у вас в меню?

Матлин: Помидорка, огурец и Светин фирменный напиток.

Андрей (глотив напиток): Петя стрелял у водителей спички, с рельсов сошло 33 электрички.

Матлин: Да, крепкая штука, в дождь согревает.

Таня: Михал Григорич, а как отличить мухомор от подосиновика?

Матлин: От мухоморов умирают, а от подосиновиков не всегда.

Петр: А я однажды съел ведро мухоморов и остался жив.

Матлин: Или у тебя крепкий организм, или ты их употреблял под Светин фирменный напиток.

Петр: Я такие напитки не употребляю. И вообще, дождь кончается, давайте срежем через лес.

Все срезает через лес и неожиданно выходят к поливановской школе. Навстречу выходят «симбиряне» с заспанными лицами.

Матлин: Вы, конечно, работали не покладая рук по оформлению текстов. Оформление – важная вещь.

«Симбиряне» потирают глаза и кивают головами.

Юля: А я вообще, Михал Григорич, ночами, можно сказать, не сплю...

Матлин со словами «Сапог на вас нет резиновых» уходит спать. Его примеру следуют все остальные.

Явление четвертое (почти настоящее)

Поливановская школа. Последний экспедиционный вечер. «Симбиряне» сидят в столовой и высказывают то, что у них на душе.

Матлин: Есть у нас традиция: завершая практику, подводить итоги. Но это не только то, что собрали, сколько, где. Есть другие, более важные итоги. Это прежде всего люди, открывавшие нам двери, сначала настороженно, недоверчиво, а потом радостно и затуманенно глядевшие на нас... Это люди, рассказывающие, певшие, плакавшие, смеявшиеся... Люди другого мира, культуры, эпохи. Между нами и ними так много разделяющего, но они – наша Родина, Россия, один из ликов ее, не лучший, не худший, а один из. Запомним, возьмем, если способны, а, впрочем, он так вошел уже в нас, и, может быть, когда-нибудь потом по жизни откликнется, а лучше обернется в нас, нами...

Ольга Лобанова: Конечно, мне сложно говорить после такого слова Михаила Григорьевича. Но раз у нас такая традиция... Юбилейная экспедиция подошла к концу. Навряд ли кто-либо из нас забудет ее. Я думаю, у меня есть полное право назвать ее единственной и неповторимой. За эти две недели мы не только получили колоссальное удовольствие от общения с сельскими жителями, мы еще стали настоящей семьей, единым целым. Спасибо вам за то, что эти две недели вы были рядом, и я чувствовала вашу поддержку и помощь.

Марина Кривоногова: Я просто в восторге, уволю из экспедиции массу впечатлений, разбитые коленки и больное горло. Я давно так не отдыхала, это было мое самое лучшее лето. Михал Григорич, возьмите меня еще.

Оля Яковлева: Я не знаю, что сказать. Да и не надо. Просто спасибо всем.

Таня Голушко: Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Света Рябова: Спасибо за то, что мы есть, что мы были, и, дай Бог, что мы еще будем вместе.

Захарычева Наташа: Я так рада, что есть все вы! Что я здесь, с вами вместе. Как я буду засыпать без Аленкиного хихикания под ухом?!

Алена Сергеева: Я хочу сказать спасибо... Спасибо вам, Михаил Григорьевич. Да-да, именно вам! За то, что вы и мы есть!

Петр (говоря ненастоящее слово): Родина – мать ваша, Матлин – отец ваш. Слушайте своих родителей.

Наташа Трушкина: Михаил Григорьевич, я отказываюсь говорить.

Коля: Экспедиция... Дай Бог, не последняя.

Призрак Оли Степанец: Это просто здорово, когда у тебя есть такие друзья, когда есть экспедиции. Пусть не всегда получается то, что хочешь, но, в общем, такая жизнь – по мне. Пускай ходим много, пускай приходится работать – это все ничто по сравнению с радостью общения. Это будет помниться всю жизнь.

Призрак Тани Козловой: Не знаю, что и говорить, много нельзя, а мало не получится. Но попробую! Много друзей, много улыбок, много всего интересного. И все это было у нас, просто не верится. Когда все вместе – очень хорошо. Нет горя в одиночку, никто не радуется один, все радуются, поэтому и приятно.

Андрей: Слова, которые я говорю сейчас – не совсем настоящие. Они, как и эта пьеса, моя выдумка. Но такая выдумка, которая от реальности не слишком отличается, особенно то явление, в котором мы сейчас находимся. Я благодарен вам за то, что большинство из вас предпочло написать для него не только свои собственные слова, а именно те, что вы говорили, когда это явление на самом деле происходило. Я сделал так, что автор является актером собственной пьесы, а актеры, пусть частично, авторами. По-моему, это здорово. Главное, ради чего я написал эту вещь – оставить в художественной форме добрую память об экспедиции 1994 года, о нашем клубе и о дорогих мне «симбирянах». Время будет менять жанр пьесы, менять ее восприятие, ибо будет меняться сама жизнь, но останется добрая память. Именно о сохранении вымирающих традиций, о сохранении нашей теплой атмосферы я и го-

ворил на самом деле, говорю и сейчас (что совсем одно и то же): я хочу, чтобы это сохранялось и впредь. Showmustgoon!

Света Аникина: Могу сказать одно: я приехала. Приехала только для того, чтобы взглянуть на все это. Вообще, несмотря на неконвертируемость нашей профессии, все-таки очень здорово, что мы – филологи. Помню свое ощущение по окончании института, похожее на конец жизни. И это слишком эмоциональное отношение к своему институту во многом определил клуб. Я искренне вам подобного отношения желаю.

Света Галкина: Я собирала детский фольклор. Что хочется сказать. Мир ребенка совсем другой, чем ты себе представляешь, когда не вступаешь в тесный контакт. Дети копируют взрослых в своих каких-то действиях, но внутренний их мир остается уникальным и непередаваемым. Каждый человек уникален, а ребенок – в особенности. Я очень благодарна тем, кто организовал такое большое и нужное дело, как экспедиция.

Женя Волгина: Здесь много уже было сказано. Много теплых воспоминаний: и как мы шли, и как находили общий язык с бабушками. Мне кажется, что когда приедем из экспедиции в город, то, увидев первую попавшуюся бабушку, мы наверняка подойдем к ней и скажем: «Здравствуйте, мы студенты из Ульяновска...»

Ирина Буряк: Узнавать истину по книгам – намного отличается от истины, которую мы получаем от людей, от свидетелей тех событий, которые описываются в книгах, без прикрас, всю подноготную... Дружнее нас нет, такое ощущение, что нас опутало какой-то золотой паутиной, и мы уже не можем друг без друга. Я вас всех полюбила.

Света Шубина: Мне сейчас трудно говорить после тех трогательных слов, которые уже были сказаны. Во-первых, хочу сказать большое спасибо Михаилу Григорьевичу за то, что он помог объединиться в такой замечательный клуб, за то, что мы смогли съездить в эту незабываемую экспедицию, за то, что мы сидим сейчас за этим столом... Спасибо всем за то, что вы такие. Я вас всех люблю.

Юля Мозина: Я благодарна вам за то время, которое мы провели вместе. Наверно, никогда уже не будет таких дней и

ночей, такого взаимопонимания и тепла. Это останется, останется в нашей памяти, в наших сердцах... Я действительно была счастлива.

Эдик Захаров: Кажется, что все слова, сказанные сейчас, я сам готов был произнести. И поначалу огорчился, а потом подумал, что это даже здорово – у нас одни и те же чувства. Пожалуй, это и есть самое главное, что дала нам экспедиция. Пусть даже на такой короткий срок, но мы были вместе, и дни пронеслись незаметно. Не забудем все это...

Через полчаса начинается импровизированная прощальная дискотека. Звучит песня «Because I love you»

Явление пятое (неоконченное)

Ульяновск. Июль 1995 года. Педуниверситет, 441 аудитория. Посреди стоят рюкзаки с продуктами и посудой.

Матлин: Давайте подумаем, ничего не забыли?
«Симбиряне»: Да вроде все, Михал Григорич.

ЗАНАВЕС

К зрителям выходит Андрей Дмитриевич Салманов.

Салманов: А вы знаете, что «конец» и «начало» этимологически однокоренные слова?

Зрители аплодируют. Салманов подходит к доске и начинает рисовать праславянские формы. За кулисами голос Матлина: «Берем спальники и уходим через служебный вход». Через пять минут все «симбиряне» сидят в 441 аудитории на очередном «четверге».

Август, 1994 г.

НАША ПАМЯТЬ СИЛЬНЕЙ РАЗЛУКИ

Первая встреча с Михаилом Григорьевичем состоялась в январе 2015 года в лагере «Юность». Я стояла около окна и настойчиво доказывала по телефону маме, что не останусь на олимпиаду по литературе, поскольку утром узнала, что не попала в список призёров по русскому языку. Внезапно напротив окна остановился небольшой старенький автобус. Двери открылись, и на заснеженную дорогу «Юности» вышел Михаил Григорьевич. Он довольно зажмурился и вдруг посмотрел на меня. В этот момент я поняла, что нужно остаться, и отбросила телефон в сторону.

Через пару часов было знакомство с членами жюри, где Михаил Григорьевич долго рассказывал про олимпиаду и литературу в целом. Все сидели, затаив дыхание, каждый признавался потом, что готов был слушать его бесконечно. Выйдя из зала, мы собрались в одной комнате и организовали фан-клуб, который просуществовал много лет. Каждый раз, когда кто-то из нас приезжал в «Юность» на олимпиаду, на одном из сугробов лагеря появлялась огромная надпись: «Матлин». Михаил Григорьевич, проходя мимо неё, улыбался и шёл дальше. Он влюбил в себя всех, кто хоть раз приезжал писать олимпиаду по литературе, и стал стимулом работать дальше, чтобы на следующий год вновь приехать туда и встретиться с ним. Слушать его было так интересно, что, приехав домой после первой своей олимпиады, я уверенно объявила: «Я буду поступать в педагогический, потому что там Михаил Григорьевич».

В 2017 году, когда мы пришли на первую свою пару устного народного творчества, Михаил Григорьевич зашёл в аудиторию, посмотрел на нас строго, а затем сказал: «Так! Я Михаил Григорьевич или Михаил Гершенович – зовите, как хотите. Я буду вести фольклор и задавать вам много вопросов. А пока даю возможность задать вопросы мне. Любые. Узнавайте всё, что захотите. Я сегодня добрый!» С той пары мы вышли с багажом знаний, к фольклору не относящихся.

Поскольку к моменту поступления мы были уже хорошо знакомы благодаря трём сезонам олимпиад, а я волею судеб оказалась старостой группы, Михаил Григорьевич несколько раз за пару выбирал меня в качестве объекта для шуток и подколов, понимая, что не обижусь. Но всё равно после занятий подходил и спрашивал: «Ты же не обижаешься?». Об обиде и речи быть не могло – это приносило радость и мне, и группе, и ему.

На одном из семинарских занятий, когда мы обсуждали различные обряды, кто-то из одноклассников принёс блины. Михаил Григорьевич увидел, что на всех не хватит, и сказал, рассмеявшись: «А старосте-то мы и не дадим блины, староста будет голодной! А вот так вот!». В этот момент стало понятно, что мальчишка внутри него проснулся, вспомнил, что пора хулиганить, и ему это нравится. Этот мальчишка просыпался довольно часто, и мы с нетерпением ждали, когда он проявится вновь.

Однажды мы пришли в лекционную аудиторию, где уже была одна из групп нашего курса, которая пришла с пары УНТ. Они начали наперебой рассказывать, что им задали сделать таблицу с жанрами фольклора и предупредили, что никто с первого раза не сделает правильно, они были напуганы и говорили, что Михаил Григорьевич очень строг. Я знала его лучше других однокурсников, поэтому повернулась к девочкам и громко произнесла: «Да ладно вам, Матлин – лапонька!» Через мгновение из-за моей спины раздался голос Михаила Григорьевича, который хотел предупредить о формате таблиц. В этот момент аудитория наполнилась таким громким смехом, какой не слышал педагогический очень давно. Михаил Григорьевич смеялся вместе с нами. Эта история стала самой запоминающейся, до сих пор при встрече одноклассники вспоминают эту ситуацию.

У нашей группы с Михаилом Григорьевичем были довольно тёплые отношения. Он мог, проходя мимо, заглянуть в аудиторию во время какой-нибудь пары, увидеть, что там наша группа, и сказать: «Привет, моя любимая группа!» Он часто приглашал нас на вечерки, где мы с головой погружались в наши традиции и культуру. Однажды Михаил Григорьевич забежал к нам во время большой перемены с фотоаппаратом и объявил: «Я по вам соскучился, поэтому хочу вас всех сфото-

графировать». Мы тоже скучали по нему после того, как закончились его пары, поэтому старались встретиться с ним в коридоре и снимали ему поздравления на день рождения.

Однажды он подошёл ко мне в коридоре и сказал: «Я подумал и решил, что возьму тебя летом в экспедицию – готовься». Как к ней готовиться, я не понимала, поэтому начала расспрашивать маму и её одноклассников, окончивших истфил в конце восьмидесятых. Ближе к лету Михаил Григорьевич вновь неожиданно подошёл ко мне в коридоре, выглядел он грустным. «Не получается взять тебя с собой... Там много всяких обстоятельств. Не расстраивайся, как-нибудь съездим вместе». К сожалению, «всякие обстоятельства» были сильнее, и в совместной экспедиции побывать не удалось.

С момента первой встречи прошло девять лет, а я по-прежнему на вопрос «почему вы стали учителем?» отвечаю, что изначально не планировала быть учителем, а шла в педагогический только потому что хотела учиться у Михаила Григорьевича. Читая старые переписки с ним, нашла одно сообщение, которое напомнило о том, что всё не зря: «Я счастлив иметь таких учеников, как ты!»

Память о Михаиле Григорьевиче, таком, каким знала его я, останется в фотографиях; в видео, которые тайно снимали в «Юности»; в таблице по жанрам фольклора, висящей дома на стене; в автографе, оставленном на футболке; в сборнике его стихотворений; в знаниях, полученных за годы общения, и в любви, возникшей в 2015 и оставшейся навсегда.

КСЕНИЯ РУСАНОВСКАЯ (КАШКАРОВА),

студентка группы РК-03-01, 2003-2008 гг. обучения. Москва

ОН БЫЛ ТАК НУЖЕН

Тяжелая весть о кончине М.Г. Матлина буквально сразила меня. Казалось, Михаилу Гершеновичу жить еще долго, он был так нужен здесь, сейчас, в будущем.

Благодаря ему я выбрала свою профессию учителя и любила ее. А его лекции! Люди, даже не студенты, старались

попасть на них, чтобы послушать. Уму непостижимо, сколько он знал. Излагая нам материал по древнерусской литературе и фольклору, он сообщал важные и интересные дополнения к теме, каких нигде не найти, если не перерыть все источники. Значит, это он сделал, готовясь к лекции или практическому занятию, не жалея времени. А мог бы отдохнуть.

Михаил Гершонович Матлин всегда напоминал мне (и не только мне) учителя древнего Востока и древней Греции, окруженных учениками и ловящих каждое его слово. Наш современный педагог сумел придать профессии Учителя первозданный блеск славы и знаний, а слову – значимость откровения.

«Когда уходит человек хороший, частичка нас уходит вместе с ним...»

О хорошем человеке всегда хочется говорить только добрые и лучшие слова. Михаил Гершонович был именно таким человеком: разносторонним, талантливым, честным и искренним. Матлин М.Г. обладал невероятной внутренней силой, положительной энергетикой, он являлся источником мудрости и эрудиции.

Он был аристократ духа. Творческого духа. Приходится писать: был...

Горжусь тем, что я была его ученицей. Помню. Скорблю вместе со всеми по этой невосполнимой потере.

ЕВГЕНИЯ СИДОРОВА,

Министр искусства и культурной политики Ульяновской области

МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ

Мы все переживали, знали, что он тяжело болен... Рак, к сожалению, не оставил никаких шансов. Губернатор дал поручение подумать об увековечивании имени ученого. Оно будет выполнено. Пока мы будем помнить о Михаиле Гершоновиче, он всегда будет с нами.

(https://m.73online.ru/r/uehal_v_poslednyuyu_ekspediciyu_g_de_ne_lovit_svyaz_ulyanovsk_prostilsya_s_mihailom_matlinym-131785)

ИГОРЬ ПЕТРИЩЕВ, ректор УлГПУ

ПРОФЕССОР С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Сегодня тяжелый день. Мы прощаемся с выдающимся педагогом, интереснейшим человеком, чья профессиональная судьба связана с нашим университетом. С каким отличием он в студенческие годы окончил историко-филологический факультет – с таким же продолжал нести свет и научные знания ученикам. Увлекал культурой, связанной с народами Поволжья. Не ошибусь, если скажу, что Михаил Гершенович был главным и признанным ученым, занимающимся фольклором. Держитесь. Эту трагедию мы перенесем вместе.

(https://m.73online.ru/r/uehal_v_poslednyuyu_ekspediciyu_gde_ne_lovit_svyaz_ulyanovsk_prostilsya_s_mihailom_matlinym-131785)

Это тип учёного-исследователя, отдающего себя науке целиком и полностью. Нет в Поволжье сельского уголка, где не побывал профессор Матлин со своим студентами, собирая образцы национального фольклора, записывая обрядовые песни, произведения сказочной и былинной прозы, детского фольклора. Задача нашего университета – развивать научное наследие выдающегося учёного.

Профессор с большой буквы опубликовал более 150 статей и пять монографий, высоко оцененных научной общественностью. Являлся членом редколлегии научного альманаха «Традиционная культура», издаваемого Государственным Российским Домом народного творчества им. В.Д. Поленова, научным сотрудником НОЦ «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова.

(https://73online.ru/r/bolshaya_poterya_dlya_nauchnogo_soshestva_umer_professor_mihail_matlin-131686)

ВЛАДИМИР АРТАМОНОВ, заведующий кафедрой русского языка, литературы и журналистики, доктор наук, профессор УлГПУ

ТЯЖЕЛО ПЕРЕЖИТЬ ТАКУЮ ПОТЕРЮ

Знакомы были очень давно, ещё в 90-е годы читал для нас курс по библии, что было ново для всех. Общались очень тесно. Возглавлял лабораторию научную. Только ушла Маина Павловна, буквально за ней Михаил Гершенович... Вся кафедра скорбит, мы в шоке. Очень уважали, с грустью вспоминаем кафедральные посиделки, его тосты, великолепные реплики... Практически всех наших преподавателей выучил он. Потеря тяжёлая, её предстоит пережить.

https://73online.ru/r/bolshaya_poterya_dlya_nauchnogo_soo_bshestva_umer_professor_mihail_matlin-131686

ТАТЬЯНА ДЕМИДОВА, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики УлГПУ

ГОРЕЛ СВОИМ ДЕЛОМ

Матлин со студенческих лет блистал идеями, умом и эрудированностью. К любимому делу пришёл не сразу. Сначала поступил в технический институт, пока не понял, что хочет посвятить себя филологии – тогда бросил вуз и перевёлся в УлГПУ. Подрабатывал в мемцентре, чтобы быть ближе к любимому факультету.

Говорить не могу... Невероятно любили, со студенческих лет. Когда он появился, такой молодой, такой подвижный, такой умный, с таким умным, светлым филологическим умом... Я узнала его, когда он приехал из аспирантуры. По институту всегда бегал, летал, горел своим делом... до последнего мгновенья. Мы очень дружили, это безвозвратная потеря, такого профессора, такого человека у нас больше не будет.

https://73online.ru/r/bolshaya_poterya_dlya_nauchnogo_soo_bshestva_umer_professor_mihail_matlin-131686

Д.К. НУГУМАНОВ, директор МБУК Центра культуры и народного творчества г.Уфы Республики Башкортостан.

СВЕТ ЕГО ДУШИ

С Михаилом Гершеновичем мне посчастливилось познакомиться на межрегиональном фестивале «Народный календарь» (затрудняюсь вспомнить год, но кажется 2016 или 2017). Он работал в жюри. С первых минут бросились в глаза крайне ответственный подход к работе Михаила Гершеновича, его серьезность, объективность и страсть, с которой он набрасывался на разбор деталей. В моменты обсуждения все присутствующие резко замолкали, когда он брал слово, ведь его слушали с упоением, впитывая каждую мысль, каждое замечание.

Позже, наши жизненные пути еще не раз пересекались на различных конкурсах и фестивалях. Признаюсь, каждая минута, проведенная рядом с Михаилом Гершеновичем, была преисполнена его светом – налитым мудрости и знаний, заряженным мощнейшей энергетикой. Порой Михаил Гершенович был строг и категоричен, но при этом по-отечески благосклонен и терпелив.

Крайне редко нам на жизненном пути может повстречаться человек, который заставит всерьез призадуматься о подходе к работе, о творчестве, который одним своим взглядом заставит задрожать потаенные струны твоего уклада и мировоззрения. Таким человеком для меня был, есть и будет – Михаил Гершенович Матлин.

ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА ТВЕРДОХЛЕБ,

Председатель Обкома профсоюза работников образования Ульяновской области

Я ПОМНЮ ЕГО МОЛОДЫМ

Я знала лично и Мишу, и Майю (Маину), но это было тогда, в далёкие 70-е. Он так и стоит у меня перед глазами тем молодым парнишкой. Мы учились вместе, но на разных фа-

культетах. Я на естгеофаке, он на истфиле. Я была активисткой в институте, все 5 лет – членом комитета комсомола вуза, возглавляла культурно-массовый сектор. Все праздники "Студ.Весна - 76" и т.д., "Студ.Осень - 76" и т.д. (вплоть до 1981 года), вузовские капустники были "на мне". Даже их сценарии писала сама и вела. Поэтому то я и близко соприкасалась с активистами факультетов и знала их. Мишу невозможно было не заметить! Очень часто именно истфил выигрывал эти "вёсны и осени"! По окончании института его, конечно же, оставили на кафедре. Практически все в то время начинали с ассистентов, лаборантов, дорастали потом до доцентов и профессоров. Этот путь прошел и Михаил Гершенович. Молодого парнишку с истфака знали все! Умный, талантливый, идейный, неравнодушный к делу, человек стремившийся вперед семимильными шагами. Именно в вузе мы часто пересекались на различных мероприятиях, собраниях, заседаниях.

По окончании вуза пути дрожжи разошлись. Вернувшись в систему образования в 1983 году, стала бывать в институте чаще: приглашали на юбилеи вуза и все праздники. Вот только так, где-то в актовом зале пересекались, здоровались, вспоминали грандиозные студенческие годы. Вот так, фотографий нет, лично у меня. А может и были, только за почти за 50 лет их уже невозможно найти. Самый лучший фотограф –это наши глаза и отпечаток кадра в памяти (в голове). Светлая ему и вечная память! Так рано ушел. Ещё многое было не дописано. Что такое 72 года? Да ничего.

Его отличала скромность! Не помню, чтобы где-то он выпячивался, куда-то лез, навязывал свои идеи.

В.А. ХОРЕВ, начальник МКУ «Управление культуры администрации муниципального образования «Карсунский район», Заслуженный работник культуры Ульяновской области

УВАЖАЛ И ЛЮБИЛ ЛЮДЕЙ

С Михаилом Гершеновичем Матлиным мы познакомились много лет назад, когда он приезжал в наш район во главе

фольклорно-этнографических экспедиций, организованных специалистами областного Центра народной культуры и Ульяновского педуниверситета. Особое внимание было уделено изучению своеобразия бытования внеобрядовой лирики в наших селах, где еще сохранялись традиции казачьей исполнительской манеры (Сухой Карсун, Большое и Малое Станичное, Большая и Малая Кандарать, Потьма, Ермаки и др.).

Михаил Гершенович Матлин, доктор филологических наук, научный сотрудник Центра развития и сохранения фольклора собрал обширный материал села Сухой Карсун, где существовал живой гончарный промысел, им были изучены традиции, на основе которых он формировался, общие технологические приемы, используемые гончарами села, и творческая манера отдельных мастеров. Благодаря его публикациям и материалам, гончарный промысел Карсунского района был включён в Федеральный реестр объектов нематериального культурного наследия народов России. Теперь и жители других регионов и стран смогут ознакомиться с информацией об этом из Единого государственного реестра объектов культурного наследия».

Михаил Гершенович восхищался удивительной красотой русской природы всех наших сел, а низины и горы села Урено-Карлинское он выделял особо. Его восхищали жители села, их особая красота и глубина мысли. Они с легкостью отдавали ему свои знания, делились воспоминаниями традиций и обрядов веками хранимых и передаваемых из поколения в поколение. «Они настоящий кладёзь всего самого русского, истинного, настоящего, чем богата наша русская земля, чем богата память народа, тем и ценна». Это увидел и записал в своих заметках и статьях М.Г. Матлин. Имея богатый опыт общения с людьми, М.Г. просто мог беседовать на любые темы, располагая к себе сразу безо всяких подходов, благодаря своей открытости, доброты и особого уважения к людям.

Фольклорно-этнографическая экспедиция в с. Урено-Карлинское Карсунского района куратором которой был Матлин Михаил Гершенович, собрала обширный материал «Традиция русского кулачного боя на Масленицу». Здесь была использована форма реконструкции: «Когда мы сталкиваемся с таким примером традиции, которой сегодня не существует, но пре-

красно помнится людьми, то мы просим это разыграть, показать. Таким образом, нам жители села – знатоки традиции кулачного боя – Н.М. Воронков, В.А. Круглов, А.Н. Лебедев и житель села Теньковка П.Е. Лысов продемонстрировали виды ударов, которые использовались в «кулачках».

М.Г. Матлин не просто собирал народные традиции, а будто оживлял их. Его энергии хватало на всех. Он был инициатором проведения мастер-класса, в рамках которого состоялась встреча с под руководством знатоков кулачного боя участники молодежных артелей «Буза» из Ульяновска, Самары, Ставрополя, члены молодежного фольклорного коллектива «Отрада» осваивали традиции стеношного масленичного кулачного боя. В течение двух часов на широкой дороге (реальное место, где традиционно собирались на кулачный бой на Масленицу в этом селе) «дрались стенка на стенку», возрождая давнюю традицию, к участникам мастер класса присоединились многие жители села

По итогам мастер-класса было принято решение сделать его традиционным ежегодным масленичным событием на базе Урено-Карлинского СДК, придав «кулачкам» из села Урено-Карлинское широкую огласку не только среди жителей окрестных сел и деревень, но и привлечь к этой традиции всех интересующихся народной традиционной культурой.

Был снят документальный фильм о восстановлении кулачных боев на Руси, в него вошла традиция села Урено-Карлинское.

Традиционным знаковым событием культуры Карсунского района стало ежегодное открытие Масленичной недели, на празднике воплощаются в жизнь записанные и возрожденные с Матлиным М.Г. традиции и обряды данной местности. Посмотреть и принять участие в одном из важных блоков праздника представление «кулачных боев» съезжаются со всей округи.

Михаил Гершенович был очень добрым, порядочным, интеллигентным человеком.

В настоящее время таких людей очень мало, он был настоящим патриотом своей Родины, беззаветно уважал и любил людей.

А.А. ХОРЕВА, Заслуженный работник культуры Ульяновской области

МЫ БЫЛИ ЗНАКОМЫ ДАВНО

Много лет назад, когда я была заведующей организационно-методическим отделом Карсунского РДК, нам пришлось положение об областном конкурсе имени Д.Н. Садовникова. В открытом конкурсе приглашали принять участие всех желающих. Одно из главных требований-использование только местного материала. Участники могли представить легенды, предания, сказки, заговоры, пословицы, поверья, загадки, историю сел и версии возникновения названий улиц, рек, родников, гор, оврагов, часовен. Также будут приниматься рассказы о необычных людях села, о приобретении ими необычного дара, случаи, происходившие с ними (чудесные исцеления, предсказания), семейные легенды и предания. Будут интересны записи обрядового фольклора: народных гуляний, трудовых обычаев, свадебных и поминальных обрядов, праздников. Жюри рассмотрит и записи музыкально-песенного фольклора: календарно-обрядовые, хороводно-плясовые, протяжные, свадебные песни, духовные стихи, причитания, частушки, произведения детского музыкально-песенного фольклора, наигрыши на различных музыкальных инструментах. Работники культуры нашего района собрали некоторые материалы, а я отправила их на конкурс. Нас пригласили на подведение итогов. Выступал Михаил Гершенович Матлин, который с упоением рассказывал о находках конкурса, изюминках присланного материала, об ошибках и недостатках представленного материала. Слушать его было бесконечно интересно, он располагал своим профессионализмом и увлеченностью. К следующим конкурсам мы готовились уже более основательно. Конечно, впоследствии Михаил Гершенович неоднократно приезжал к нам в район. Это был прекрасный собеседник, высокий профессионал и удивительный человек.

СОТРУДНИКИ КУЗОВАТОВСКОГО РАЙОННОГО ДОМА КУЛЬТУРЫ

КАЖДОЕ СЛОВО ЗАПОМИНАЛОСЬ

С Михаилом Гершеновичем мы познакомились заочно в 2013 году, когда готовились к фестивалю-конкурсу «Свадьба в Обломовке». Для нас это было веселое время, когда во время репетиций мы шутили, разыгрывая сюжет нашей кузоватовской свадьбы. Ведь мы привыкли, что свадьба – это смех и веселье. Каково же было наше удивление, когда, получая телефонную консультацию от Михаила Гершеновича, мы поняли, что исконно свадьба – это драма, прежде всего для невесты и ее семьи. Свадьбу сравнивали с похоронами. Ведь девушка умирала для прежней девичьей жизни в доме родителей и переходила в иной мир – в чужой дом. Михаил Гершенович смог увлечь нас, стали изучать свадебные традиции нашего района. Также он давал нам ценные советы по итогам самого фестиваля-конкурса. Он делал замечания корректно и точно. Так, что каждое слово запоминалось.

Позднее он приезжал в Кузоватовский район на латышский праздник Лиго. С интересом расспрашивал нас о местных традициях, ведь этот праздник отмечается только в Кузоватовском районе. Нас восторгало его неутомимое желание познания нового. Человек, влюбленный в фольклор, самобытность, традиции – это все о Михаиле Гершеновиче Матлине.

ТОГАЕВ ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ, директор
Муниципального бюджетного учреждения Кузоватовская
детская школа искусств.

ПОДВИЖНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

До встречи с Матлиным Михаилом Гершеновичем, я много слышал о его подвижнической деятельности по сбору и ситематизации фольклора Ульяновской области и Поволжья. 16 мая 2019 года в Кузоватовском районном доме культуры

прошла интересная творческая лаборатория для работников культуры Ульяновской области «Домовая резьба Кузоватовского района», которую организовал Центр развития и сохранения фольклора ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области». Творческой лабораторией руководил Матлин Михаил Гершенович. В рамках лаборатории Михаил Гершенович познакомил с основными типами домовой резьбы Ульяновской области, технологическими особенностями её изготовления, был продемонстрирован этнографический фильм «Тагайские окна».

Участникам лаборатории, на основе полученных знаний, было предложено выполнить самостоятельную работу по составлению электронного фотоальбома, презентации о домовой резьбе, видеофильма о резьбе или мастере, описание домовой резьбы своего населенного пункта. Лаборатория прошла интересно. Участники благодарили Михаила Гершеновича за профессионально проведенное мероприятие и полученные знания.

В августе 2019 года Михаил Гершенович приезжал в р.п. Кузоватово, и мы с ним ездили в ближайшие села Кузоватовского района, где фотографировали уникальные образцы домовой резьбы. Он не только фотографировал, но брал интервью у старожилов сел, снимали фильм о мастерах.

Последнее письмо от Михаила Гершеновича было датировано 19 сентября 2019 года:

«Добрый день, Владислав Александрович!

Вот ссылка на ваши фотографии, которые перевел в другой формат и чуть-чуть подправил.

Как только разгребу свои дела, то сделаю классификацию и попробую описать Баевку в качестве объекта нематериального наследия.

До свидания!

М.Г.»

После мы неоднократно встречались, строили планы на дальнейшие экспедиции по нашему району. Но, увы, потом ковид и другие обстоятельства, помешавшие планам.

Уход Михаила Гершеновича из жизни стал тяжёлой утратой для всех, знавших его.

Михаил Гершенович Матлин – выдающийся ученый, педагог, наставник и патриот своей Родины.

Кебыба Т.А.
- для редакций

Ректору Ульяновского государственного
педагогического университета им. И.Н. Ульянова
И.О. Петрищеву

Уважаемый Игорь Олегович!

Сотрудники отдела фольклора Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук выражают глубокое соболезнование в связи с кончиной доктора филологических наук, доцента кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова **Михаила Гершеновича Матлина**.

Михаил Гершенович был замечательным, высокопрофессиональным, увлеченным фольклористом. Мы тесно сотрудничали с ним на протяжении многих лет, в диссертационном совете нашего института он защитил свою докторскую диссертацию.

Михаил Гершенович был не только нашим коллегой, но и другом. Мы будем помнить его как талантливого ученого, отдавшего науке все свои силы, и как доброго, отзывчивого человека.

Скорбим вместе с вами! Светлая память!

Зав. отделом, д.фил.н. В.Л. Кляус
Сотрудники: чл.-корр. РАН А.Л. Топорков,
д.фил.н. А.И. Алиева, д.фил.н. С.П. Сорокина,
д.фил.н. Т.В. Говенько, д.фил.н. Е.А. Самоделова,
д.фил.н. А.Н. Биткеева, д.ф.н. Х.В. Туркаев
к.фил.н. Е.В. Миненок, к.фил.н. С.С. Макаров,
с.н.с. Л.П. Махова

*Текст соболезнования Отдела фольклора
Института мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук*

АННА КАРВАЛЕЙРУ, директор художественного музея

СТУДЕНТЫ БЫЛИ ДЛЯ НЕГО СЕМЬЕЙ

Михаил Гершенович занимался настоящей наукой, продолжал дело Маины Павловны Чередниковой. Надеюсь, что с ним не будет утрачена часть исследований, и дело продолжат ученики. Я очень сожалею... Это был очень жизнерадостный человек, никогда не утрачивал позитивного взгляда на жизнь и мир. Любил своих студентов, они были для него настоящей семьёй. Он до последнего собирал студентов за чаем, поддерживал связь со всеми. Это маститый учёный, его докторская диссертация признана одной из лучших в России. Выражая соболезнования родным, близким, это настоящая потеря.

(https://73online.ru/r/bolshaya_poterya_dlya_nauchnogo_soo_bshestva_umer_professor_mihail_matlin-131686)

ОЛЬГА ШЕЙПАК

БЕСЦЕННЫЙ ВКЛАД

Авторитет Михаила Матлина у всей ульяновской общности был высочайший. Какая бы дискуссия ни развернулась на губернаторском заседании или собрании, последнее слово оставалось не за чиновниками, а за профессором Матлиным. Михаил Григорьевич спокойно, тихо, но уверенно и аргументированно высказывал своё мнение, и оно ставило точку в споре.

Поскольку я не училась в Ульяновском педагогическом институте и никогда там не работала, моё общение с Михаилом Григорьевичем ограничивалось подобными собраниями, и я могла судить о нём по его выступлениям на массовых мероприятиях. Но настал момент, когда мы оказались в комиссии по присуждению Гончаровской премии, и здесь я наблюдала за Матлиным в деле. На международный литературный кон-

курс приходило и приходит очень много заявок, член жюри должен за месяц прочесть 40–50 повестей и романов. Меня всегда поражало, как Михаил Григорьевич в своём очень плотном рабочем графике находит время на чтение. Москвичи, например, не переутомлялись: голосовали за тех писателей, кого знали. Михаил Григорьевич всегда приходил подготовленный. Раскладывал на столе многочисленные черновики и выписки с рецензиями. Обстоятельно, по-профессорски, делал литературоведческий анализ произведения конкурсанта. Признаться, я ставила баллы, опираясь на свой читательский опыт и эмоциональный отклик, но каждый раз радовалась совпадению наших с Матлиным оценок. Он любил, знал современную литературу и верил в её будущее.

И всё-таки главное, что оставил нам в наследство Михаил Матлин, – это собрание русского фольклора.

С первых дней существования «Мономаха» Михаил Григорьевич включился в работу по подготовке выпусков и начал серию публикаций, основанных на фольклоре, собранном в экспедициях по Ульяновской области. Тогда, в начале 1990-х годов, собирание фольклора было привычным делом, студенты педагогического института во главе с Михаилом Григорьевичем Матлиным и Маиной Павловной Чередниковой, согласно программе, ездили в экспедиции в сёла региона. И, признаться, мы не видели в публикациях, посвящённых народным традициям, ничего особенного.

Многое изменилось в стране за прошедшие 30 лет. Разговоры об идентичности оставались пустыми разговорами. Если малые народы России умело и настойчиво сохраняли свои традиции, то русские люди очень быстро пристрастились к англоязычным песням, к европейской культуре, а всё, что связано с родовыми нитями и истоками, постарались вычеркнуть из памяти, как нечто постыдное и тёмное...

А теперь перелистаем страницы «Мономаха» за 1995–1996 годы, подготовленные Матлиным. Русские обряды. Сколько в них света, тепла, добра! Михаил Григорьевич передал все этапы обряда венчания. Тут вам не езда в лимузине, украшенном куклой и лентами, а самая настоящая жизнь – с песнями, шутками и прибаутками, розыгрышами, безудерж-

ным народным весельем и плачем-прощанием с беззаботным девичеством.

Хочется читать и перечитывать, напиться солью и сладостью русской души.

Пришло время по достоинству оценить то, что было сделано Михаилом Матлиным. Не только потому, что это огромный, длительный, тяжёлый труд, но, прежде всего, потому, что это труд бесценный и своевременный! Давно ушли из жизни те старушки, хранительницы русских традиций, истории и культуры, которых записывал Михаил Григорьевич. Опустели сёла, и в домах, где наряжали под венец юных дев и провожали в армию добрых молодцев, где раздавались протяжные русские песни и исполнялись задорные частушки, гуляет циничный ветер...

Как хочется сказать сегодня, обратившись к учёному: «Спасибо нижайшее, Михаил Григорьевич, что вы сберегли и передали новым поколениям самое ценное, что было в наших деревнях...» Не услышит? Услышит, если сбережём его наследие. И ответит с небес, потому что и там продолжает творить.

ЕЛЕНА КУВШИННИКОВА, главный редактор литературного журнала «Симбирск»

СОКРОВЕННАЯ ПЕСНЯ СЕРДЦА

Михаил Гершенович Матлин, фольклорист, этнограф, литературовед, педагог, поэт. Любимый преподаватель многих студентов филологического факультета Ульяновского педагогического университета.

С Михаилом Григорьевичем мы встречались, участвуя в общественной работе, на заседаниях Совета по книгоизданию, на совещаниях комиссии по присуждению премии им. Н.Н. Благова. Михаил Матлин всегда принципиально выражал свое мнение, его суждения были точны и обоснованны. И, думает-

ся, теперь нам будет не хватать его участия, его твердой позиции, его голоса.

Михаил Григорьевич сотрудничал с журналом «Симбирск». На страницах журнала в разные годы были опубликованы статьи Михаила Матлина об Аполлоне Коринфском, Абраме Новопольцеве, о конкурсе фольклора им. Д.Н. Садовникова. В 2015 году Михаил Матлин выступил с докладом на открытии Года литературы, позже его «Слово о литературе» было опубликовано в журнале «Симбирск» №2-2015. Протируем отрывок:

«...Человек – это прежде всего духовное существо, для которого необходимы не только еда и вода, земля и воздух, свет и тьма, но и устремленность ЗА это, СКВОЗЬ это. Правда и красота, вера и любовь – вот что ищет он вокруг себя и в себе, а, находя, радуется, ибо это радость встречи с самим собой. Литература, а особенно Великая литература, каковой и была, и остается русская классическая, и нужна человеку, чтобы помогать ему не терять себя. Ведь именно она открывает и утверждает, что при всем несовершенстве мира, в котором мы живем, при всей неполноте нашей человеческой природы Красота и Добро, Правда и Любовь также реальны и неизбежны, как Страдание и Боль, Зло и Ложь. Борьба между ними – это не сражение богов или титанов, это битва человека с самим собой и за себя. Исход ее не предопределен и не предначертан, ибо он зависит от свободной воли человека, от его выбора – творить Добро или Зло, искать Правду или упиваться Ложью. Литература, и особенно русская классическая, – прежде всего об этом.

Но в то же время она полна чистой и страстной веры в человека, в его способность понять и найти себя.»

Несколько раз Михаил Григорьевич приглашал меня в педуниверситет выступить перед студентами. Запомнился один наш разговор на лестнице, после одной такой встречи. Надо сказать, я много лет следила за публикациями в «толстых» журналах, читала в первую очередь раздел «Поэзия». И Михаил Григорьевич был проницательным читателем, пре-

красно ориентировался в современной литературе, тоже постоянно читал «толстые» журналы. И в этом давнем нашем разговоре я упомянула публикацию Ольги Ермолаевой «Письма к пресвитеру» как одну из лучших в том году. Сказала, что по итогам года лауреатом «Нового мира» стал Бахыт Кенжеев, достойный поэт. Но подборка Ольги Ермолаевой была, по моему мнению, не менее яркой. К моей радости, тогда, Михаил Григорьевич, сразу отозвался, сказал, что читал, конечно (!) Ольгу Ермолаеву, был согласен, что подборка стихов замечательная. Мы еще поговорили о новых именах. Помню, я уходила, вдохновленная разговором «о поэтах и поэзии» и Михаилом Григорьевичем как собеседником (как он много читает, знает, зорко видит лучшее!) Вот ушел человек, а я в деталях вспоминаю тот давний разговор на лестнице. «Нам не дано предугадать...»

Всем в нашем культурном пространстве Михаил Матлин был известен как педагог, фольклорист, литературовед, этнограф. И только после его ухода мы открываем Михаила Матлина как поэта. Спасибо Светлане Ивановне Матлиной и замечательной дочери Анисии за изданную книгу его стихов.

Я читала сборник Михаила Матлина медленно, останавливаясь на отдельных стихах, возвращаясь к началу. Сборник назван «Снится поле». Ясные яркие строки, как утренняя песня:

*...Сокровенна песня сердца
Для любого человека,
Всем родимая от века,
Болью-радостью бессмертна.*

*И вела, звеня чудесно,
В голубое, золотое,
То, где птица в поднебесье
И дорога в чисто поле.*

И есть такие пронзительные строки, что перехватывает горло.

*Месяц, как улетели грачи.
В голых ветках небо пустое.
Воздух чист, но немного горчит,
На листве и железе настоян.*

*Бродит кошка по черной тропе.
В церкви поп отпевает старуху.
Одиноко летит воробей
На границе и зренья и слуха.*

*Что меня затащило сюда,
Где уже никого не хоронят,
Где над братом из жести звезда
И трава, что с оградой вровень?*

*Почему с каждой болью сильнее
Тянет разум и душу к могилам?
Жаль, что бабушка Женя в земле.
Она знала... Она говорила...*

Эхом остается: «На границе и зренья, и слуха...»

Или строки:

*...Щемяще песня русская звучит
о счастье, о любви и о разлуке,
как будто мама, взяв меня на руки,
баюкая, несет в сырой ночи.*

И хочется цитировать еще...

Действительно, сборник стихов Михаила Матлина – это «сокровенная песня сердца». Спасибо за то, что мы смогли ее услышать!

В литературной гостинной журнала «Симбирскъ» на «Ул-правдаТВ» мы записали программу, посвященную Михаилу

Григорьевичу Матлину, выступали его ученики, ульяновские писатели Андрей Цухлов и Евгений Сафронов. (Передачу можно увидеть на сайте «Улправда»).

В журнале «Симбирскъ» №3 – 2024 год опубликована большая подборка стихов Михаила Матлина. На обложке номера его стихотворение:

Родина

*Здесь ветер поет в волосах
протяжную русскую песню,
здесь перепел в мокрых овсах
зовет умереть и воскреснуть,
здесь после ненастного дня
лазурным и кротким сияньем
закат осеняет меня
и благословляет молчаньем.*

ОРЛОВА НЕЛЛИ АЛЕКСАНДРОВНА,

Заслуженный работник культуры Ульяновской области

«ХРАНИТЕЛЬ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ...»

Первое моё знакомство с Михаилом Григорьевичем состоялось в январе 2014 года, когда по приглашению директора ОГБУК ЦНК Лаковской Е.Н. я возглавила Центр развития и сохранения фольклора. В то время Центр фольклора находился, можно сказать, практически на нулевом или начальном этапе. Он был преемником Областной Школы народной традиционной культуры, которую в 2012 году преобразовали. Да, остались студии декоративно-прикладного творчества, два фольклорных музыкальных коллектива «Веретено» и «Ладанка», даже прошли две фольклорные экспедиции, но документально работой по фольклору занимались только два человека, Владимирова Татьяна и Матлин Михаил Григорьевич. Они настолько были погружены в

эту работу, что казалось, понимали друг друга с полувзгляда, без слов, были, как говорится, «на одной волне». В кабинет стремительной походкой вбегал человек с бородкой, быстро здоровался и сразу подсаживался к Тане, там за компьютером, они уже обсуждали свои вопросы, что-то записывали, скачивали файлы и, пообщавшись, Михаил Григорьевич также стремительно убегал дальше по делам и в свой педуниверситет. Иногда я ловила его внимательный взгляд, особенно когда задавала какой-то вопрос, наверное, он присматривался ко мне, слушал и по-своему изучал, как человека, нового руководителя для Центра. Тактичность, требовательность к себе (в первую очередь), умение убеждать и отстаивать свою точку зрения, умение слушать, слышать и получать положительные эмоции от успехов коллег, студентов – это небольшая часть ценных качеств, которыми обладал Михаил Григорьевич. Наверное, поэтому и сложилась у нас с ним команда, дружеские и человеческие отношения на долгие десять лет совместной работы. Я всегда знала, что можно на него рассчитывать, он поддержит и словом, и советом, и связями, если это нужно. И он знал, что на меня можно положиться. Последние где-то три года пришлось очень туго, кто-то был в декрете, но по возможности помогал, кто-то вышел замуж и уехал, и мы, по сути остались вдвоём с ним, в мероприятиях Международного и Всероссийского уровня от 2 до 4-5 в год! Мы справились. Я благодарна, в первую очередь Матлину М.Г., очень благодарна Владимировой Т.Ю. и Фадеевой Е.А., которые также очень тесно все эти годы работали со мной и Михаилом Григорьевичем. Владимирова Таня ездила с ним в ежегодные экспедиции, вела весь архив по ним, была соавтором вместе с Матлиным М.Г. многих сборников «Симбирцитовой шкатулки» и нашего альманаха по традиционной русской культуре Поволжья, многих других сборников. Фадеева Катя решала многие организационные вопросы, готовила письма, документы, площадки для наших мероприятий и вела их. Именно Михаил Григорьевич был инициатором и главным разработчиком Положений по конкурсам, фестивалям, разработчиком всех нормативных документов, в том числе по созданию Совета по отбору в региональный реестр объектов нематериального культурного наследия. Именно он был инициатором проведения в с.Урено-Карлинское Карсунского района ре-

конструкции кулачных боёв накануне масленичной недели, и мы четыре года подряд проводили большой уличный праздник с концертами, играми, народными забавами, кулачными боями «стенка на стенку», блинами и катаниями на санях! Центральное телевидение снимало и давало это в эфир. Эту традицию район до сих пор поддерживает.

Михаил Григорьевич! Я была рада и счастлива, когда смогла добиться присвоения Вам звания «Заслуженный работник культуры Ульяновской области»! Вы заслуживали намного большего, но скромность – это тоже черта вашего характера. На одно из моих последних поздравлений с днём рождения, Михаил Григорьевич написал – «Спасибо за душевные слова, дорогая Нелли Александровна! Я начинаю лучевую терапию, продлится до середины октября. Надеюсь, что после неё вернусь к нормальной жизни. Есть планы, желания, задумки. Будет здоровье – будем делать. И вам здоровья и успехов в нелёгком и очень нужном деле!»

Сегодня я вновь обращаюсь к коллеге и другу... «Дорогой Михаил Григорьевич, я благодарна жизни, богу и судьбе, что он подарил эти 10 лет совместной работы с Вами. Многому училась у Вас, узнавала и Вы всегда меня поддерживали во всём! Вы помогли мне понять и погрузиться в фольклорный калейдоскоп всевозможных событий. И, поверьте, многому я у вас научилась. Сожалею только об одном, почему эта встреча не произошла раньше, почему огромный труд никогда никем не представлялся и не заявлялся нигде... Увы... Как говорит классик, большое видится на расстоянии... И всё же мы с Вами немало сделали для фольклорного движения в Ульяновской области! Спасибо вам за фестивали, конкурсы, экспедиции и творческие лаборатории, которые мы делали вместе... Обязательно пусть будут новые экспедиционные находки и всё, что вы делали на протяжении всей жизни, обязательно будет востребовано и имеет последователей. Больше не осталось фольклориста, этнографа, учёного с большой буквы такого уровня! Область и фольклорное сообщество потеряли мощную основу, одного из основателей фольклорного движения в области...»

В одном из своих постов Михаил Григорьевич опубликовал вот эти строки:

* * *

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

Я давно уже ангел, наверно,
Потому что, печалью томим,
Не прошу, чтоб меня легковерно
От земли, что так выглядит скверно,
Шестикрылый унёс серафим.

В. Соколов

* * *

На мой вопрос «Что случилось у вас?», он ответил «всё хорошо... просто понравилось стихотворение...» У него была располагающая добрая, тёплая улыбка... Очень будет не хватать вас... Вы навсегда остаётесь в моём сердце и памяти...

ВЛАДИМИРОВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА, Заведующий Центром развития и сохранения фольклора ОГБУК Центр народной культуры Ульяновской области

С Михаилом Григорьевичем мы познакомились в октябре 2012 года. Он мне представился именно таким отчеством, это уже позже я узнала, что МГ оказывается Гершенович. Сам момент нашего знакомства я смутно помню конечно. Постепенно мы наладили налаживать работу в только что сформировавшемся Центре фольклора.

По образованию я музыковед, причём основу моего обучения составляла классическая профессиональная музыка. О работе в регионе с фольклорным материалом я представляла смутно, на моей кафедре в университете уделяли этому моменту мало времени. Но МГ всё больше и глубже посвящал меня в эту сферу деятельности. И как-то всё это получалось у него гармонично,

грамотно, чувствовался его огромный опыт педагогической деятельности. Сколько у нас было совместно придуманных проектов! Конечно, не все они реализовались, но большая их часть получилась благодаря упорству и трудолюбию МГ.

Мы виделись с МГ почти каждый день на работе. Он часто забегал решить и обсудить какие-то рабочие вопросы. И вот так как-то со временем стали разговаривать не только на рабочие темы. Помню как-то мы поехали зимой в Базарный Сызган обсуждать предстоящую экспедицию по району. И вот разговаривались о семье (тема зашла потому, что мы недавно поссорились с мужем). МГ сказал мне тогда, что для женщины самое важное в жизни это семья. Ни работа, ни карьера, ни финансовое благополучие не заменит женщине материнство. Много разговаривали про дочку, МГ переживал за нее, за ее учёбу, за личную жизнь. Вообще о своей дочери он мне часто говорил, и всегда с такой любовью, это очень чувствовалось в его голосе. А как он радовался, когда Ниса собралась замуж!

Помню, как мы поехали вместе в первую экспедицию в 2013 году в Радищевский район. Для меня эта была в жизни экспедиция. Эта определенная незабываемая атмосфера полевой работы оставила самые тёплые воспоминания. Все участники экспедиции были взрослые люди, специалисты в области народной традиционной культуры. МГ говорил, что с таким составом работать намного легче, чем с толпой студентов, с которыми он ни раз уже ездил. Как-то вечером мы сели ужинать. Немного решили выпить. МГ сказал всем, что мы с Таней будем только коньяк, так как у нас обоих пониженное давление. И так было всегда, когда мы ездили куда-то вместе по работе, МГ заботливо переживал о нашем с ним давлении. В некоторые наши экспедиции он разрешал приезжать даже моему мужу на пару дней, хотя всем остальным не было таких привилегий. Кто-то из коллег наверняка немного злился на меня из-за такого особенного отношения ко мне. Но слова МГ были как закон, никто не позволял себе спорить или что-то доказывать. Все его очень уважали. МГ всегда четко ставил перед нами задачи, органично и грамотно организовывал работу в коллективе. И вообще его энергия и трудолюбие всегда заряжали присутствующих уверенностью и стремлением к достижению своих целей.

В конце 2013 года я ушла в декрет. Очень ясно запомнился звонок МГ вечером 31 декабря. Мы пошли немного прогуляться с мужем, погода ещё такая дождливая была, совсем не зимняя. И вот звонок. Такие хорошие и добрые слова он мне тогда сказал... его слова о важности семьи и детей в жизни женщины помню до сих пор. Так стало приятно и тепло на душе от этого звонка. МГ всегда по-отечески можно сказать относился ко мне, поддерживал, мог дать дельный и мудрый совет.

Спустя какое-то время в Центр пришла работать Нелли Александровна, затем ее дочка Катя. Так у нас и сформировалась дружная команда. Вместе радовались успехам, переживали какие-то досады и неприятные рабочие моменты. Мы правда очень ценили друг друга, работалось нам всем вместе легко. Без тени сомнения скажу, что курс работы Центра, по которому мы движемся до сих пор, задали именно мы, а роль в этом МГ просто огромна и неоценима. Кем я сейчас являюсь, чего достигла, чему научилась – это заслуга МГ, человека, который никогда не отказал мне в помощи, поддержке, который делился со мной своими профессиональными знаниями и жизненным опытом. Очень его не хватает...

СВЕТЛАНА МАТЛИНА

Отрывок из повести «Идущий под небом и птицей»

Знакомство

– Девушка, можно вас подвезти?

Она оглянулась. Перед ней встал догнавший ее с поезда парень. Он улыбался.

– Мы, кажется, в одном вагоне с вами ехали?

– Так и есть. – Мы с братом стояли у окна в тамбуре, а вас народ задвинул аж к двери напротив. Он снова улыбнулся. Но я вас разглядел.

– Ничего не поделаешь, – она рассмеялась, – утренний пригородный поезд, да еще в понедельник. Всем на работу. Или как мне на учебу.

Само собой, девушка была рада предложению подвезти. Парень подозвал поджидавшее на привокзальной площади такси.

– Вам куда?

– К пединституту. Опаздываю на занятие. Я на первом курсе всего лишь, у нас в группе есть кандидаты. Вечная угроза. Могут отчислить, а кандидата взять на твоё место.

В такси они и познакомились. Её звали Светлана, его Михаил. Для того, чтобы показаться повзрослее, она набавила себе лишних два года. (По-настоящему он оказался старше её на год.) Он сказал, что недавно демобилизовался из армии и устроился в мемцентр сантехником, сутки дежуришь, трое суток дома. Удобно готовиться к экзаменам. Хочет поступать в этом году в какой-нибудь вуз, пока не определился куда.

– А вы на каком факультете?

– Русский и литература.

– И я, пожалуй, пойду на гуманитарный. В политехническом в Ленинграде два года отучился и бросил. Не мое.

Она была уверена, что больше они не встретятся. Легко простилась и исчезла за дверями института.

Каково же было её удивление, когда он окликнул её среди выходящих после занятий студентов!

– Миша?

Он бросился к ней.

– Я тут тебя караулю три дня! Не успел тогда спросить, где живёшь.

– Бедняжка! Тут я и живу. На Карюкина, в общежитии.

Она была все в том же розовом берете, лихо заломленном на светлых волосах и в легкой курточке, несмотря на зимний холод. Он снял с себя теплую куртку и надел ей на плечи.

– Да тут добежать-то десять шагов! Надень!

Но он так и проводил её до общежития в одном свитере. Вечером пришел к ней в гости.

И уходя, пригласил на завтра в кафе Молодежное, куда по вечерам было не пробиться. Заказывали столики заранее, и важный швейцар не пропускал напиравшую толпу с улицы. – Мест нет! Оно открылось недавно вместе с рестораном Венец и высотной гостиницей с тем же названием. Целый комплекс.

Времена были воодушевленные всесоюзной стройкой: мем-центр, новое здание пединститута, авиастар. Понаехало задорной и открыленной перспективами молодежи.

К тому же соединили Димитровградский (Мелекесский) учительский институт с Ульяновским педвузом, а студентов в ожидании намечающегося строительства настоящего общежития временно поселили в бывшем старом здании вуза в аудиториях. В такой вот на втором этаже жила Светлана вместе со студентками из димитровграда с разных курсов и факультетов. И было в аудитории ни много ни мало 28 человек, как в казарме. Царила веселая неразбериха.

Субботка, кандидатка с математического, первокурсница и сирота, маленькая и кругленькая, испуганно таращила глаза на гостя, пока тот сосредоточенно пил предложенный чай с вареньем. Он казался слишком серьезным и строгим.

–Того и гляди двойку поставит! Не встречайся с ним, – сказала потом она, – я его боюсь.

– Да ну тебя, Субботка! он добрейший! И никаких двоек, работает сантехником. Он так держится, потому что стесняется. Вас же, девушек, 28 человек тут обитает, в нашей бывшей аудитории, а он один! – рассмеялась Светлана.

Всем другим Михаил понравился. – Красивый! Глаза сияние, волосы черные с отливом, густые, высокий, стройный.

К шести назначенным часам девчонки соорудили ей высокую прическу в локонах, типа «баббетта идет на войну», навели косметику, нарядили, подобрали лодочки на гвоздиках – как-никак идет на свидание! И побледневшая от волнения героиня дня побрела, спотыкаясь, в кафе, благо недалеко.

За столиком их сидело четверо: двоюродный брат Михаила Саша с приглашенной подружкой и сам Миша со Светланой. Она стыдилась своего наряда и прически, что так расфуфырилась по сравнению с девушкой: та была в какой-то невзрачной блузке и обычной черной юбке. Коротко стриженная и рыжая. И мордочка у нее была лисья и без косметики, и мелкая фигурой и ростом. Некомпанейская. И высокого о себе мнения.

Видно было что они давно с Сашей знакомы, хотя тот приехал из Волгограда на несколько дней и в поезд пригородный они с Мишей забрались, чтоб в лесу покататься на лыжах.

В самом деле с ними были прислоненные к окну лыжи – вспомнила Светлана.

Выпили шампанского за знакомство, потанцевали. Михаил проводил девушку в общагу.

Он стал приходить к ней каждый вечер. И читал у широкого окна ей лекции то об одном, то о другом писателе.

*

Они забежали на Гончаровке в кафе от внезапно хлынувшего дождя. В уютном зальчике кроме них не было никого. Он заказал сухого вина, кофе и мороженого. Капли дождя барабанили по окну, улица плыла под разноцветными зонтами прохожих, как будто внезапно раскрылись над их головами гигантские маки. Он сказал негромко: «Вот так бы и сидеть всю жизнь вдвоем... Выходи за меня замуж». И она ответила да.

Он выбрал ее раз и навсегда. Она его тоже.

Уже после свадьбы, когда они стали жить у его родителей на Среднем Венце, у них произошел разговор или спор, который показался ей интересным, она записала его в тетрадке и забыла. Но листок с еще со школьными аккуратными буквами удивительным образом сохранился, она наткнулась на него, когда разбирала его бумаги после его смерти. Прошло 52 года!

Спор

В комнате двое: он и она. Синие флаги окон. Он выпускает изо рта папиросный дым (ленинградцы курят «Беломор») и ловит кольца его на палец.

Он: «Я прочел твои стихи. В тебе что-то есть и потому мне тебя жалко».

Она: ?

Он: «Ты идешь от искусства. К жизни. А надо от жизни к искусству. Вот твоё стихотворение «Дьявол». Ты как ребенок путаешься в философии. Прекрасное есть жизнь в самом обычном ее проявлении: купить башмаки ребенку, поговорить, работа.

Она: «Но ведь возможно искусство питает нас. Мы смотрим на картину Рафаэля и и очищаемся ею».

Он: «Мы, простые рядовые, питаем искусство. Выдвигаем Паганини, Блока. Мы почва для цветов в вакууме. А ты женщина – сплошная абстракция».

Она: «Не надо».

Он: «У тебя больше чувства нежели мысли. Это тебя губит. Это не твоя вина. Это жизнь. Среди великих поэтов нет женщин. Не потому что женщины несут нагрузку материнства, семейную работу и остального груза супружеского сильно развитого голоса чувства. Вы – владычицы любви. Это ваше достоинство и ваши узы. Работай. Продолжай, если не бросишь писать. Талант и труд – две чаши в юности. Чаша таланта перетягивает. Затем останавливается трудом, и начинает перевешивать чаша труда».

Она: «Зря ты это».

Она молчит. Мысли его безупречны как пробирки или колбы с расфасованным лекарством. Она думает, черт возьми, пусть не я, но она. Но придет женщина столь талантливая в поэзии, что все поэты склонят голову перед нею.

А вот еще и пачка пожелтевших армейских писем к другу. Из Белоруссии, из Прибалтики. С треугольной печатью и указанием военной части. Скорее всего, их сохранил и потом вернул его друг.

–Привет, Серега! – писал новобранец.

Выдержка из письма:

«Посылаю тебе еще стихов. На этот раз не любимых Есенина, Блока, Ахматовой, а свои. Знаю, что они слабы, несовершенны. Но я написал, что думал, что хотел. Я вообще против отношения к поэзии, как к дистиллированному искусству ради искусства...»

Господи, какие мы были еще зеленые! Он радовался, что изобрел какой-то новый поэтический размер, свою матлинскую строфу, – вспомнила она, – это когда уже преподавал. Кажется, написал ею несколько стихотворений. Но я не помню... тогда коллеги отзывались о нем как о «без пяти минут профессоре», весь был в планах и поисках открытий.

Он оставил после себя немало загадок... Но ему не приходило в голову составить завещания... Реестр своих работ, раскиданных по компьютерам в набросках, как и стихов с прозой, и теперь мы распутываем ...

Она сидела и перебирала письма. Второе письмо. Третье... В них сквозило раскаянье, что бросил универ, столь престижный, в них он переживал за родителей, которые возлагали на него надежды, и много места уделялось размышлениям о будущем, о стихах, о жизни. Поэзия брала свое. В армии он написал целую книгу стихотворений, которая утрачена, разбросана в посланиях друзьям, и которые отыскать сейчас невозможно. Он размышлял так, что для 18-летнего парня было зрело и неожиданно. Есть проблема – есть решение. Чувствовались прагматичность и твердость характера, несмотря на колебания, свойственные его возрасту. Человек осени. Он и пришел на землю в сентябре.

Пришел готовым, минуя путь становления. С повышенным чувством ответственности за все. И ушел как сорванный бурей лист с ветки, сверкнув звездой на прощанье. Ее защитник. Ее рыцарь.

Почерк был угловатым, торопливым, как курица нацарапала лапой. Разбирала с трудом. Слова расплывались от ее слез. Она думала: «Больше я не боюсь смерти – после его смерти...»

Новая книга МИХАИЛА МАТЛИНА

СТИХИ И ПОЭМЫ

Автопортрет

Я технарь по мышлению и складу характера.

Заодно со средней школой закончил математическую. Учился в Ленинградском политехническом. Где-то в середине учебы во мне вдруг зазвучала музыка. Стали складываться слова. Я открыл для себя иной мир звуков, красок, музыки, новых мыслей и чувств, с которыми можно писать все, что хочешь. Я забросил занятия и вообще перестал ходить в институт. Я сменил свой обычный мир формул и расчетов на этот волшебный.

Мне не раз предлагали восстановиться. Но я уже стал поэтом. Моими чертежами стали стихи.

Это все она, госпожа Поэзия, это она проделала со мной такую штуку. Это ее проделки.

Автор

Посвящение М.М.

*Идущий под небом и птицей,
Поешь ты – и голос твой крепнет.
Стихи твои как псалмы,
Обращенные к богу
В окруженье холмов молчаливых.*

Светлана Матлина

*

Засыпала осень словами
О родине, доме, судьбе.
Засыпала осень дарами:
Стою по колено в листве.

Смотрю на труху золотую –
Такое в ней можно прочесть!
Но как ее речь на людскую
Осмелиться мне перевести?

Стою молодой, но не новый.
И что впереди там – бог весть.
Понять и принять все готовый,
И все от судьбы перенести.

Засыпала думами осень
О родине, доме, судьбе,
А листья уносятся в просинь...
При-слу-ши-ва-юсь к себе...

АВТОБУС

Автобус – гармошка разлуки –
Людьми ты наполнен и пылью.
Как рвешь ты дверями на звуки
Что песней внутри тебя было!

Заходит без спроса прохожий.
Выходят какие-то люди.
И слушать уже невозможно
Гремящую эту гармошку,
И даже забыть невозможно!

Проклясть бы тебя мне, но боже! –
С моею душою ведь то же!

*

Прогрохал по рельсам товарный,
Шлагбаум открыли во мгле.
Ну, двигай, мой старый товарищ,
Автобус с дождем на стекле.

О, сколько я дум передумал
Под пенье мотора без слов!
В мельканье залуженных улиц
И желтых окошек домов.

Проселки, погосты, поселки –
И я пролетаю сквозь жизнь
От чаши небесной осколком,
Пролившейся вдрызг.

Я грезящий пленник пространства...
Вдали, где село у реки,
Ждут меня бабушек сказки,
Где вымерли все мужики.

Я выйду, пройду бездорожьем
Один на осенней земле.
Мигнет огоньками тревожно
Автобус с дождем на стекле.

*

В эту осень, в эту осень
Обретает сердце крылья,
Отзываясь на гортанный,
Журавлиный милый клик.
На холме стою высоком,
Провожая сердцем стаи.
Я бы с ними, я бы с ними
Полетел бы от земли!
За моей спиной – город,
Там, где сын в кроватке дремлет,
А жена устало ходит
По пустой квартире...
Поздно.
А над Волгой – стаи, стаи...
Так призывно, так красиво!
На холме стою высоком.
За моей спиной – город.

ПРОДАВЕЦ ЛОТЕРЕЙНЫХ БИЛЕТОВ

Я встречаю его не часто.
Иногда в трамвае, иногда возле ЦУМа –
Там его рабочее место.
Я не знаю, что заставляет людей
Покупать билеты именно у него:
Он никогда не обещает выигрыша, никогда.
Правда, он продает билеты, как дарит надежду
На выигрыш.
Благообразный,
С седой аккуратною бородою,
В старомодном сером пальто,
Он вызывает улыбку у многих,
Но над ним никто не смеется, –
Только улыбка, очень сходная с той,
Что невольно срывается с губ,
Когда вдруг в домашнем альбоме
На глаза попадается нам
Фото свадебное деда и бабки...
Вот идет он опять мне навстречу
Через город вечерний,
Усталый и добрый,
Продавец лотерейных билетов.
Эх, ему бы шарманку и попугая!
Но нет, он – другой, да и время – другое:
За 30 копеек теперь покупают
Надежду на вещи, а не на счастье.

ЕДИНСТВО

Мне хорошо.
Я чувствую, как
Сам становлюсь спокойней, чище, тверже,
Встречаясь утром каждый день с людьми,
Творящими день завтрашний. Не просто
В размеренности будней, в судьбах тех,
Кто рядом по работе и по жизни.

Вдруг открывать, как будто бы прозрев,
Тот отблеск, отсвет вечного движенья
Народа, шагающего в завтра, разглядеть
В хаосе дней и в суете мгновений
Как входит в судьбы, в души жизнь страны.
Как происходит это отраженье,
Как человек от собственных тревог
Возносится до личности, до мыслей
О государстве. И когда
Вдруг прозреваешь сердцем ход событий,
Когда вдруг ощущаешь, что одним
Живешь дыханьем, помыслом, стремленьем,
Тогда лишь постигаешь счастья суть
Существованье обретает ясность
И глубины желаний, смысл и цель,
И жажда жизни опаляет губы!
Мне хорошо.
Я ощущаю, как
Сам становлюсь спокойней, чище, тверже,
Встречаясь утром каждый день с людьми,
Жизнь родины переломивших через
Раздумья и свершения свои.

УРОК ПЕНИЯ

Учитель был улыбчив и высок.
К баяну наклонив слегка висок,
Он пальцами по клавишам бродил,
Закрыв глаза, и песню выводил
Послушно и задорно третий класс,
Поглядывая искоса на нас.
О, как он пел! Как выносил слова!
Как он фальшивил! Как не уставал!
Нам так не спеть и не сфальшивить так!
Мы даже не сумеем – вот пустяк! –
Так руку-то взметнуть, чтобы сейчас
Петь у доски учитель вызвал нас!

9 МАЯ

Мать накроет на стол
И часа в три, голодные,
Мы молча сядем, грохоча стульями.
Как всегда, отец уберет свой рюкзак
И поставит алюминиевую кружку
Взамен солдатской, несохранившейся.
Тихо в комнате. Только водка
Булькает, да позванивает бутылка.
Всё. Теперь можно встать и выпить.
Осторожно поднимаю рюмку
И вижу глаза отца.
И мне сразу становится страшно.

ПРИЧИТАНИЕ

...потому что смерть:
немного соседок-пенсионеров
немного казенных машин
катафалк и еще меньше
музыки если хватит у родственников
денег на...

...потому что смерть:
окраина города морг за
тобою приедут дня через два если
найдется приехать на чем
ждать как и везде заняв
очередь за...

...потому что смерть:
тело выносят завернув в
старое одеяло друг и сосед
останавливаясь вероятно на
втором этаже заправить кисть
выпавшую из...

...потому что смерть:
наконец-то Большая Тоска
извергается в мир последней
судорогой тела похожей на
судорогу мужской плоти изливающей семя
жизни в женское лоно

*

Когда двенадцать лет тому назад
Погиб девятилетний младший брат
И первый гроб был вынесен у нас,
И чудом мама не сошла с ума,
До смерти буду помнить, как потом
Отец и мать, смутясь, слова с трудом,
Произнося, меня спросили вдруг,
Хочу ль еще я брата иль сестру? –
Я резко головой мотнул в ответ:
Туза о брате, прошептал я: нет.
Противный возраст! Глупые года!
О, если бы сейчас ответ мне дать!

СОН

Я вижу, как уходит брат
Пустынною дорогой.
Туда – один – в закат, в закат.
Еще немного –

И скроется его спина
Зв поворотом...
Печаль давнишняя одна
Все ждет чего-то.

И я бегу за ним во сне –
Не догоняю.
Лишь сердце-колокол во мне
Вовсю рыдает.

О, сколько лет я вижу сон,
Тот сон печальный!
О, сколько лет уходит он
Дорогой дальней!

И обернется вдруг на зов,
В потемках тая...
Блеснет мальчишеской слезой –
И ночь настанет.

*

Подыматься еще рано,
Чтоб за письменным столом
Мне склонится над листом
И расстаться с этим сном.
И упрусь горячим лбом
В тихом сумраке ночном
Я соседям спящим в стену.
До рассвета буду рьяно
Слушать я, как равномерно
Там, в их кухоньке, из крана
Каплет, впрочем, как всегда,
Позабывтая вода.

СУБЪЕКТИВНОЕ

И это только кажется
Что мир похож на гигантского осьминога
Чьи нежные щупальца
Обвивают наше хрупкое горло
Ибо я все никак не могу почувствовать
Тысячекратно воспетой сладости
Асфиксии

ЧЕРЕПАХА АХИЛЛА

Начни
От сотворения мира
От Адама и Евы
От Рождества Христова

Начни
От единицы
В алфавитном порядке
Слева направо
Снизу вверх

Начни
С рождения
С первой брачной ночи
С нового года
С понедельника
Сейчас

Начни

ПОВЕРХНОСТЬ МЕБИУСА

— если
— и?
— хотя бы
— но?
— ибо
— что?

— потому что
— или?
—
— или?
— потому что

– что?
– ибо
– но?
– хотя бы
– и?
– если

КАМНИ

Камень Петра
И
Камень Пушкина
И
Камень Мандельштама
И
Камень Самойлова
Дорога ведет к мертвым

КОШКА

Ты приснилась мне ночью,
Бегущей во тьму,
И глаза твои были печальны,
Когда ты обернулась на зов.

Но под яблонькой,
Где хоронил тебя днем,
Ты лежала,
Подогнув белоснежные лапки
И глаза твои были мертвы
И полны муравьев.

6.06.92

В ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ

И первое свиданье. В шесть. За домом.
(Что я одену?) Три сентябрьских дня
Знакомы мы. Пока что.
Но зато нам уже тринадцать!
(Боже! У меня нет туфель!)
Я до трех гонял футбол (костюм убит).
Но ровно в три влетаю в дом.
Я ничего не знаю: сегодня в шесть.
(Рубашка?!) И внутри вдруг что-то обрывается.
И больно.
Иду на казнь. И вдалеке она –
Легко. Непринужденно. Плавно. Вольно. Навстречу.
(О, как смотрят все на нас!) Всё невпопад.
Из булочной соседка выходит вдруг.
Я холодею. Мне невыносимо стыдно.
Грубо ветку с березы обрываю.
Наконец прощаемся. Она домой уходит.
Крадусь за ней в подъезд, чтоб услышать
Шаги и двери стук.
Потом в кустах колючих стою и на балкон смотрю.
Зажгли все фонари. Пора. Бреду.
А завтра, уже расставшись, вдруг наткнулся внезапно
На болтовню ее с другим. Взорвусь.
И подойду, и матом изругнусь.

29.08.77

*

Так гулко на душе и голо,
Как будто выгнали из школы
И мать к директору ведем.
Домой не хочется идти.
И вот по улице куда-то
Бреду мальчишкой виноватым.

Я снова сделал все не так,
Получудак, полудурак.
Недосмеялся, презлился,
В чужую женщину влюбился,
Молчал, мечтал – и объяснился,
Почти пощечины добился,
От боли что-то накричал
И убежал. И вот сейчас
Так гулко на душе и голо,
Как будто выгнали из школы.

АВГУСТ

1.

Уронит дуб звенящую листву
И тишина поселится в лесу.
Рябину возле дуба обовьет
И ягоды с ветвями оборвет.

2.

Сбивает август птичьи стаи,
Срывает с гнезд.
Уже ночами меньше стало
На небе звезд.

Уже ленивее у кошки
Глядят глаза.
Уже за луком, за картошкой
Все – на базар.

В толпе все чаще плащ да куртка
И на асфальт
Последним в темноте окурком
Летит звезда.

*

Звук ночного самолета
В мире августовской, плотной
Тьмы – протяжно-одинок
Ночь пронзит, как глас пророка.
Голос хриплый и усталый.
Только кто его устами
Возвещает: бог? Эпоха?
Пропадает, тает грохот...
Снова небо опустело.
Несть пророка в свете белом.

*

Первый нетающий снег
Вьется с утра надо мною.
Праздником пахнет, сосною,
Школою, первой любовью
И поцелуем – во сне!

Где-то синица свистит.
На остановке трамвая
Прыгает пес, улыбаясь.
Дыма струя голубая
Вкусно над крышей висит.

Хочется города, лиц,
Улицы шумной и звонкой,
Встречи со взглядом девчонки,
Брошенным мне из-под тонких,
Влажных и быстрых ресниц.

*

Поздний вечер. Зима.
Я вспомню дерево ночное –
Оно повисло невесомо,
Чуть прикасаясь к стенке дома,

А на снегу голубовато
Позавчерашнем и примятом
В квадрате света от окна
Сидела молчаливо кошка,
Мужчина проходил, старухи,
Незримые машины глухо
За домом дальним громыхали,
Шли женщины, укрыв мехами
Лицо и горло от мороза
И к фонарям спускался воздух.

*

Я выздоровел!
На улицу! Туда,
Где серый дым ползет над кочегаркой,
Где строгие вороны в белом парке,
Качая головами, будут каркать
И сыпать снег, садясь на провода.
Черт с ними! Я сегодня вновь влюблен
И в снег, встающий с четырех сторон,
И в двадцатитрехградусный мороз,
Хватающий за щеки и за нос,
В толпу на Гончаровке, в свист такси,
Во всех красивых девушек, в стихи,
В смешного мальчугана лет семи
(он весь в снегу, с испуганным лицом
Плетется за разгневанным отцом).
Я выздоровел.
От дома, от жены,
От аспирина, от тетрациклина,
От меда, молока, сухой малины,
От вечно голой ветки тополиной,
Торчащей за окном, от тишины –
Я выздоровел!
Да здравствует трамвай!
И ветер, и мороз, и трын-трава!

ОРФЕЙ

Поэма

И стал день ночью.
И ночь стала днем.
И невозможно было отличить
Хлеб от камня.
Глаза впали.
Пальцы
Стали прозрачными.
Желтая кожа
Трескалась на скулах.
Тело окаменело.
Лишь иногда раздвигались губы,
Выпуская вой зимнего ветра.
И тогда ты отправился в путь,
Орфей...

Но вот ты ведешь ее за собой,
Тень любимой,
Преодолея молчание сердца.
Ты песню сложил
И пропел ее там, в царстве мертвых,
Чтоб вести сейчас за собой
Тень – не Эвридику.
Но у тени бесшумен шаг:
Все, лишённое плоти, бесшумно.
Не потому ли так безумно
Хочется обернуться?
На нее бросить взгляд.
Обернись поскорее, Орфей!
Только раз удастся песней
Вызвать тени умерших,
Чтобы окончательно потерять
Надежду на воскрешение.
Обернись поскорее, Орфей!

Сделал ты, что надо, Орфей...
Тень исчезла под взглядом твоим.
Как туман, как вечерний дым.
Ты снова один.
Вот и все.
Не печалься, не жди.
И себя не вини.

Годы прошли.
Они сделали свое дело:
Теням – тени.
Плоти – плоть.

ДУМА О ДАНИИЛЕ ЗАТОЧНИКЕ

Даниил Заточник – крупнейший древнерусский писатель. Автор замечательного «Моления Даниила Заточника». Личность его науке почти не известна.

М.М.

Он кончит плохо.
Засекут плетьюми
За богохульство
Иль раздерут боярские собаки,
Застигнув в поле беглого холопа.
Он кончит плохо.
Плохо, если не смиритя
И откажется принять
Монаший сан.
Что ж, дело за тобою,
Даниил.

1.

А моя матушка – ночка темная.
А мой батюшка – лес дремучий.
А братья мои – ветры буйные.
А сестры – тропинки и просеки.

2.

Я вперед посмотрю –
Солнце глаза слепит.
Я назад посмотрю –
Дым глаза слепит.
Я вокруг посмотрю –
Слеза глаза слепит.

3.

Имя твое произнести –
Грех.
В глаза твои заглянуть –
Грех.
Губы губами согреть –
Грех.
Потому что ты –
Женщина –
И обладаешь дьявольским свойством:
Сжимать весь мир до размеров тела,
Превращая его в тело.

4.

И в тот миг,
Когда душа уходит из тела
Через дрожащие губы,
Лепечущие последнее слово,
Человек начинает вторую жизнь.
Черта с два я поверю в сказки о рае!
Пусть попы этой сказкой
Добывают себе пропитание в жизни –
Я говорю о жизни души и ума.
Впрочем, даже и эта жизнь
Требует формы,
Чтоб не исчезнуть бесследно
Как тело.
И я познал эту форму,
Это – Слово.

*

И все-таки он кончит плохо.
И безнадежен задуманный побег.
Да и бежать – куда?
В распутицу дорог?
В туман осенний?
К «добрейшему» князьку?
Нет, время пострашней
Оков холопства. Не скроешься.
Конечно, есть один –
На крайний случай – смерть.
Но это – на крайний случай.

И голову сжав руками,
Зажмурившись, хохочет Даниил,
Не вытирая слез,
Кровавых, едких, светлых.

КАИН

1.

Шатер Бориса:
С лампадами образа
В серебряных ризах;

Полуприкрыв голубые глаза,
Творя молитву,
Юноша с белыми крыльями птиц
Глядит на убитого
И на убийц.

2.

Учаны Глеба:
Щиты на бортах;
Паруса, как небо –
Лазоревая красота,
И чайки – вдовы.

3.

Киев. Стены –
Молчаливая белая рать,
Над ними тени –
Братья.

За ними – пьяно,
Затравленным бешеным волком
Озирается окаянный
Святополк.

Осень 2005

*

Я не могу писать о том,
Что в этом городе есть дом
Панельный и пятиэтажный,
Где мне случилось однажды,
Пробыв лишь час, понять, что бог
Не зря квартире дал порог,
Что в этом городе есть дом,
Где наши тени под замком,
Но мне нельзя писать о том.

*

Но даже и тоска не та.
Ту омывали до рассвета
Стихии тишины и света,
А эту лишь – ночная тьма.

Была та музыкой высокой,
Как в поэтической строке.
А эта – голос одинокой
На незнакомом языке.

15.04.88

*

пустые конверты дней
пепел свиданий развеян ветром
смыт нудным дождем слов
теперь только ждать
когда завтра
илиосень
или что-нибудь
свивая из слов веревку
на небе смерти

ОСИНОВАЯ РОЩА

Поэма

А если
Любимая
Вышла замуж –
Отпусти без обиды,
Раз не свое.
Просто на гражданке
Завтра
Будет больно видеть
Кольцо
На пальце ее.

При случайной встрече:
– Как дела?
И улыбнешься
В красивый вечер.
Хотя в душе
Истерзанный ветер
Зажигает
Поминальные свечи...
И она улыбнется:
– Как сажа бела!

Случайно встретились
И разошлись.
Жизнь продолжается.
Другая жизнь.
Без нее,
Без армии
Как-то устраиваешься.

И осиновая роща,
Место наших былых объятий,
На закате.
Сентябрь густозвонный.
Каждый листок
Ропщет
Как сердце влюбленных.
Закроем прочитанную книгу.
Кончилось.
Чересполосицей
Листки
Проносятся.
Малиновая роща
Наплывает в глаза.
Каждый листок –
Окровавленная слеза.

А там
Вечер встречи
Одноклассников –
Одиннадцатого «Б».
В окне
Осиновая роща
В осеннем огне.

Я себя выкричал.
Я все выплакал
На костре отчаянья
В этой роще печали.
Прощай!
Жизнь продолжается.

Все только начинается
Но
Без тебя,
Но
Без меня.
Не снись мне
В розовом сне.

Прощай,
Дорогая!
Отпускаю
Из рук.
Листья взлетают
Под сердца
Бешенный стук
И полыхает роща
Как когда-то
В лучах заката.
Я горю в этом страстном
Костре нашего счастья.

Подбираю
Листик на память –
Нет. Не стоит.
Не надо о том!
Уходи в осеннюю замять.
Оставайся в прошлом моем.

В глазах –
Рябь от вихря красного.
Желаю нового счастья.
Я все же мысленно
Назначил тебе свиданье
Последнее, единственное,
Где осинки,
Как свечи прощанья,
И ветер
Устилает листьями
Следы наши
В дне вчерашнем.

Не позабуду.
Не отрекусь
От того, что было.
Несколько минут счастья
Ты мне дарила...
А если снова начнем?
Все же забуду.
Перечеркну крестом.

Ничего не вернуть назад.
В штрихах осиновых веток
Не отыскать ответа,
Сердце ведь не обманешь.
Не приглашу на танец.
Чужой станешь.
Чужим стану.
В глазах
Осиновая роща –
Красным туманом

Как раненый зверь
Я теперь.
Но я встану.
Поверь.
Нет любви.
Листья – капельками крови.
Дай поглядеть напоследок
В твои глаза!
Я все передумал.
Все сказал.

Любовь
Сгорела.
Дымом ушла в небеса,
Горечью-сладостью поцелуя...
Аллилуйя!

ОТРЫВОК

В этих местах Белорусии,
Где фашисты
Уничтожали людей,
Развелось много тонких змей.
Хоть однажды приди сюда:
Сауспилс.
Дома, чей век отжит...
Мертвым уже ничего не надо,
Но это очень надо тебе.

ДЗОТ

Мы шли по лесной дороге.
Головки склоняли цветы.
Горели усталые ноги
От долгой и трудной ходьбы.

Как птичьи трели трепещут
Над моей головой!
Но вдруг жестоко, зловеще
Дзот засверкал чернотой.

Воронки и груды металла
Остались от прошлых дней
И выглядел дико, странно
Дзот меж зеленых ветвей.

Мы шли. Нас было немного
В цветах и сиянье весны.
И нас уводила тревога
В печальные дали и сны.

И пули свистели по нервам,
И взрывы разбрызгали грязь...
И я подумал: наверно,
Здесь с прошлым прямая связь.

И там, где упали многие,
Где только что ныне прошли
Солдатские стертые ноги,
Снова цветы проросли.

ПАМЯТЬ

Вот она, эта безумная женщина:
Женщины, готовьте ваши помойные ведра!
Мужчины волосатыми пальцами нащупают курки двухстволок.
Дети – и вы сгодитесь – доставайте ваши рогатки –
Пусть под свист и улюлюканье наше,
Под град камней, под дождем помоев
Эта безумная женщина пройдет.
Плевать, что волосы ее седые, как пепел.
(50 миллионов убитых, сожженных и повешенных).
Плевать, что глаза ее
Словно только вчера пришла с похорон.
Плевать, что руки ее,
Разбухшие от слез и работы, бессильны.

Плевать, что ей, 27-летней, любой мужчина даст 60.
Давайте все дружно и вместе гнать ее с наших улиц.
Что ей нужно, безумной женщине, в нашем уютном и тихом городе,
Какого черта она шляется, словно глухонемая,
Словно тень, потерявшая тело?
Хватит! Она пугает наших детей –
Вчера мой Адольф опять не спал до 12.
Хватит! У меня по горло забот
С моим пивным баром, мне некогда.
Довольно, слышишь? Старая ведьма!
Тихо, сгорбившись, по майскому кронверку
Проходит седая 27-летняя Память.

1972

МОЛЧАНИЕ

Когда исчезают слова
И нечего больше сказать,
Ты робость свою не ломай –
Лучше давай молчать.

В молчанье особое есть
Значенье несказанных слов.
Молчание – тоже песнь,
Но без словесных оков.

В нем тайная боль разлук
И тихая радость встреч.
Молчанье – хороший друг,
Надо его беречь.

СТРОФЫ

1.

Я люблю скользить по краю
Лезвия ножа.
Так: обманет – не обманет
Следующий шаг?

2.

Душа не может без мечты
Стремление ввысь – ее основа.
От высоты – до красоты,
Рождая песенное слово.

3.

Пусть терпеливо, подспудно
В душе, как мыслей ростки,
В работе солдатских будней
Вызревают стихи.

4.

И соль земли вкусив,
Вернусь я в мир,
На слово израсходовав все силы.
Пройду с улыбкой снова меж людьми –
Больной, усталый, но счастливый.

1969-1970

*

Придти к себе.
Остаться одиноким,
Чтоб уходить в расплывчатый туман,
Но медленно тянуть корнями соки,
И погружаться в жизни океан.

Но постепенно остывают звуки...
И надвигается большая тишина,
Чтоб через горе, через эти муки
Прорвалась песня, первозданная, – она!

*

Мне не спастись. Бежать? Куда?
Ведь мир – прямая линия. И все же
Все больше мне становится дороже
Стремление найти себя.
Удар.
О, творческая жажда и угар!
Тогда, сметая все каноны,
Как варвары античные колонны,
Промчится по душе твоей пожар –
И ты раздавлен, смят и обескровлен.
И ты упал... Нет! Впереди есть труд.
И веришь ты – тебя потом поймут,
И одиночеством, как творчеством, не сломлен.

СТИХИ ИЗ АРМЕЙСКИХ ПИСЕМ

*

И был я вечностью обезображен,
Был выброшен – навзничь...
С этого дня начинается моя история.
За людей, поющих гимны солнцу,
Я буду драться.

ПРАВДА

Я не хочу правды,
Которая не понимает,
Что в сердце моем, как в памяти,
Раны не зарастают.

Я не хочу правды,
В которой минута вечность,
Если ты искалечен.
Если ты искалечен...

Разве тебе не помнятся
Ветры твои и грозы,
Разве тебе не помнятся
Песни твои и слезы,

Разве тебе не памятны
Весны, как слезы чистые,
Разве тебе непонятны
Те, кому надо выстоять?

Я не хочу правды,
Которая как кривая –
Я ее не понимаю.

СВИНЕЦ

Свинец рождается и пахнет.
Он может быть еще бессилён,
Когда во плоти твоей дряхлой.
И он умрет, и он безжизнен,

Венки, свинцовое надгробье,
Пузатый тополь, крик вороний.
И это все. Лишь сосны стынут.
Прощаясь, ты не двинешь бровью.

Свинец угрюм, свинец безжизнен.
И осень стонет безутешно
Листвой, бедой озолоченной.
Все бесполезно и ничтожно.

Прости, я не сумел снять маски
Из свинца.

СУМЕРКИ

Разбросана на пальцах паутина жизни.
Вечерний, неожиданный гость.
Он улыбается, входит в твой дом.
Будильник подпрыгивает на столе
И грозит стукнуть за полночь.
Сумрачный гость.
Ты его не прогонишь.
Он никогда не крался к твоему подъезду.
О чем вы будете говорить?
О театре, о вчерашней ненастной погоде.
Бездарность! Навязла на зубах...
Ты знаешь, потому что не умеешь ходить
По земле, тебе постоянно хочется лететь.
Вечером как-то легче.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Я шел с работы, мечтая об отдыхе.
Был день воскресенье со стужей зимней.
Как будто девчонки, замерзшие в воздухе,
Вздыхались березы все выше в инее.
Из труб над домами дым сизый выпархивал,
Собака бродячая жалась и мерзла....
И сердце с какой-то тоскою заплакало,
Вдруг свистнуло робко в груди моей теплой.

*

Как спасительна тень твоих снов
В будний полдень моих раздумий,
О боли, какую раздует
Чувство дома, что в нас проросло.

Что ж останется нам кроме снов,
Кроме улиц безлиственных слов?
Не провидец я, не пророк.
Дай споткнуться о твой порог.

*

– Кто знает о твоей любви?
– Лишь дождь,
Баюкающий дом,
Идущий тихо за окном.
– И ...
Кто еще?
– Пожалуй, лишь она,
Застыв в молчанье у окна.
– А та, кого ты любишь?
– Что ты, нет!
Она вообще не знает обо мне.

*

Три раза к тебе приезжал
И три раза ни с чем возвращался
В автобусе старом.
Еще ты ответишь мне снегом
За дождь,
Который швырнул я в твоё окно
Как проклятье.

*

Я столько раз прощался с летом,
Что мне сейчас совсем не страшно
Понять, что ты не просто где-то,
А рядом – в дне вчерашнем.

Ты помогла понять ту боль,
Через которую не в силах
Переступить, чтоб быть с тобой
По эту сторону могилы.

12.08.77

*

Просто теперь я простился с тревогою.
Ты не мое, а убежище богово.
Кружится снег над пустынной дорогою
Канет он, белый – в вечерний дым.
Кружатся хлопья над сердцем моим.

*

Я шел к тебе с дождем и ветром
За плечи крепко их обняв,
Чтоб сберегалась тайна света,
Заполонившего меня.

Но дождь не выдержал.
И ветер
Ушел к другому, торопясь.
А ты проснулась в море света –
Открылась тайна для тебя.

*

Что бабочка? Что девочка?
Болит спина от крыл?
И что же ты наделала,
Чтоб пламень опалил!

Неслась как от погони
На огонек свечи...
Любовь той жертвы стоит.
Терпи – или кричи!

И у меня душа болит –
(мой крест тяжел, тяжел),
Что над тобой святых молитв
Тогда я не прочел.

*

Были встречи короче двух слов.
Был и ветер – и все унесло.
Наш июль прошел стороной.
Жизнь открылась тоской другой.
Городами, друзьями, го-да-ми...
Чтоб понять: друг для друга мы созданы.
Лес желтеет над тихим ручьем.
Обопрись о мое плечо.

*

Августа первый день.
Ветрено, но парит.
С липы лохматая тень
Свесилась, как парик.

Полдень. Пустынный сквер.
Белка на ветке сосны.
Стрекот кузнечиков. Сны –
Синяя акварель –

Снятся мне наяву.
Снится белый конверт.
Жду. Люблю. И зову.
Верь мне, прошу я, верь.

Я не хочу, чтоб – врозь!
Снится, что ветерок
Мне от тебя принес
Тепло долгожданных строк.

ТИХОЕ

Потеряв и судьбу, и свой век
Я уйду с головою в тихое,
Где звезда из-под вздрогнувших век,
Ослепляя, однажды мне вспыхнула.

Там забытые крылья найду
И останки подранка-голубя.
Мы делили с ним нашу еду...
Кто-то выстрелил в белую голову.

Тень припомню твою по следам
И сквозь них прорасту подорожником.
И уже никогда не отдам
Ни судьбе, ни грозе
И ни дождикам.

*

Бывает одна лишь встреча,
Бывает: глаза в глаза. —
И вдруг ты увидишь Вечность,
Не сможешь и слова сказать!

И может быть, их не надо —
Взгляды яснее слов.
Просто с тобою рядом
Она из волшебных снов.

И может, никто на свете
Еще не сказал: люблю.
Влетает весенний ветер
В раскрытую душу твою.

Слова упдают бессильно.
Я им не хочу помочь.
И на руках носить я
Готов тебя эту ночь!

Никто до меня на свете
Еще не сказал: люблю.
Весенний неистовый ветер
Врывается в душу мою!

ЖЕЛАНИЕ

Стук яблока, упавшего на землю,
Совпал с мелькнувшим в небе метеором.
И пусть в приметы я уже не верю,
Но я б желал, чтоб каждый август так же,
В саду, когда дыхание любимой,
Спокойное, касается виска,
Стук яблока, упавшего на землю,
С летящею звездою совпадал.

НЕЖНОСТЬ

Что сотворила с сердцем нежность!
На пальцы с удивлением смотрю:
Как родилась в них легкость, свет
Когда, касаясь лица любимой,
Его запоминали?

Ладонь, что чашею весов была мне,
Вдруг обрела раскованность и легкость
Осеннего листка, когда легла
На грудь любимой.

Губы раскрывало
С трудом и потрясением, познав
Их теплоту и ласковость,

И тело
Мне вдруг открыло силу, плавность,
Открыло все, что до поры таило.
Что сотворила со мной нежность!

*

Куда деваться нам на станции Беда,
Где в небе март, а на земле зима,
Где бродят по путям пристанционным
Большие молчаливые вороны,
Где грязен снег, а влажный ветер крут,
Где нас не провожают и не ждут.

*

Она уезжает:
Ветер раскалывает пространство зимней дороги
На миллионы ледяных игл,
Режущих в кровь глаза и слова.

Она возвращается:
Пустота, которую обнимаешь ночью.

*

Птицы летят на юг.
Не потому ли и ты
Вдруг
Сделала крылья из рук?

Что же – лети! Лети!
Давай знай, несись
В стае птиц.

*

Дождливое утро. Прощание.
Девочка! Благослови
Меня – на мое молчание,
Себя – на свои соловьи.

Ворон ли плачет над нами,
Бабочка ль вьется в пыли –
Утром, дождями, прощанием
Благослови!

МЕТАМОРФОЗЫ

Деревья становятся ниже,
А тени – гуще и глубже.
И селятся в листьях птицы.
Из девочки, шумной и звонкой,
Женщина прорастает.

Дожди в волосах засевают
Запахи неба и речки
И горечь ночного ветра.
Из девочки, шумной и звонкой,
Женщина прорастает.

Музыка сердца и тела,
Сливаются, зажигая,
Губы огнем и болью –
Из девочки, шумной и звонкой,
Женщина прорастает.

Из плеч угловатых и пальцев,
Тонких и не любивших,
Из глаз, еще неумелых,
Женщина прорастает.

ВЕЧЕР

Стекла окон стали синими,
Синий вечер у окна.
В небе важными гусынями
Проплывают облака.

И в глазах твоих синится
В зыбкой нежности, как дым,
То щемящее, что снится
Только очень молодым.

То, еще не озабоченное,
То простое, как апрель,
Над Россией заболоченною –
Лебединый перепев!

Лебединый, пролетающий,
Затихающий ручьем...
Вечер синий, вечер тающий
Тронет веткой за плечо.

Синь стусится до молчания
Потухающих домов
И ты выдохнешь нечаянно
Все, что думалось давно.

Ну а синий вечер стаялся,
Только звезды высоко
Улетающими стаями
В наше смотрятся окно.

*

Ты меня подводишь, память,
Ты меня подводишь!
Не ее хочу я вспомнить,
Не ее глаза и руки,
Не ее улыбку вспомнить!

Пред собой хочу увидеть
Плеск ручьев на тротуарах,
Луж сиреневых кипенье
В марте, синем бокогрее.

В памяти хочу я вызвать,
Опьяняясь свежим ветром,
Ледоход на Волге утром,
Я хочу легко и просто,
Затаив в глазах улыбку,
Вспоминать, как лужи топчут,
Хохоча и распевая,
Стайки сорванцов горластых,
Как расплескивают их,
Теплые большие лужи,
Подставляя летним ливням
Грязные свои ладошки.

Что ж упорно возвращаешь
Лишь ее глаза и руки,
Лишь ее улыбку даришь,
Но не возвращаешь запах
Трав, горячих и звенящих,
Но не возвращаешь радость

Непонятную, цветную
От того, что в мире – утро...
Ты меня подводишь, память,
Ты меня подводишь.

ПОЭЗИЯ

1.

Люди,
Будто
Канатоходцы,
По жизни идут
С томиком стихов в руках,
Как
 С шестом
 Равновесия.

2.

Она бывает внезапно –
Как бы закат вспыхивает в солнечный полдень.
В колодезной глубине глаз
Проблескивает последняя льдинка девственности,
Пальцы, поправляющие прическу, –
Лучи летнего солнца в синей туче...
В сумраке вечернего поцелуя,
В мерцаниях кольца ее смеха
Я заблудился, как сказочный мальчик,
В лесу сновидений.

*

Глухие удары капель дождя
На мокром асфальте,
Бешенство ветра ночного,
Пойманного листвою,
Случайность своего совпадения
В этот сонный и темный час
И есть единственная форма того,
О чем я сейчас думаю.
... и рождается стихотворение.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПЕСЕННИЦА

Чинно старая сидела,
В глубь души своей смотрела.
В белом ситцевом платочке,
Руки на коленях.
Пела...
А на магнитофонной ленте
Оставалась только песня,
Только голос, только голос,
Сильный, молодой, высокий
И такой теперь родимый!
На прощанье нас поила
Молоком, холодным квасом
И с крыльца смотрела долго
Как брели мы по дороге,
Заслонясь рукой от солнца.

ДУБ И РЯБИНА

(Подражание русской народной песне)

Тонкую рябину на высокой круче
С берега другого дуб любил могучий.
Все рвались друг к другу шумными листками,
Жалобились ветру днями и ночами.
Пожалел их ветер, к дубу на равнину
Как-то на рассвете перенес рябину.
От любви на милой ягоды зарделись,
Дуб качал в листве их, словно в колыбели.
Но подкралась стужа, будто похороны,
Уронил листву он с медным тяжким звоном.
Лютый мрак да холод, буря по равнине,
Старый дуб собою прикрывал рябину.
Рухнул дуб могучий оземь под ветрами,
А она склонилась, обвила ветвями.
Сбросила рябина ягоды под ноги –
Пусть разносит бурей по лесам-дорогам!

Незачем мне, бедной, больше красоваться,
Коли сиротине век одной качаться!
Тишина без краю крик вороний носит.
На снегах алеют ягоды, как слезы.

1977

*

О чем ты, небушко, задумалось?
Какой печалью закручинилось?
И звезды белые, горячие,
Как будто в темень слезы вылились.
Деревья сникшие, склоненные
Не шелохнутся, не качаются
Стоят как небушко тихохонько,
Как призадумалось молодцу.
И темнота поразливается
Рекою тихой, молчаливою
И песней в сердце отзывается
Природы грустное мгновение.

СВАДЕБНАЯ

(Подражание свадебной старинной песне)

Девница, девница, наряди мне нитей,
Наряди мне ниточку белого снега,
Из белого снега.

Девница, девница, сплети кружева мне,
Сплети кружева мне из клубков туманов,
Из клубков туманов.

Девница, девница, сшей мне рубашку,
Сшей мне рубашку из речного ила,
Из речного ила.

Девница, девица, из ветра, из воды, из отражений,
Из отражений в зеркале пруда,
В зеркале пруда.

Молодец, молодец, сшей башмачки мне,
Сшей башмачки мне из желтой дратвы,
Чтоб к тебе ходила.

Девница, девица, наряди мне дратвы,
Наряди мне дратвы из дождевых капель,
Чтобы не грустила.

*

(Второй вариант)

Наряди мне нитей из белого снега,
Из белого снега, инея на вишне,
Инея на вишне, невеста.

Сплети кружева мне из клубков туманов,
Голубых, вечерних,
Из клубков туманов, невеста.

Сшей мне рубашку из речного ила,
Из речного ила,
Из песка да ила, невеста,

Из ветра, из тени, из отражений
В зеркале пруда,
Из отражений в зеркале, невеста.

Из снов своих девичьих,
Из песенки птичьей,
Из розовых мечтаний, невеста!

БАЛЛАДНЫЙ МОТИВ

Ходит тень ее за мною,
Хочет стать моей женою,
И не в силах отказать ей,
Шью я тайно бело платье.
Скоро, скоро свадьба будет,
Приходите, добры люди!
Ничего, что пусто место,
Где должна сидеть невеста,
Где жених и пьян, и весел,
Не изменит он невесте,
В честь любви под птичье пенье
Сам он тоже станет тенью.

ТРИ БАБОЧКИ

Федерико Гарсиа Лорка

Три бабочки белых.
Багровые борозды в небе.
Три бабочки белых.

Над черною пашней
Быстры, как распахнутый веер,
Над черною пашней.

Крыльями машут
Три тени на диске восхода.
Крыльями машут.

За тучами солнце.
Что же ты спишь и не плачешь?
За тучами солнце.

Зачем ухожу я?
Зачем приходил я? — не знаю.
Зачем ухожу я?

Пляс бабочек белых.
Кто уводит меня за собою?
Пляс бабочек белых.

Будет душа четвертой.
Лягу, руки – крест-накрест.
Будет душа четвертой.

В ржавых колосьях,
Где-нибудь по дороге...
В ржавых колосьях.

ИНОГДА

Иногда он мнил себя богом.
Иногда – царем.
Но чаще – рабом и червем
Под сапогом солдата.
– Ты раб, ты червь! – хихикал лукавый
За его спиной.
Но он по капле выдавливал из себя раба.
С червем было проще:
Давний знакомец
И с ним еще придется встретиться
В конце пути.

Человек увидел ребенка,
Играющего в песочнице возле дома,
И подошел:
Ребенок не обращал на него внимания,
Увлеченный работой:
Он строил песочное царство,
Вылеплял из глины человечков,
Заселял ими свои владения.
По своему образу и подобию –
Подумал человек – как и я,
Кто зачал тебя,
Как и тот, кто создал всех нас и Землю.

Малыш решил отдохнуть,
Взял мыльницу, прихваченную из дома,
И принялся выдувать через трубочку
Чудесные мыльные шары,
Подрагивающие в воздухе,
Переливающиеся красками,
Плывущие над песком и лопающиеся.
Как вселенные.

Человек погладил его по голове,
Сел на скамейку
И тоже начал создавать в уме
Воображаемую вселенную,
Где не будет ни болезней, ни смерти,
Ни зла, ни войн, ни страданий, ни лукавого,
А будут дети, радуги и цветы,
Веселые дети, радостные звери,
Цветущие деревья,
Прекрасные мудрые люди, – потомки бога –
Занятые счастливым трудом творения и друг другом,
Которые сделали свой выбор,
В какой проявить себя ипостаси
(добра или зла),
И надо всем вокруг, как солнце, –
Любовь.
О, мой дивный мир!

*

Как хочется вдохнуть в стихотворенье
Пыльцу от солнца, мать, вишневое варенье,
Кипящее в тазу, покой и сон,
Которым дышит сын трехлетний, он
Со стрекозой, зажатой в ладошке,
Напоминает ангела немножко,
Застигнутого сном среди игры.
Как золотятся под лучом вихры!

СУББОТНИМ ПОЛДНЕМ

В листве берез игру теней и света
Нам на прощанье щедро дарит лето.
Спит сын, зажав в ладошке стрекозу.
Гуляет ветер, шебурша листву.
В окне калина набирает гроздь,
Чтоб кровью налилась к морозам плоть.
Благоухает кухнею укроп.
В тазу варенья пенится сугроб
А мать снимает розовую пенку,
На стол нам ставит полную тарелку –
Крыжовником уже пропах весь дом!
Влетела в золотом жабо пчела.
Завязла в воздухе густом, жужжа.
Сгоняет ветер тучи над двором.
Пронзает стекла самолетный гром.
Вкруг ребятни щенка задорный лай.
Мужчины под березой у стола
За шахматною партией следят.
На клумбе астры, как огни, горят.
Никто не видит: август в этот час,
Хрустя грушовкой, покидает нас.

*

Свет фонаря загоняет в форточку
Пятнистую тень березы,
И мы засыпаем на ней,
Дрожащей под тяжестью наших тел.
Иногда к нам заходит луна,
Заливая комнату серебристой водой,
Качая нас на своих волнах
С лепестками лилий,
Которыми я тебя осыпал,
И ты как русалка с распущенными волосами
И сияющим телом, которую я
У водяного украл.

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Солнце уже почти село.
Лишь маленькие края грузной
Солнечной тучи напоминают о нем.
Штормовой ветер гонит над морем
Низкие лилово-розовые облака.
Чайки молча стоят на берегу пустого пляжа.
И над всем властвует море.
Огромные белые буруны волн
Прыгают по дну, великие, громкие
И море, как живое существо,
Накатывается на берег.
Балтика.

ЭКСПРОМТ

Собираюсь по грибы.
Слава богу, лес за дачей.
Собираюсь жить иначе,
Чем обязан и привык.
Только вот ведь незадача:
Нет грибов в лесу, старик!
Потому что он на взморье,
Потому что на песке.
Жду погоды я у моря
И с синицею в руке.
О журавлике мечтаю,
Жду по-прежнему чудес.
Все, как есть, я оставляю.
Оставляю все, как есть.

*

Построю дом и сам его снесу.
Исторгну смех я, проглотив слезу.
Следы засею на песке дождем,
А урожай мы с ветром соберем.

Укроюсь облаком, где васильки
Касаются щетинистой щеки.
Дождем умоюсь, дымом буду сыт.
Пером ворона в путь благословит.
И поплывем мы Млечною рекой
К Отцу небесному – домой... домой...

*

Прямо у выхода из ленинградского вокзала
В девять тридцать –
Хмурые лица.
Нищий с протянутою рукой.
Лезу в карманы: мелочь.
Купить сигарету
Или положить в ладонь
Горсть:
На, мол, брат...
Или рассыпать на асфальт?
А там еще один
С протянутой ...
Улыбается:
– Вставай в ряд!

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

И две тревоги было у меня:
Одна за свет домашнего огня,
Другая – за судьбу моих друзей,
Всех на земле или уже в земле.
Я жил как мог, неважный муж и друг,
И мне тревог хватало этих двух.
Но постепенно, сам не понял как,
Мной овладела странная тоска.
Из дома, от друзей гнала на ширь,
И я побрел, задумавшись про жизнь.
Тоска вела за чередой дней
И я замороженно шел за ней.

Вот улицей прошли мы в том краю,
Где юность в сапогах прошла в строю.
Вот юность мы прошли,
Прошли любовь,
Ту, первую, все повторилось вновь.
Во всей красе любовь явилась мне
На пятом этаже в ночном окне.
И школу мы прошли насквозь, как луч,
Пронзает гладь озерную из туч,
И детский сад с улыбкой пробегли,
В дорогу меж хлебов мы забрели.
Назад вернулись в старый отчий дом,
И там стояли молча мать с отцом
Пред колыбелью детскою пустой.
Я вмиг забыл о жизни прожитой,
И знать дала крови родимой связь,
И в мать с отцом вошли мы, раздвоясь.
А дальше – ни знакомого лица.
Но и за ними не было конца.
И две тревоги стали – два крыла –
Моя тоска их чудом обрела.

23.08.77

ЗЛОЕ СЛОВО

Музыка была в начале –
Чисто, звонко, без печали.
Лишь потом возникло слово
Лживо, подло, бестолково.
То, чья суть невыразима.
Цель его невыносима!

МОЛИТВА

Ты есмь. Я есмь. Ты приди ко мне!
Брошен в этот мир я, втиснутый в незримую клетку
Правил жизни,
Скованный цепями добра и зла,
Потерявший и не нашедший
Связи со всем живым и мертвым.

Пройди мирными людьми
И не заведи меня с собой.
Здесь, на этой трижды проклятой
И трижды благословенной земле
Оставь тот свет истины,
Что озарит невидимые мне небеса,
ибо весь этот мир
Приписывают Тебе.
Есть великое целое и всеобщее.
Дай испить из реки мудрости
И да не будет она рекой забвения.
Аминь.

НЕБЕСНЫЙ ГЛАС

«Я речь твою
Своей наполнил силой.
Ее звучать я,
Как реку, заставил
Живым и громогласным
Половодьем.
Я растопил в ней родники святые,
Что источали слова
Бессмертную водою...»

Я шел куда-то в спешке,
как известно.
Раздался глас —
И я прилип на месте.

*

Сентябрь. Дорога. Распутица.
Холодный рассвет в тишине.
По правую руку, как спутница,
Сорока бредет по стерне.

Пустынные выси равнинные.
Безмолвно отверстая даль.
И светлые комья суглинные –
К ногам. Но уже не печаль,

Сквозь старые чувства – новые
Пробились. Волнуется кровь.
И в ней, как озимь зеленая:
Родина. Песня. Любовь.

И пусть даже в сердце распутица –
Что слезы и годы твои? –
Солнце восходит в крови!
И как не болеть и не мучиться
Судьбиною нашей земли...

МЕЖДУ

Между душой человека и миром,
Между душой человека и духом,
Между природой и человеком
Нет живого языка –
Не обретен или потерян.

ОЗИМЬ

Дружной ватагой стоят
Копья зеленые – озимь.
Весело грудь мне пронзят
Счастьем и горем.

Рощи негромкая медь.
Клин журавлиный.
Кеды уходят на треть
В желтый суглинок.

Между небом с землей –
Рыжий подсолнух.
Пахнет медовой пылью
Ядреный воздух.

Только бы мне успеть –
Жизнь все короче –
Сердцем своим прозвенеть
Как золотая роща.

Песни – не превозмочь,
Как птице на ветке.
Вот, припустил дождь
Меленькими монетками.

Здесь, на окраине дня,
Поля и чащи
Родина входит в меня
Горем и счастьем.

*

Когда на кухню, где хлеба и печь,
Вдруг залетает голос соловьиный,
Душа молчит о горечи любимой,
Она почти забыла эту речь.

И беспощадней разум в этот час,
Как страж ревнивый и неумолимый,
И только жизни воздух соловьиный
Поет и плачет до утра за нас.

И боль тупая прячется и глохнет.
Пусть от звонов в сердце перебой.
Рука сама распахивает окна
Навстречу светлой радости земной.

4.06.79 – 1.07.95

СОДЕРЖАНИЕ

1. Засыпала осень словами
2. Автобус
3. Прогрохал по рельсам товарный
4. В эту осень
5. Продавец лотерейных билетов
6. Единство
7. Урок пения
8. 9 мая
9. Причитание
10. Когда двенадцать лет тому назад
11. Сон
12. Подыматься еще рано
13. Субъективное (Черепаша Ахилла;
14. Поверхность Мебиуса;
15. Камни).
16. Кошка
17. В тринадцать лет
18. Как гулко на душе и голо
19. Август
20. Звук ночного самолета
21. Первый летающий снег
22. Поздний вечер. Зима.
23. Я выздоровел.
24. Орфей
25. Дума о Данииле Заточнике.
26. Каин
27. Я не могу писать о том
28. Пустые конверты дней
29. Осиневая роща

30. Над будущим моим смыкался лес
31. Орывок
32. Дзот
33. Память
34. Молчанье
35. Строфы
36. Прийти к себе...
37. Мне не спастись...
38. Я был вечностью обезображен
39. Правда
40. Свинец
41. Сумерки
42. Воскресение
43. Она уезжает
44. Птицы летят на юг
45. Как спасительна тень твоих снов
46. Кто знает о твоей любви?
47. Три раза к тебе приезжал
48. Я столько раз прощался с летом
49. Ты помогла понять ту боль
50. Просто теперь я простился с тревогою
51. Я шел к тебе с дождем и ветром
52. Что бабочка?
53. Были встречи короче двух слов
54. Августа первый день
55. Тихое
56. Бывает одна лишь встреча
57. Желание
58. Нежность
59. Что делать нам на станции Беда
60. Дождливое утро. Прощание.
61. Метаморфозы
62. Вечер
63. Ты меня подводишь, память
64. Поэзия (Люди)
65. Она бывает внезапно
66. Глухие удары капель дождя
67. Деревенская песенница

68. Дуб и рябина
69. О чем ты небушко задумалось
70. Свадебная (Девушка, девушка...)
71. Второй вариант
72. Балладный мотив
73. Проснулись вороны.
74. Иногда
75. Как хочется вдохнуть в стихотворенье
76. Субботним полднем
77. Свет фонаря загоняет в форточку
78. Стихотворение в прозе
79. Экспромт
80. Построю дом...
81. Прямо у выхода из ленинградского вокзала
82. Жизнь человека
83. Злое слово
84. Молитва
85. Небесный глас
86. Сентябрь. Дорога. Распутица.
87. Между
88. Осень
89. Когда на кухню где хлеба и печь

Глава четвертая

**ИЗБРАННЫЕ ЧАСТИ
ИЗ ДВУХ МОНОГРАФИЙ М.Г. МАТЛИНА**

«Городские были и небыли»:

Дореволюционный Симбирск

Симбиряне

Название города

Вот запомнилось мне название его Сембер по человеку, который был. Ну, это гораздо раньше моей жизни. Это уж просто как литературное такое запоминание, но оно мне запомнилось, потому что очень любили люди. Он небольшой

городок был, люди очень любили этого человека, несмотря на то, что он имел пароход, этот человек, и торговал всем тем, что он умел приобретать: патоку, бочки патоки... Это все еще немножечко во мне как-то оставалось, несмотря на то, что я маленькая была. Вот. Но и люди его очень любили. И в честь его называли этот город Сембер, Симбирск потом уж он на наш-то легкий-то язык.

Дерево Петра I

В годы моего детства мой отец Иван Тихонович Редькин любил ходить с нами на прогулки в леса (горы), на берега Волги, Свияги, в Заволжье. Знакомил нас с породами деревьев и кустарниками, с живой природой, рассказывал историю края. Рассказывать он был мастер, не то, что я. Однажды привел он меня и трех моих братишек на берег Волги и показал высоченное дерево, рядом стояла грубой работы дубовая скамейка. «Вот это дерево, ель, посажено самим Петром Великим во время его похода на юг, воевать Азов и Черное море. И скамейка сделана им. Вот с этой поры и живет в этом дереве царь Петр Великий!» Я и братишки обежали вокруг дерева, осмотрели его и искали дверь и окна, в которые вошел Петр. «Вот и вы будьте, как Петр, сажайте всюду, куда вас занесет ваша судьба, деревья. Дерево приносит счастье». Смысл слов отца ни я, ни мои братья, Александр, Николай и Владимир не поняли. Николай даже заревел, испугавшись, что и он будет жить в дереве... В Симбирске ель Петра Великого стояла вблизи церкви Петра и Павла. На месте, где находился его шатер, была построена церковь.

Симбирские кинотеатры

Из старых кинотеатров остались, по сути дела, только два: это кинотеатр «Художественный» и «Пионер». А кроме них еще были. Вот «Художественный» кинотеатр назывался «Ам-пир», «Пионер» назывался «Экспресс», потом был кинотеатр «Пате», это на улице Гончарова, где сейчас какой-то швейный комбинат. На углу Гончарова и Бабея, с улицы был выход, на

втором этаже был этот кинотеатр «Пате». На улице Гончарова, где магазин «Подарки», тут был кинотеатр «Зеркало из жизни». Вот где драмтеатр, но вход, где была гостиница, вход с Краснознаменного переулка, т.е. с обратной стороны, там, был кинотеатр «Калейдоскоп». И шестой кинотеатр был на улице Бабеля, или тогда он назывался Беляевский переулок – это «Кинохроника». Вот видите, шесть кинотеатров, и был один драматический театр. Драматический театр был интересен тем, что он по, сути дела, работал так: один день драма или комедия, второй день идет оперетта. Потом опять идет драма, оперетка, и вот так чередовалось. И вы знаете, театр посещали изумительно. Понимаете ли, постоянно были аншлаги, т.е., по сути дела, полный зал.

Заводские гудки

Народ, город был тихий, заводов не было, дыму не было, пыли не было, люди жили тихо, спокойно. Единственно, что чувствовалось, что в городе живешь – это гудки на предприятиях. Допустим, на ликеро-водочном заводе засвистит гудок, а потом таким басовитым голосом – завод Володарского. Вот так чувствовалось, что какая-то жизнь, а так город спокойным был.

Нравы коммерческого училища

Отец учился здесь в коммерческом училище, это тоже были очень интересные рассказы о директоре. У него был приятель, фамилия его была Толстов, а не Толстой, не из дворянского звания. Он был лодырь жуткий. Иногда там тоже родителей вызывали, и вот такая характеристика сына дается родителю: «Одет он прилично, фамилия натуральная, но нет, он не может». Это было одно такое высказывание. Потом папаша у меня увлекся шахматами, где-то было 13-14 лет, и увлек своего приятеля. Отправился готовиться к приятелю к контрольной по математике, но они всю ночь играли в шахматы. Ну ладно, контрольную кое-как написали, ну и ничего больше не учили. А на немецком спрятались под последний стол и, естественно, карманные шахматы, и тихонько сидят,

играют на немецком. Вдруг Аксинский, его приятель, восклицает: «Мат в пять ходов!». Громко, на весь класс. Немец подлетает: «Не пять, а шесть часов карцера». Ну вот два дня они отсидели честно. Счастливые до ужаса, они там тоже играли в шахматы, а жена директора: «Ах, бедные мальчишки!» Она, конечно, посылала горничную покормить. Это, конечно, тогда никакого не было карцера – оставляли без обеда на три часа, кормили там хорошо, с директорского стола. Вот такие нравы коммерческого училища.

Женская гимназия

В гимназии была дисциплина отменная. Как за уроками, так и в перемену. В перемену, конечно, бегали, играли, но одно слово классной дамы – и мы были послушны. У меня была классной дамой Екатерина Михайловна Тихомирова, дочь священника, который преподавал у нас Закон Божий.

День начинался с молитвы. В Мариинской гимназии были такие большие двериво всю высоту помещения, за которыми находился церковный алтарь. Теперь там большой зал. Когда начиналась молитва, эти двери раскрывались, и мы как бы были уже в церкви. После молитвы шли строго парами в свои классы. Начинались уроки. Потом была большая перемена, во время которой мы завтракали. Кто-то носил завтрак с собой, а некоторые что-то там покупали. А так перемены были по пять минут.

Преподаватели были, конечно, разные. Как и теперь, были любимые и нелюбимые. Одни очень хорошо объясняли, другие – менее. Поэтому и училась я, например, по-разному. По некоторым предметам очень хорошо, например, по математике, а по истории почему-то менее. Получала там 8 баллов. По математике было 12 с плюсом, когда я предвосхищала: что-нибудь объясняют, а я с нетерпением уже произношу раньше, чем преподаватель. Математику преподавал офицер из кадетского корпуса, Виктор... Забыла! Он, например, вызывал нас: «Мадмузель Швер, будьте любезны, расскажите...» Чрезвычайно был любезен, предупредителен, и того же требовал от нас. Географию я любила очень, потому что в доме у нас висела карта Европы.

Ну, что ещё о гимназии... Начальница сначала была очень пожилая, звали её Екатерина Филипповна Москалёва, у неё ещё моя мама училась. Потом она ушла в отставку. Новая начальница изменила у нас форму. Раньше были стоячие воротнички с подворотничками, беленькими, которые небольшой каёмочкой выступали, а она изменила: стали белые, уже отложные. Она считала, что девочкам надо больше свободы, и не надо так чопорно выглядеть. По рукоделию была пожилая женщина. Мы учились штопать чулки, кое-что подрубать, загибать край материала. Причём некоторые богатые девочки приносили чулки с вырезанными специально дырами, потому что у них уже худые чулки не употреблялись.

Дом в Симбирске

Со стороны папы – папин отец был крестьянин. У него, у дедушки, была очень большая семья. Их было 7 человек, из них пять было мужчин и 2 женщины только в семье. Все они жили одним домом, потому, что считались на селе состоятельными. Ведь тогда землю давали только на мужчин. А у них отец был и пятеро сыновей, поэтому земли у них было много. Обрабатывали они все вместе ее. Силы-то было много, жили-то скопом. Они имели дом здесь, в Симбирске. Ну, дом очень маленький, в прямом смысле его нельзя было даже назвать домом. Они здесь держали выезд, т.е. лошадей. Тогда же экипажи были, и вот они держали, и здесь жила всегда одна семья. Но жили они по три месяца. Значит, одна семья, все уже женаты были, одна семья три месяца живет, потом другая семья сменится, там ведь тоже, в деревне, надо было работать, и был у них выезд, и была у них маслобойня. Что это такое, я не знаю. Наверное, это такой аппарат, который сбивал масло. Но чужих не нанимали, у них не было наемной рабочей силы, потому, что их самих хватало работы.

Одна дощечка играет

А раньше, извините, следили. Почему? Потому, что частное владение было. Я вспоминаю дореволюционное время, я

был мальчишкой, мы жили на квартире на улице Энгельса, была такая домохозяйка Клавдия Егоровна Бобровская. Вот там тротуары были деревянные, не асфальтированные. Приходит городской, отдает честь этой домохозяйке, по имени-отчеству называет: «Клавдия Егоровна, у Вас там на тротуарах одна дощечка играет». – «Ладно, миленький, все!» Идет к моему отцу: «Иван Капитонович вот был, что-то там нашел на тротуарах нелады». Ну, отец берет молоток, идет искать, где там доска некрепко прибита. Прибьет обязательно. А вот уж в отношении чистоты, извините: каждый домохозяин выходит чуть свет, люди идут на работу уже по чистому тротуару, по чистой улице. Какая бы грязь ни была осенью ли, весной ли.

Деды

А вот прадед мой, вот, значит, дед моей бабки, он был священником в женском монастыре, где теперь этот самый центр культуры и досуга, который Дом профсоюзов. Да, это прадед был там священником.

– Женщины не вели службу?

– Конечно, нет, потому что там игуменья, это понятно, а службы все справлял священник, причем прадед-то был человеком верующим, но детям всем дал светское образование, на что на него коллеги так немного косились, потому, что дочери-то, они, правда, кончили епархиальное училище. А сыновья, вот ни один, после семинарии, в семинарии-то было детей полно, дети все они кончали семинарии, потом учились, кто где, чаще всего они, по-моему, кончали ветеринарный факультет, а некоторые медицинский в Варшаве, потому, что там принимали семинаристов, у них же не было классического образования, поэтому там было проще. А иначе надо было досдавать латынь и греческий. И вот только младший из моих двоюродных дедов кончил гимназию. Он потом удавился в тюрьме, еще в 20-е гг. на своем модном вязаном галстуке. Это я знаю по рассказам матери. Вот когда у нас там был нарком или зам. наркома по здравоохранению Соловьев, по-моему. Вот он с ним очень был близок. А того посадили скоро. Так, что у меня сидели два двоюродных деда, родные не успели, сидел дядя и очень долго сидел отец.

— А вот дядю-то, двоюродного деда, его за что?

— А кто его знает. Никто не знал. Потому, что посадили этого Соловьева, его покровителя, а он было начал бурно карьеру делать.

Они как-то все шли во всякую организационную работу. Вот одного из своих двоюродных дедов я помню. Он для меня воплощение среднего добропорядочного петербургского чиновника. Кстати, жил до такого сильного голода в Ленинграде, потом жена перетянула его в Москву, потом его перевели в Москву по службе, а потом эвакуация закинула сюда, и здесь он умер. Вот он такой вот был. И только одного из этих дедов я любила и знала больше всех — он был хороший практикующий московский врач. О дяде Коле я рассказывала. Других я просто не знала, потому, что вот Евгений погиб до моего рождения, другой тоже, хотя его подержали в тюрьме, потом выпустили, но он вскоре после этого отдал душу богу, жил в Саратове, а третьего я не знаю. Мама с ним никакой связи не имела, с дядей Володей.

Симбирск, 1915 год

На другой день, как я приехала из Москвы поползла Симбирская гора. Оползень небывалый. Приблизительно так: от Петропавловской церкви, находящейся внизу, в начале горы, до прибрежной к Волге полосы Старого Венца (одного из бульваров, находящегося в городе на вершине горы).

Пароходные пристани отрезаны от города. Смоленский спуск, хоть и несколько подновлённый, для перевозки товаров затруднителен. Сообщение пристаней с вокзалом (противоположная часть города) невозможно. Рельсы прерваны или представляют собой волнообразный вид:

Трудно описать всё увиденное мною внизу под горой.

Сильно пострадал железнодорожный мост через Волгу. Семь так называемых «быков», на которых стоит мост, сильно накренились, стоят боком.

Многие здания разрушены. Например, так: стоит каменный дом, а передняя стена его отъехала на некоторое расстояние от него. Или вот дом, а крыльцо отдельно от него. А

дальше разъехался пополам железнодорожный домик, и видно внутри какие-то полки, а на них бутылки. Петропавловская церковь в полугоре дала трещины в нескольких местах, и из неё всё уже увезено.

Серое деревянное здание полицейской части еле держится, сильно накренилось, все ждут – свалится. Там же пожарная часть. Лошади и всё имущество вызены. Говорят, что после землетрясения такой же вид.

Идёшь, и нужно смотреть, чтобы не провалиться – в земле глубокие трещины. Далее от церкви одна половина улицы значительно выше другой, съехавшей вниз.

Жители провели ужасную ночь. Днём перетаскивали вещи, кто в город, кто куда. И всё это на руках, проехать нельзя. Я была вечером, когда уже несколько улеглось волнение, но и то картина очень тяжелая.

Почти на протяжении всей прибрежной полосы от церкви до пожарной части нежилые брошенные дома. Встречаются жители с узлами, самоварами, лампами. Один мальчик очень трогательно нёс кошку, видно, любимицу. Жители, которым некуда было выбраться, я видела, устраивались на ночь около своего дома на сундуках. Нахохлившись, на крыше покинутого дома сидели три курицы. Очевидно, их забыли взять с собой. Вид у них был жалкий.

Вот стоит телега, на ней всякий скарб, около ребятишки, рядом, по-видимому, родители. К вечеру они опять потащили всё во двор. Кто-то громко удивился, и слышали бы вы, как сказала это женщина, что ей некуда деваться с шестерыми малышами, что всё равно уж смерть пришла. Такое бессилие и отчаяние!

Пока стало известно, что город ассигновал 1000 рублей для оказания помощи населению. Интересно, будет ли продолжаться стройка железнодорожного моста? В городе много волнений, разговоров...

Всё блестящее будущее нашего города, о котором столько говорили последнее время, казалось тогда пойдёт насмарку.

Под горой, там внизу, стоит ряд товарных вагонов, лежат кульки, мешки...

Говорят, Симбирск стоит на почвенных водах, и постепенно гора будет сползать, и что подгорным жителям остаётся только навсегда перебраться навсегда в город.

При мне в одном каменном доме вдруг раздался треск, и что-то отвалилось. Старик, который сидел на дворе, даже не пошевелился и молча смотрел на собравшихся кругом.

Почти весь Симбирск перебивал под горой.

Встреча с Пастернаком

Я ломаю себе голову, как он познакомился с Пастернаком? Причем началась эта компания после «Доктора Живаго», когда его травить начали. Вот если об Ахматовой, а отец сначала заставил меня читать стихи, я немного уже знала. Он Ахматову хуже знал. Потом брезгливо бросил под кровать газету с докладом Жданова, вздохнул и сказал: «Гениальная поэтесса». И повернулся спать. А я сидела на маминой кровати, мама возилась на кухне что-то, читала ее стихи. Это была такая реакция. А о Пастернаке он сразу сказал: «Я его знал мало, но более чистых людей я никогда не видел. Я даже читать это не буду». Я говорю: «Папа, а где ты встречался?» – «На даче». Насколько я знаю, отец жил на даче в Лесном, потому что он тогда рядом учился в политехническом институте. Но, помоему, Пастернак только под Москвой снимал дачу. Или это уже было, когда он был в коммерческом институте где-то под Москвой, я так и не поняла. Он говорит: «Приходил ко мне ночью и читал стихи Андрея Белого, никогда не читал своих. Тогда он был увлечен Андреем Белым». У отца именно такое впечатление было, как об очень высоком и чистом человеке. Насколько я понимаю, поэзия Пастернака для него была даже и трудна и, может, даже не очень интересна, хотя кое-что он знал. И конечно, когда первые стихотворения из цикла «Доктора Живаго» он привез в старости из Москвы. Причем прочитала дорожная спутница случайно и сказала: «Эти стихи не напечатаны». Говорит: «Прочитайте еще раз». Еще раз прочитал, попросил ее написать. Она сказала: «Нет, это не напечатая, я не могу». «Ну, хорошо, давайте я напишу». Со второго раза, в старости, написал. Она ему потом поправила, отец потом показывал: «Это моя спутница поправляла».

Случай с кассиром

В 1916 году отец шел с работы ночью, в 4 часа. И увидел вдруг – лежит портфель. В портфеле 50 тысяч денег. Отец нашел документ. В документе написано: кассир завода «Металлист». Там делали ухваты чугунные, делали сковороды. Вот такое делали, для населения косы делали, цепи различные делали. Вот отец нашел этого дядечку, кассира. Оказывается, он поздно получил деньги, тяжело заболел, у него была высокая температура, ехал он на тарантасе, тогда ведь тарантасы были. Ехал он на тарантасе, и у него выпал портфель, и он потерял его, сам приехал без сознания. Два дня прошло, отец ведь не сразу нашёл. Он в полицейский участок, а отец не сообщил. Почему? Потому, что бывали случаи, когда не отдавали. И потом, ведь ему самому захотелось увидеть этого человека, отдать ему деньги, чтобы не уволили с работы. И отец пошел, причем это был его участок, отец пошел к нему. Оказывается, у этого кассира четверо детей, но, как обычно, жены не работали у таких людей, кассиры получали хорошую зарплату. И он сказал, если бы мне деньги сегодня не принесли, я уже приготовил пистолет, застрелить себя. Папа спас. Но когда началась революция, отец тысячу раз помнил, что в нем не проявилось это чувство жадности к чужим деньгам. Началась революция, он же богач, был бы тут же сослан был на Соловки. Вот это его спасло. Спасло отца. Но начальник вот этого полицейского участка ему говорит: «Владимирыч, давай отдавать эти наши дома, – и он дома имел, – отдавать государству, иначе нас сошлют на Соловки». И они государству отдали.

Случай с княжной Ухтомской

Еще вот такой момент был. Отец у меня очень хорошо знал город. Я родилась, самая последняя, маме было 42 года, когда родила она меня. Вот. И так, что я была похожа характером на отца, и отец меня из всех детей больше любил. И таскал меня по городу. Почему ему вот большое спасибо, отцу, он развивал у меня интерес ко всему. Я очень много знаю историю моего города.

На улице Покровской, дом № 20, сейчас стоит на этом месте здание КГБ. Так вот, я жила в этом доме, дом был двух-этажный, подвал был такой сухой хороший, и верх был, и там жила княжна Ухтомская. Так вот, эту княжну Ухтомскую тогда отец мой спас оттого, что ее – она богатая была и хотели ее убить. Она была уже пожилая женщина, а до революции отец у меня был городской, городской – это не жандармерия, это совсем другие люди, полицейские участки – они другие совершенно. Конечно, служили всякие. Отец был городovým – это уличный милиционер, так называемый, и все. У него было место от Тути* до улицы Ленина и вот весь этот участок. Вот он ночью ходил, особенно ночью, чтобы была тишина и покой. Однажды отцу доложили, что на Ухтомскую будет нападение ночью, отец устроил засаду. Это было в 1911 году. В пятом году мои родители переехали из деревни Луговое, раньше Грязнухой называлось. В пятом году поженились в Грязнухе и тут же переехали в Симбирск. Отец был сильный и здоровый, и за силу такую, ловкость взяли в полицейский участок. Надо сказать, что отец служил очень честно, добросовестно. Вот он засаду устроил. Ее предупредили, что будет нападение ночью – не беспокойтесь, не волнуйтесь, если вдруг стрельба откроется, она пожилая женщина, вдруг с ней сердечный приступ, всякое может случиться, поэтому отец ее предупредил. Засада крепкая была. На Тутях жила семья – отец и три сына, здоровые дебилы. Эти дебилы физически работать не хотели как все, а воровать. И они были отпетые жулики, воры по квартирам, но не простого населения, а именно вот по богачам. Причем, по одиноким богачам. Но у нее там какая-то усадьба – забор только всего, это же не деревня – усадьба такая большая – дом и забор дощатый, оторви и отлетит, и все – забора нет. Их поймали всех и сослали в далекую Сибирь. Это был 1911 год. Княжна Ухтомская отцу дарит 300 рублей денег, дарит 300 рублей денег как вознаграждение. Потом подарила несколько приборов. И вот один прибор у меня остался, я храню его как зеницу ока. Это вот из столового сервиза. Это вот для столового уксуса. Вот такая штука. Это голландский фарфор. Я ее храню и сейчас, когда я буду умирать, я подарю единственному носителю нашей фамилии, это у

племянника сын, называют его Андреем, в честь папы. И вот я ему подарю, чтобы он сохранил, конечно.

Эта княжна, когда началась революция, княжна стала старая, и она сдала свой дом, чтобы ее в Сибирь не ушли, она отдала свой дом горсовету. А сама поместилась в подвале. И вот эта девочка-гимназистка, которая работает смотрителем в Киеве, рассказывала: «Я, – говорит, – иду по улице, и старушка седенькая такая на тачечке везет щепки, для зимы собирает. Я подошла, мне так, говорит, стало жалко ее, я подхожу и говорю: «Дайте, я помогу». Это был 1918 год. Она мне говорит: «Не надо. Вы гимназистка? Где Вы живете?» Она говорит: «Я живу вот по улице Покровской, 20». – «И я живу». И оказалась, это княгиня Ухтомская, вот горсовету сдала, и отцу дали квартиру на втором этаже, то есть наверху. Вот видите, как интересно в жизни бывает. Отец очень много мне рассказывал, и вот сейчас я читаю Блохинцева, я вообще люблю эту книгу, не знаю как другие, но я очень люблю Блохинцева. Он раскрывает историю нашего города, и очень многие фамилии я знаю. Здесь были фамилии Кокаревы – это были крупные купцы, первой гильдии. Здесь был дом Мамонтова на улице Куйбышева. Мамонтов дом, это Мамонтов, который отвечал за строительство железной дороги. Проходила она от Казани до Царицына, тогда еще. Через наш город пролегла эта железная дорога. И вот Мамонтов построил тогда на улице Куйбышева, тогда она называлась не Куйбышева, не знаю, как эта улица тогда называлась, там построил дом, красивейший дом. Его, конечно, сейчас снесли. Вот как раз видите, очень много было вот таких фамилий, таких зданий, историю которых я очень хорошо знала.

Как торговали в старину

Я знаю, что прадед уже жил здесь, в Симбирске. Но чем он занимался? То ли торговал, то ли держал трактир, я не знаю, отец мне никогда не рассказывал. А вот у деда был лесной двор. Дед был некрупный промышленник, начитанный, Некрасова любил и Маркса читал, но в изложении Каутского. Самого Карла Маркса он не осилил.

— Вы как-то рассказывали, что деда «заносило».

— Ну вот такой случай тоже мне отец рассказывал, этого деда я тем более не знаю, он умер после революции уже 1905 года, в 1908-09 году. По делам он был не то в Нижнем, не то в Казани. И к нему в ресторане, когда он обедал на пристанском ресторане, подошел человек и сказал: «Вам лес нужен?» «Да», — сказал дед. «Ну я могу предложить Вам такую-то партию, то-то, я такой-то». Дед договаривается и дает сюда телеграмму, чтобы, значит, его, ну тогда еще даже не управляющий, у него, по-моему, зять работал на лесном дворе, чтобы он переводил деньги срочно, без не только что накладной, не только что расписка! «Ну я не знаю его репутацию, я знаю, что это честная фирма, и раз это одна из первых поставок, это дешево, значит надо покупать, срочно переводить деньги!» Кроме рукопожатия в ресторане там ничего не было, люди видели друг друга в первый раз. Тот человек, которому нужно было продать лес, просто спросил: «У Вас бывает господин Храмцов?» — «Вот он, они кушают». Подошел, познакомился, фирма была известная. Даже вот такое было.

Петровки в Симбирске

Пятница. Петровки. Следовательно, должна быть сухая, жаркая погода. Такой я помню эти дни, когда жил в Симбирске. Крестьяне заняты сенокосом на Поповом острове на Волге и в лугах в пойме реки Свияги. Им надо было спешить: ведь приближается жнитво хлебов. Это было обычно в первых числах июля по старому стилю, на так называемую «Казанскую». В Симбирске в те далёкие годы была летняя ярмарка. Съезжались из разных городов Поволжья, Башкирии много торговцев и приходили жницы.

Сашка Керенский

У деда умерла жена, она работала на Ишеевской фабрике. Остались у него на руках дети, и подался он в город. Устроился в гимназии дворником, когда директором был ещё этот Керенский. Отец того самого. И он был с моим отцом почти од-

ногодок. И вот этого Сашку Керенский, как мой отец называл его, за то, что он провинится в каком-нибудь деле, наказывали: надевали на него Ванькины (моего отца, значит) штаны и лапти. Это была самое большое наказание за какую-нибудь оплошность будущего премьер-министра.

И вот как-то, я помню, стояли мы с отцом на углу улиц К. Либкнехта и Матросова во время манифестации. А это было уже приблизительно в Февральскую революцию. Ну, отец и встретился с одним другом. Друг-то подходит к нему и говорит:

– Ты слышал, Иван?

– Чего?

– Керенский-то в цари лезет!

– Как? Этот рыжий?!

– Да, вот этот рыжий!

Елка у Орловых

Во дворе у нас, где мы жили, жила семья барона Таубе и в другом доме – семья белогвардейского офицера Кулибякина, сын у них был кадет.

Как-то раз Орловы устроили елку. Семья у них была очень большая: четыре дочери, приемная дочь Люба и сын. Из всей семьи меня любили старшая дочь Катя и сын Костя. Они прибежали на кухню и стали просить маму отпустить меня на елку. Мама мне сказала, чтобы я не ходила, так как она считала, что они господа, а я дочь кухарки, но все же они уговорили ее, и я пошла. Орловы занимали целый дом. В зале стояла большая нарядная елка, все были нарядны. Было много молодежи, все веселились, затем начались танцы. На первый танцевальс, меня пригласил сын барона Таубе Владимир. Вдруг, во время танца, меня отзывает «барыня» (хозяйка), так она всегда велела ее мне называть, говорит мне, чтобы я ушла на кухню, что мне у них нечего делать. После этого мне стало так обидно и стыдно, я заплакала и побежала. Молодежь удивилась, почему я ушла, а Катя и Костя прибежали опять за мной, но мама меня больше непустила. Я же не виновата была, что эти господские сынки за мной ухаживали, сама Елизавета Михайлов-

на (барыня) старалась всегда подчеркнуть, что я нищая, всегда намекала моей маме, что она меня балует, хорошо одевает, по-видимому, ее брало зло – дочери у нее были неинтересные. А мама ей отвечала: «А чем моя дочь хуже Ваших дочерей, у меня она одна, вот я ее и балую, потому, что она и так не видит ничего хорошего, как Ваши дети».

Третье сословие

В Симбирске были определенные круги, где все друг друга знали. И вот папа мне рассказывал. Это было в его студенческие годы, еще до революции. Приходит он в театр и встречается там с губернатором, который отца знал. Губернатор так покровительственно: «Что вы читаете, молодой человек?» – «О третьем сословии». (Отец тогда увлекался историей Французской революции.) – «Да, молодой человек?! А вы знаете, у меня в прошлый раз третье сословие бинокль спёрло!»

Как у меня сгорели туфли

Когда мама моя работала у отставного генерала Орлова, мне было лет 15-16. Как-то раз я попросила маму купить мне туфли на каблучке. Она сказала: «Рано тебе еще носить туфли на каблучке. Будешь постарше, тогда еще посмотрю». Когда мне стукнуло 17-18 лет, я говорю маме: «Ну как, теперь-то мне не пятнадцать? Так хочется иметь хорошие туфли. Купи, пожалуйста». Она подумала, потом говорит: «Ну ладно, пойдем в магазин». И купила мне лакированные туфли, сказав при этом: «Смотри, береги их». Я так была рада, что решила пойти в театр. К нам в Симбирск на гастроли приехала замечательная балерина Пельцер. После спектакля, вышла на улицу, а там шел сильный дождь. Я, конечно, промочила ноги. Пришла домой, а, чтобы мама меня не видела, я поставила туфли на остывшую духовку. Утром мама растопила плитку. Я о них совершенно забыла. Потом слышу, чем-то пахнет. Мама открывает духовку и достает скорчившиеся мои туфли. Показывает их мне и говорит: «Ну, вот теперь я тебе туфли долго не куплю, ходи в лаптях». В Симбирске только что появилась мода

ходить в русской одежде: сарафан, блуза и венок из цветов и лент. На ногах – лапти. Что мне делать? Раз такой случай, надо не отставать от моды. Я говорю маме: «Дай мне свой сарафан, я его переделаю под твоим руководством, и купи мне лапти». Она вынула из сундука свой красивый девичий шерстяной сарафан бледно-розового цвета, красивую кисейную блузу и ленты. У меня получился замечательный русский костюм. Сделала венок из цветов с лентами. Одев все это на себя, пришла в восторг. Косы у меня были длинные, я вплела в них ленты и так была рада, что забыла про свои испорченные лакированные туфли. Алексей к нам приходил, мама его очень хорошо знала и любила. Я должна была выйти за него замуж. Однажды он пришел, а я ему говорю: «Алексей, сейчас пошла мода ходить в русской одежде: сарафан и лапти. У меня все есть. Ты пойдешь со мной гулять?» Он говорит: «Конечно, пойду». И вечером мы пошли с ним на Новый Венец – это место было для гуляния, там всегда играл духовой оркестр. Пара у нас была интересная. Алексей был красивый юноша, у меня сохранилось его фото тех лет. О себе я уже и говорить не буду. Когда мы гуляли, все на нас смотрели. Оказывается, я была среди гуляющих первая в своем русском наряде. Вот так и ходила в своем наряде. Погода стала меняться, пошли дожди. Мама мне и говорит: «Ну, пойдем в магазин, я куплю тебе туфли, только уж не лакированные». И купила мне коричневые туфли.

Улица кормила политических заключенных

Тюрьма. Улица Верхняя Набережная, сейчас ее снесли. Мы там жили: одиннадцать домов было, и тюрьма как раз уходила, тюрьма там на 12 Сентября стоит, а ее двор уходил в наш забор. Мы забор сами не делали. У нас был дом, большой сад. Отцу начальник полицейского участка сказал так, когда он получил триста рублей денег: «О, Владимирыч, ты должен построить дома и пускать квартирантов». И отец, послушав его, построил четыре шатровых дома. Шатровые – это длинные дома. Вот эти дома отец сдавал квартирантам. Таким образом, отец становился богатым. В шестнадцатом году, не-

смотря на это, зарабатывал деньги только честным путем. Рассказывала мама нам уже позднее: однажды она пропалывала грядки и услышала писк ребенка. Она отодвинула, отодрала доску, знала, что туда присылали арестантские роты. Двор назывался «арестантские роты». И мы все всегда говорили в ответ: «Куда пошли играть?» – «На арестантские роты». Это значит, во двор тюрьмы. Бывший двор тюрьмы это был двор для политических заключенных. Вот их пригоняли сюда, политических заключенных, они под открытым небом были, дождь лил, что ли там было, их не кормили почти. И вот однажды мама-то услышала писк. Отодвинула, а там стоит женщина, вот прям как воск желтая, ребеночек на руке и вот она вытащила грудь. Грудь, говорит, была плоская, молока не было, и сама она, говорит, по всей вероятности, туберкулезная. Папа вечером пришел, он в одежде городского, мама ему все рассказал. Он пошел, он имел право туда заходить. Пошел, нашел эту женщину и сказал: «Стой всегда здесь». А у нас была корова, потому, что это окраина была. И стали давать молока, для ребенка бутылочку, сосок тогда не было, а просто бутылочку давали молока и вот подпаивали ее. Потом отец, тоже надзиратели были не все плохие, не все плохие. Были очень люди, которые не могли выдержать вот то, что они идут в такой тяжелой обстановке, ноги у них без обуви, потом такое страдание этих революционеров. И надзиратели тоже относились хорошо. По улице народ здесь жил зажиточно, не богато, но и не бедно. Папа организовал супы варить им. А у всех были свиньи, коровы были, а для свиней вот огромнейшие чугуны в печку ставили. И вот ставили эти чугуны, варили картошку, щи, пусть забеленные молоком, или там, сметаны тогда не было, сливками забеленные были, с яйцом, не мясные, конечно. И вот носили ведрами и кормили там политических заключенных. И об этом знали начальники тюрьмы, и полицейские просто сквозь пальцы смотрели. По всей вероятности, тоже жалко было. Надзирателей было совершенно мало, но побегов совершенно не было.

Помощь учителю

До третьего класса я учился у учителя, всеми любимого, и брат мой у него учился, – это Матвей Васильевич Губернский, симпатичный такой старичок. Мы его очень любили. Когда он заболел сильно, то почти все ученики навещали его в больнице. И в тяжелые дни, а тогда были тяжелые дни, – это первая империалистическая война, первый год революции, жили тяжело, в школу мы носили дрова с собой. Ну а учителя поддерживали, кто чем мог. Мой папа раз послал ему подарок, а учитель жил тогда на улице Большая Конная, дом № 90, сейчас это улица Крымова. Отец послал полпуда муки ему для того, чтобы человек мало-мальски концы с концами сводил.

Заутренняя

Помню, была Пасха. К нам пришел Алексей. Я маме говорю: «Мама, мы пойдем к заутренней в церковь!» А с Алексеем договорилась, что в церкви далеко заходить не будем, а встанем у входа, чтобы быстрее выйти, потом пошли гулять по Гончаровской улице, а к концу службы обратно в церковь. Поцеловали плащаницу, батюшка помазал нас чем-то душистым лоб, и мы ушли. Пришла домой, мама мне говорит: «Вы, наверное, не ходили в церковь, а гуляли?» Тогда я дала ей понюхать лоб, и только после этого она поверила мне. Мама у меня была очень хорошая, тихая, добрая, но в то же время строгая, так что иногда мне приходилось говорить неправду, хотя и знала, что это нехорошо.

Коньки

Катались на одних санках, тут горабыла у нас в овраге к ручью, реке Симбирке. Катались и брали взаимно друг у друга, понимаете ли, коньков у нас не было, но самодельные такие, назывались колодки: деревянные, обтянутые проволокой, как у коньков. Мы обменивались опытом, как лучше сделать.

Катания на чухне

У мальчика из Панской*, откуда я, была чухня*, и мы детей катали все время. Очень хорошо или чуть-чуть, да чего чуть-чуть, чуть попали в аварию. Во всяком случае...Шел отряд солдат, отряд солдат... и мы первую шеренгу всю «подчистили». Они упали и хохотали. А я испугалась, потому что я сидела впереди, потому что я беспокоилась за других, за других. Ну, за себя я никогда не беспокоилась, что-то не пришлось так вот думать за себя.

Мама шьет, а я пляшу

Мама портниха была. Так я уже поживее была, подходила к ней, смотрела, она все-таки развеселит ребенка, вот. До сих пор действительно помнится. «Ну а ты спляши», – говорит она. Значит, машина у нее стоит, она шьет, а чтобы мне было не скучно, я приседаю около машины. Вот я до сих пор помню, а это было мне не больше 5-6 лет.

Папа – ученик сапожника

Бабушка жила здесь, в Симбирске. У нее было, у бабушки, трое всего, одна девочка и два парня. На лето их отправляли в деревню работать, потому, что из деревни они привозили муку и чего-то там еще, и надо было в деревне работать. Папу она отдала в сапожную мастерскую, к сапожнику учиться, когда ему было десять лет. Он был старший в семье. Ну, вот он вспоминает, вообще он не любил вспоминать это время, потому что из семьи он уходил один работать. Она ему сказала, что ты уже большой, я кормить тебя не могу. Иди. Она договорилась с этим сапожником, что он его будет кормить. И дома он уже не ужинал, потому, что дома, просто-напросто, ему уже не давали есть, он был лишний рот.

Моя бабушка – горничная губернского прокурора

Мамина мать жила в деревне, и у нее, когда ей было 7 лет, умерла мать, а в семье было детей много, отец женился второй

раз, и всех своих детей роздал. Одних отправил в мастерские учиться, других, сыновей, на железную дорогу. Ну а бабушка моя была самая младшая в семье, вот ей было 7 лет, и ее отдали в няньки. Ну, наверное, это нянька была, чтобы только смотрела за ребенком. Я так понимаю. Но, видимо, она попала к хорошим людям, потому, что в 13 лет ее перевели в прислуги к тем же детям. Какая роль прислуги, я не знаю, но она выучилась писать, причем писать по-русски и по-немецки, выучилась и читать по-русски и по-немецки. А потом она с этой семьей переехала в Самару и у них была, видимо, до 18 лет. Потом она заболела и заболела надолго. Ее положили в больницу, и она сказала своим хозяевам, чтоб они не ждали ее и нанимали другую прислугу. Когда она вышла из больницы, они дали ей рекомендательное письмо сюда, к губернскому прокурору, чтобы ее здесь взяли, в Симбирске. Ее сразу взяли старшей горничной к губернскому прокурору. Семья очень богатая, но и должность, безусловно, большая – губернский прокурор. И их там было только двое. Они дежурили, через сутки дежурили, ходили по дому, ну там, может, где-то юбка валяется, где-то, может быть, платье повесили, – все это убирать. Могли сказать прислуге: «Там вот надо вытереть пыль, там вымыть, там почистить». И принимали гостей они. Ну, она говорила, что работать приходилось допоздна, потому, что проводить гостей надо, а они обязательно дадут копеечку.

Из монографии М.Г. Матлина
«СМЕХ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СВАДЬБЕ 19-21 вв.»:

**Смех обмана и розыгрыша в сценках
со свадебным ложным персонажем**

Постельники на свадьбе (у дома невесты) 1960 г.

Очень ярко обман-розыгрыш проявлялся в разнообразных актах и обрядовых сценках со свадебным ложным персонажем. Под ним мы будем понимать участников свадьбы, связанных или нет родственными отношениями с родом жениха или невесты, которых презентуют или которые сами себя презентуют за жениха, или невесту, или за брачную пару. Эта презентация в некоторых вариантах одновременно была специфическим смеховым ритуально-игровым испытанием одной из сторон брачного процесса.

В этих свадебных сценках наиболее полно воплощается один из универсальных принципов комизма, о котором писал в свое

время В. Я. Пропп. «Принцип этот давно осознан и получил название “*qui pro quo*”, что в смысловом переводе означает “один вместо другого”. На этом основан широко распространенный в старинных комедиях мотив переодеваний, выступления в чужом обличье, когда одних принимают за других. Обычно такие действия сопровождаются некоторым обманом» [Пропп, 1999, с. 146].

Приведем в качестве примера одно из современных описаний этой сценки.

Жених со свадебным поездом приезжает в дом невесты. Невеста и несколько ее подружек одевают на левую руку перчатки (варежки), и их всех вместе накрывают большим платком. Жених, войдя в сени, должен отыскать невесту под платком. Если жених берет за руку в рукавчике другую девушку, то она ему говорит: “Хороша Маша, да не ваша!”. Если жених берет за руку невесту, то подружки говорят: “Наша княгиня по саду гуляла, ключи потеряла”. Тогда сваты отвечают: “Наш князь новобрачный по саду гулял и ключи подобрал открывать ворота!” С невесты снимают платок. Едут из дома невесты под венец [Традиционные обряды..., 1985, с. 210].

Подобные сценки с ложным персонажем зафиксированы на всех этапах свадьбы и практически во всех ее наиболее значимых и важных обрядах. Об этом, в частности, писала А. М. Кальницкая, отмечая, что среди довенчальных обрядов можно выделить «обряд “угадывания” невесты женихом, время проведения которого колебалось от сговора до девичника» [Кальницкая, 1984, с. 49].

Важно и то, что все эти сценки создавались с явной и осознанной установкой на смех, смеховой была и реакция воспринимающей стороны.

2.1. Сценки с ложным персонажем в системе свадебных обрядов

Как было отмечено выше, сценки со свадебным ложным персонажем встречаются практически на всех этапах свадьбы, являясь важным смеховым элементом отдельных обрядов.

Сватовство.

А она [невеста — М. М. Г.] в чулане, а то в шабрах [соседях — М. М. Г.] сидела. А сватам-то выведут для смеха, намалюют. А те говорят: «Нет, не наша» [НАФ]. (Ульяновская обл.)

Ну ани от заходять: «У вас есть тавар, а мы пришли свой тавар вам показать, давайти пасмотрим (прятали, истествина, куда падашьы), у нас хароший тавар, а у вас, пакажити свой?» — «Да у нас ничево нету». — «А если мы пайищим?» — «Ну, пайицити». Ани за дверью прятали, ну жених хоить, ани пацтавных, какую-нть толстую вазьмутъ, паставять. Он гаварить: «Мне такая не нужна». Там ишо какую-та там старую, он — тоже ни нужна, вывадил, каторая нужна, вывадил: «Вот ана». Ну и радители спрашивали: «Сагласна ты выйти за ниво?» Ну ана, если нравился, гаварит: «Да». Сажали их рядышкам и начинали выпивать. [Материалы международных..., 2013, с. 21]. (Волгоградская обл.)

Сговор.

В этот вечер, когда собираются на «сговор», родители благословляют жениха и невесту, причем невеста плачет. Прежде чем начать пир, подруги вводят невесту и становятся в ряд. «Большая» из подруг спрашивает жениха, называя его по имени, кто из них его невеста? «Угадывай, какая твоя?» — говорит она [Ефремов, 1927, с. 26]. (Курская губ.)

Смотрины.

На смотреинах сваха зазывала словами: «Сватушка, сватушка, нам невесту покажите, нашего жениха поглядите». А моя сваха отвечает: «Жениха выдали, поглядите невесту». И выводили чучело. Дружка: «Это не наша, у нас была лучше!» Потом вывели меня. Жених отвечает: «Это моя суженая, это моя ряженая» [МВВ, 1996]. (Ульяновская обл.)

Запой.

Это когда вот запьют, когда за стол сядут, когда жених сядет, придут жениховы родители, все сядут, тут надо невесту выводить. Ну уж это зоровали, просто зоровство. Другую нарядают, а то какого мужчину нарядают да выведут. Смех, ну уж это смех. Невеста там где-то, а заместо. «Ой, нам этого не надо! Нам давайте свою невесту». Вот это смех, шутки. Тут уж невесту выведут. Смеются сидят, это смех, это ж все знают —

сейчас выведут они не невесту, а другого чё-нибудь [МАМ, 2001]. (Ульяновская обл.)

Посещение девушками дома жениха накануне дня венчания.

За мылом ходили вечером. Соберутся девчонок пять и одного чудного какого-нибудь парня, он чудить может. А жених спрячется, тоже за себя другого заменит. Там усядутся. «Ну выходи жених за мылом». Он выходит. «Ой, нет, нет, это не наш! Эт не жених, эт не хороший! Нет, нет, не жених». А он наряженный, чем-нибудь подпоясанный, длинну рубаху наденет. «Я жених». — «Нет, нет! Ты не красивый. У нас жених красивый». А тут уж выводят его, как царь выходит. «Вот этот уж наш» [ЧТИ, 2001]. (Ульяновская обл.)

В некоторых селах смеховое начало в этой сценке усиливалось. Во-первых, благодаря тому, что подменным женихом был не парень, а старик или даже женщина. Во-вторых, исполнитель роли жениха мог ради усиления комического эффекта изображать различные физические недостатки.

У жениха в это время собирались его друзья. Все они прятались в чулан. Девушек встречала сваха. Спрашивала, что им нужно.

— Зачем, девки, пожаловали? Аль давно не виделись?

— Жениха пришли поглядеть, может, не понравится.

— Да жених хоть куда, посмотрите, не жалко.

И сваха выводила из-за печки старика, который изображал хромого и косого.

— Нет, чур-чур, не такого, — говорили девушки

— У нас других не водится.

— А мы в чулане поищем.

— Я сама погляжу.

И сваха выводит по одному из чулана друзей жениха, приговаривая:

— Чем не хорош? Чем не пригож?

— Хорош, да не наш. Чужого не надо, — отвечали девушки.

Последним выводится жених [ЦМА, 1979]. (Ульяновская обл.)

Иногда в доме жениха, завидев девок, гасят огонь и запирают на засов. Девушки возьмут смольё, перелезут через плетень и зажгут смольё, тихо войдя в избу. Родственники жениха ругаются: «В избе не дымите!» Спешат зажечь лампы. Жених пря-

чется в чулан. Подруга невесты приходит с «оборой» — веревочной меркой, чтобы снять мерку с жениха. Вместо жениха выходит баба, наряженная женихом. Подруга невесты: «Нет, не наш!» Раз пять выводят подменного жениха. Подруга невесты стоит на лавке с оборой, меряет жениха и всякий раз говорит: «Нет, это тоже не наш!» Иногда товарищи жениха отвечают: «Ваш уехал в лес за грибами!» Девки настойчиво требуют: «Давайте жениха!» Наконец, выходит настоящий жених. Подруги невесты: «Это наш!» [ГЛМ, 1979]. (Ульяновская обл.)

В-третьих, ложный жених часто использовал одежду, предметы, призванные вызвать смех у окружающих. Это могла быть старая, рваная одежда, редька или картошка вместо мыла и т.п.

После мерки девки надевают на жениха худую рубашку — дырявую, с цветами, пояс из мочала. Все смеются, а жених даёт девкам печатку мыла. Мыло вырезают из редьки или картошки, иногда вырезают деревянную чурку и заворачивают в бумажку духовую. Девки развернут: «Нет, мы знали!» Жених даёт им хорошее мыло, тогда они отдают ему хорошую рубашку [ГЛМ, 1979]. (Ульяновская обл.)

Посещение женихом дома невесты.

Жених приходит вместе с отцом, матерью, крестным, крестной, двумя друзьями, каравайниками и толпой сродников. Идут к невесте «выкупать рубаху». Они садятся за стол, а девушки, подруги невесты, начинают «срамотить» их. Их угощают брагой. Друзки выводят жениха из-за стола и подводят к трем накрытым девушкам, сидящим в куту. Он должен угадать, которая невеста и угостить ее. Подносят стакан браги. Но его выхватывает позыватая и раскрывается. Все кричат: «Не угадал, не угадал! Обмишурился!» Позыватая пригубливает брагу и говорит: «Что-то легок стакан!» Дружка кидает туда деньги. Позыватая начинает пить и давится: «Ой, горько! Видно, брага не цеженная». Жених целует ее. «Сладко!» Она выпивает остальное. Опять подносит жених стакан и его берет другая позыватая. Та же история. Наконец, стакан получает невеста. Теперь обычно она тут же сбрасывает платок, а раньше ее «закрыткой» вели «под матку» (матицу). Там жених с

невестой кланяются друг другу [Гаген-Торн, 1926, с. 183-184.]. (Тамбовская губ.)

Девичник. Накануне дня венчания.

Вскоре после обеда жених с дядькою выходят в сени. Сваха и младший сват (со стороны невесты — примеч. автора) покрывают холстом девушек, всех, сколько случится на девичнике. Является жених. Обошедши несколько раз породовно, он должен узнать свою нареченную. Узнавши стаскивает покрывало и по приговору игриц-певец должен непременно поцеловать ее в уста сахарные [Ханыков, 1843, с. 238]. (Орловская губ.)

Выкуп невесты в день венчания.

Подруги загораживают невесту и не подпускают к ней никого, требуют выкуп. Или же сажают несколько девушек, накрывают их фатой. Жених должен угадать, которая невеста. Если жених ошибается, должен заплатить дань 2-3 рубля. Наконец, когда жених угадает, которая невеста, или девушки будут довольны выкупом, то они отпускали невесту к жениху [АМП, 1995]. (Ульяновская обл.)

Поиски ярки / телочки на второй день.

Ну, зашли. Туда-сюда, а ани нарядили парня в невесту и пасадил за стол. Ну, я падашла <...> и гаварю: «Нет, это ни мой. Эта ярка, — гаварю, — ни наша!» [УНК, 2001]. (Ульяновская обл.)

Ложный свадебный персонаж и сценки с ним отмечены в свадьбе Тамбовской, Нижегородской, Орловской, Калужской, Самарской, Симбирской губерний, Тверской, Владимирской, Новгородской, Архангельской, Саратовской, Оренбургской, Псковской, Ульяновской областях, Республике Коми, Республики Мари-Эл и др. регионах России. Присутствовала эта традиция в украинской свадьбе [Рыбский; Lozinsky 1835; Леньо 2015; Литвинова-Бартош 1900].

Так, например, в Подольской губернии на второй день свадьбы родители невесты шли в дом к жениху. Им навстречу высылают жениха, который просит их в хату. Родители невесты не соглашались пить водки до тех пор, пока им не покажут невесты. В хату вводят одетую невестой дружбу; он скачет на

стол, чтобы перелезть через него и сесть вместе с гостями, но родители невесты узнают его [Зеленин, 1916, 1081].

Зафиксирована она в белорусской свадьбе.

Адразу ж пасля ачэпін маладую, сваньку і дружку накрываюць кужэльным палатном; зрабіўшы гэта, бацькі маладой выходзяць у сень, дзе звяртаюцца да зяця так: «Хадзі, мой зяцько, да хаты, ужэ наша сванька ўсю работу зрабіла, маладу Марыську на маладзіцу прыбрала, пад тонкі і белы падарак схавала. А я не магу знаці, дзе сваго дзіцятка шукаці, можа ты хучэй узнаеш, можа лепшае шчасце маеш». І ўзяўшы зяця з абодвух бакоў пад рукі, вядуць у хату, дзе завешваюць шчыльна вокны, каб было цёмна. Маладога падводзяць да накрытых кабет, якія сядзяць, і ён, зняўшы з галавы шапку, імкнецца папасці ёю ў маладую. Добра яшчэ, калі адразу натрапіць, у адваротным жа выпадку мусіць плаціць штраф, які забірае сванька. Цырымонія гэта адбываецца не больш як тры разы, пасля чаго маладога саджаюць на адной лаве з маладою. Паміж імі сядзе сванька, якая ізноў дамагаецца ад маладога выкупу — за тое, што маладую людзьмі зрабіла [Федароўскі 1991, с. 71].

Распространена была эта традиция и в польской народной свадьбе.

I tu także jak gdzieindziej, powtarza się zabawka przebierania trzech niewiast za pannię-młodą. Jeżeli i pan-młody swoją odgadnię, wtedy tańczy z nią w pierwszą parę i małżeństwu jego rokuje szczęście i pomyślność. Gdy nie odgadnie, wstyd dlań wielki; więc odgaduje kto inny, a jeżeli odgadł, tańczy z nią w pierwszą parę, a młody tańczy z nią na końcu, zmuszony wykupić ją od zwycięzcy.

Здесь, так же, как и везде, повторяется забава — выбирать их трех невест новобрачную. Если и жених угадывает свою, то танцует с ней в первой паре и брак его будет счастливым и процветающим. Если не отгадает, очень стыдно за него; затем отгадывает кто иной, и если угадает, то танцует с ней в первой паре, а жених танцует с ней в конце, вынужден покупать ее у победителя» [Kolberg 1876, p. 236].

Существовала она и у других славянских народов: словаков [Брак у народов..., 1988, с. 50], чехов [Брак у народов..., 1988,

с. 59], лужичан [Брак у народов..., 1988, с. 72-73], народов Югославии [Брак у народов..., 1988, с. 117].

С приближением вечера поезжане со стороны жениха собираются в его дом, чтобы вместе идти за невестой. Среди них находится и «starejibinka» или «posnahnica», на обязанности которой и лежит привод невесты в новый дом. В доме невесты между тем собрались ее поезжане. Между жениховыми поезжанами и поезжанами невесты начинаются переговоры. Первые просят переночевать. Им отвечают: «Вас слишком много. Да и Бог знает, кто вы? А разбойников мы не можем и не хотим принимать». Тут среди разных шуток требуют, чтобы привели и выдали невесту. «Невестина старейшина» выводит им разных женщин, как бы желая утаить от них настоящую невесту. Наконец выходит и сама невеста, неся в руках рюмку вина, покрытую красным платком. С появлением невесты музыканты начинают играть что-нибудь веселое. «Невестин старейшина» подводит молодую за руку к жениху, чтобы подать ему платок, затем трижды обводит ее вокруг жениха и наконец оставляет их друг перед другом [Janko, 1890, с. 26].

Таким образом, перед нами общеславянская свадебная традиция, бытование которой по записям XIX — XX вв. характеризуется многообразием и разнообразием участников и действий, но при этом обязательным является смеховое начало.

2.2. Типология сценок со свадебным ложным персонажем

Смех мог вызывать как сам персонаж, так и его действия, и действия с ним. Ложный персонаж создавался при помощи переодевания или без него, его лицо могли закрывать или оставлять открытым, размещать на месте подлинного вместе с ним или вместо него, устанавливать его ложность мог брачный партнер или представитель рода жениха или невесты и т.д. Тем не менее все это многообразие можно свести к нескольким типам. Одним из первых это сделал Е.Г. Кагаров. В работе «Состав и происхождение свадебной обрядности» он выделил три разновидности традиции. «с) Обычай выставления мнимых женихов и невест. Дружки подводят жениха к трем накрытым девушкам, сидящим в углу; он должен угадать, которая из них невеста, и угостить ее (Мат. 183). Перед-

ко сажают бабу или старуху, переряженную и накрытую шалью; она вопит; дружка платит за нее деньги и просит посадить настоящую невесту (Мат. 103 и прим. 1). А иногда выводят переряженного мужчину (Мат. 105)» [Кагаров, 1929, с.162-163].

Однако, как показывает материал, русская свадебная традиция гораздо богаче этих разновидностей, а типология, предложенная ученым, не покрывает этого многообразия и не имеет более или менее четкого основания. Анализ более 50 записей этой традиции позволяет выделить два основных типа сценок: ложный персонаж замещает подлинного, презентуясь вместе с ним, и ложный персонаж замещает подлинного презентуясь вместо него. Внутри них, соответственно, выделяются подтипы в зависимости от своеобразия создания образа ложного свадебного персонажа и его действий или действий с ним. В итоге выстраивается следующая типология сценок с ложным свадебным персонажем.

Первый тип.

1. Свадебный ложный персонаж или ложная брачная пара размещаются вместе с подлинным. Брачный партнер или представитель его рода должны угадать подлинного.

1.1. Лицо свадебного ложного персонажа и подлинного закрыто.

1.1.1. Ложная невеста / невесты и подлинная стоят или сидят рядом.

После таких прибауток девицы отпирают сени, и дружки, громко побрякивая колокольчиком, входят в дом невесты. Невеста же в это время куда-нибудь прячется, ее прикрывают разной одеждой; по обеим сторонам ее садятся вернувшиеся из сеней девицы, которые тоже закрываются платками, и дружкам предоставляется отыскивать ту, которую им надо. Снова с шутками и смехом они приступают к розыскам невесты и сначала пересмотрят всех подруг ее, а уже потом найдут будущую «княгиню». Удостоверясь, что она жива и здорова, дружки, угостив лакомствами девиц за открытие сеней и пожелав невесте и ее родным спокойной ночи, уходят на свою квартиру, где и остаются до утра. Невеста ложится спать по-

следнюю ночь в родительском доме [Гл., 1913, с. 805]. (Архангельская губ. День предшествующий венчанию.)

Сваха и младший сват (так называют свата со стороны невесты), покрывают рядом (холстом) всех девушек, сколько бы их ни было на девичнике. Вслед за этим является жених, который непременно должен узнать между покрытыми девицами свою нареченную, — для этого он обходит несколько раз всех поочередно. Узнав невесту, сбрасывает с нее рядом и целует по приговору певиц во уста сахарные. Тогда садятся молодые за стол [Терещенко, 1848, с.197]. (Орловская губ. Девичник.)

1.1.2. Ложный жених / женихи или невеста / невесты лежат накрытые вместе с подлинным / подлинной с головы почти до самых ног.

Невеста искала на второй день жениха. «Путали ноги»: клали жениха и бородатого мужчину, одевали одинаковые носки [НФИ, 1993]. (Ульяновская обл., Второй день.)

Невесту прятали. <...> Когда найдут, то жених должен был отыскать ноги невесты. А ноги-то перепутывали [ШДФ, 1996]. (Ульяновская обл. Второй день.)

1.1.3. Ложная брачная пара сидит рядом с подлинной. Они накрыты полотном. Свекровь угадывает подлинную брачную пару. Далее (после совершения обряда «окручения», «повивания» молодой по возвращению с венчания — М. М. Г.) следовал игровой эпизод, имитировавший поиск молодых свекровью, аналогичный эпизоду «поисков суженой» женихом среди девушек, сидящих под покровом: «...невесту сажают на стул, крестная мать снимает с нее венок и надевает на голову старшей девушке, чтобы она в следующем году вышла замуж. А невесте на голову повязывают платок. Затем берут полотенце, сделанное руками невесты, и связывают им жениха и невесту... Потом жениха и невесту и другую пару (отдельно) прячут под скатерть, простыню, и мать жениха должна угадать где её дети. За это невеста благодарит её подарком. Свекровь поет, танцует. Потом молодые отправляются в спальню, откуда затем выносятся рубашка молодой [Плошук, 2000, с. 163]. (Псковская обл. День венчания.)

1.2. Лицо свадебного ложного персонажа и подлинного не закрыто.

1.2.1. Ложная невеста / невесты и подлинная одеты каждые в свои платья.

В этот вечер, когда собираются на «сговор», родители благословляют жениха и невесту, причем невеста плачет. Прежде чем начать пир, подружки вводят невесту и становятся в ряд. «Большая» из подруг спрашивает жениха, называя его по имени, кто из них его невеста? «Угадывай, какая твоя?» — говорит она [Ефремов, 1927, с. 26]. (Курская губ. Сговор.)

1.2.2. Ложная невеста / невесты одеты в одинаковое платье с подлинной.

Заметим тут, что невесту, «затерявшуюся в девках», трудно узнать, ибо она в этот момент одета, как все. Невестина головного убора на ней нет, лицо открыто, и сарафан на ней обычный — шерстяной, коленкоровик или ситцевик (но не будничный крашенинник и не праздничный дорогой атласник) [Балашов, 1985, с. 119]. (Вологодская обл. Выкупы.)

Едут с наряженным женихом невесту брать. В воротах как застучат, сейчас невеста «поднимит голос»: «Кормилец-батюшка, что ж ты на mine так разгневался? Что ж ты mine так няволишь?» Жених с дружкой идут прямо в светлицу. А девушки подвязали сами себе такие платки, как невеста, и сами так понарядились: «Узнавай, — говорят жениху, — свою сужинаю и свою ряжинаю; выкупи ее». Жених долго старается понапрасну узнать невесту. «Да ты отдай нам полштоф вина! — говорят девушки. — Не скупись! Мы тебе пярину набивали, мы тебе рубашку шили» [Добровольский, 1902, 217]. (Калужская губ. Выкупы.)

1.2.3. Ложная невеста / невесты одеты одинаково с подлинной невестой, но у ложной невесты / невест или подлинной имеются отличия в деталях одежды.

Вечером к невесте привозят жениха на «ладины». «Гуляют» на ладинах целую ночь. Обыкновенно на ладинах подаются пироги. Жениха сводят с невестой. Жених еще не знает невесты, а должен ее угадать. Сидит невеста посреди 10 девок, и жених узнает ее. «Затемляет», потому что невеста подпоясана, а ее товарки распоясаны; невеста лучше других девушек убрана, «начупурина»; невеста выпускает из рукава полотенце. Жених быстро подхватывает невесту и, не обращая на нее никакого

внимания, выводит на середину... [Добровольский, 1905, с. 382]. (Орловская губ. Ладины.)

1.3. Жених / невеста закрывает / завязывает глаза или в темноте наощупь должен / должна угадать суженую / суженого среди нескольких девушек / парней.

Вот еще в узнавайку играли. Невесту в круг посадят, глаза завяжут, а перед ней мужиков выставят, вот она с завязанными глазами руками-то жениха своего и ищет. Ой, стыда-то сколько было. Я как начала-то мужиков-то трогать, дак так вся и покраснела, стыдобища [Подюков, 2004, с. 66]. (Пермский край. Второй день.)

Когда последний курник съеден, бояре, жених — все выходят из-за стола, прощаются, приглашают красных девиц к себе ужинать и уходят. Тем временем невеста, пробравшись в куть, меняется наскоро с какой-либо девицей одеждой, платком: девицы тушат в куте огонь и возможно скорее прячут невесту меж себя; а когда жених уже у порога, они поют:

Воротися, Сергей Корнилович, (имя и отчество жениха)

Без тебя Анна Степановна соскучилась,

Рукавицы на спичке оставил.

Жених возвращается в куть и в полутьме ищет между девицами невесту, чтобы поцеловать; если же он ошибается и целует другую девушку, то над ним смеются. Это повторяется три раза, т. е. три раза девицы поют: «воротися», и жених возвращается целовать невесту, девицы же каждый раз перемещают ее на другое место, меняются платками, чтобы обмануть жениха. За третьим разом жених оставляет невесте копеек 20–30, и они все уходят [Розенбаум, Арефьева, 1900, с. 104-105]. (Енисейская губ. Вечерка накануне дня венчания.)

2. Свадебный ложный персонаж или ложная брачная пара однократно или многократно презентуются, или самопрезентуются вместо подлинного / подлинных. Брачный партнер или представители его рода отвергают ложного персонажа или ложную брачную пару и тогда выводят подлинного / подлинных или подлинную.

2.1. Ложную невесту или ложную брачную пару сажают вместо подлинной.

2.1.1. Ложную невесту сажают.

А пока торговались, меня отодвинули, а на мое место села бабка и накрылася. А когда сказали жениху: «Покажи, что выкупил!» — он открыл, а там сидит бабка и зубы расселила!». Для такого сюрприза «подсадную» невесту заранее прятали под стол или держали поблизости за занавеской.

Осмысление эпизода с «подставной» невестой как розыгрыша вызвало к жизни свадебную припевку об обманутом свате: «А мы свата обманили, И невесту подменили!» [Площук, 1991, с. 154]. (Псковская обл. Выкупы.)

2.1.2. Ложную брачную пару сажают.

Бывает так, что когда молодые заходят в дом жениха, чтобы занять свое место, там уже сидят «молодые» (конечно, в шутку). Причем мужчину наряжают невестой с большими грудями или изображают невесту убогой: горбатой, косой, одноглазой, кривоногой и т.д. Их прогоняют [ЖАФ, 1985]. (Ульяновская обл. Второй день.)

2.2. Ложный свадебный персонаж или ложная брачная пара выводятся поочередно.

2.2.1. Ложная невеста / невесты выводятся.

2.2.1.1. Жених или представитель его рода должны угадать подлинную невесту.

Потом дружка говорит:

– Свахонька, сватушка, нам давайте невесту.

Мать выведет невесту. Тут иногда шутят. Возьмут старую, старую, шалью покроют. Жених ее цоп, цоп за руку.

– Нет, нет, руки не те! Мне не надо такой невесты! Откройте ее!

Откроют, а там старая старушка. Тут уж невесту выведут «стоящую» [ЗЕИ, 1982]. (Татарская АССР. Утро дня венчания.)

Жених приезжал за невестой, чтобы отправиться с нею к венцу. Девушку торжественно передавали «с рук на руки, одному гостю навеки» под пение обрядовой песни «Выводы, выводы», отражающей этот момент. А чуть раньше разыгрывалась дружная сценка: подружки невесты пели песню «Вьюн над водой извивается», в которой троекратно выражалась просьба (требование) жениха (зятя) «вывести ему его сужено, его ряжено». Девушки по каждому требованию соответственно выносили

«сундук с добром, короб с серебром», затем выводили подругу невесты, наконец, требуемую невесту.

В некоторых селах этот обряд включал игровой (эстетический) обычай: под названную песню трижды выводили разных девушек в одежде новобрачной, а жених должен был узнать, какая из них «его суженая». <...> В современной свадьбе этот эпизод вводится исключительно для шутки, для оживления обряда, поэтому участники игры и сама невеста принимают все меры, чтобы жених не мог узнать суженой. Более того, иногда жениху выводят одетую под «огородное пужало» девушку: на голову надевают грязную мятую шляпу (иногда ведро), привязывают голове растрепанную паклю (веник), мажут лицо сажей (краской) и пр.» [Самоделова, 1983, с. 53-54]. (Республика Бурятия. Браньё.)

Дружки взошедши, становятся сундучок и вино на стол, — в ожидании невесты, которая в это время сидит в другой комнате в кругу подружек и горюет о прежнем и будущем своем житье-бытье. К дружкам невеста выходит нескоро. Сперва вышлют маленькую девочку просить сундучок: дружки не дадут и будут требовать самую невесту на лицо. Потом выходит к дружкам взрослая девушка или молодая женщина и будет просить сундучок, называя себя невестою, однако дружки не даются в обман и не дают этот сундучок до тех пор, пока не выйдет сама невеста и не возьмет. Иногда дружек по незнанию невесты таким образом обманывают, и дружки отдают сундучок посторонней девушке, что производит всеобщий смех. Ключ от сундучка они отдадут при отъезде в церковь [К...тин, 1883, с. 24]. (Владимирская губ. Девичник.)

2.2.1.1. Жених или представитель его рода не осуществляют угадывание подлинной невесты.

Когда невеста выкуплена, ударяют по рукам и выводят невесту. Если дружка мало дает, вместо невесты выводят переряженного мужика или бабу.

Дружка говорит: «Нам такую не надо, у нас не такая была невеста, мы такую не покупали», или: «Нам такую невесту не надо, мы другую торговали».

Девушки отвечают: «Та у нас в других ценах», или: «Вы скупно даете, за эту цену только такую можно», — и торг начинается

снова. Дружка прибавляет цену. Опять бьют по рукам. Выводят невесту и сажают ее за стол [Гаген-Торн, с. 105]. (Тамбовская губ. Выкупы.)

В четверг отец и мать молодой идут ее навестить в дом мужа, где собрались его родители и родные и приготовлен маскарад: старую бабу увешивают лохмотьями, мажут лицо сажей, треплют волосы и т.д., и когда родители, войдя, спрашивают: «А иде тут наша дочь?», им выводят эту бабу.

Те причитают: «Что из нашей «дытыны» стало? Мы дали вам «квиточку» (цветок) и что вы сделали?» и т.д. Уродливая баба кривляется, все хохочут. Потом выскакивает молодая, вся в обновах, веселая и нарядная.

Начинается пирушка и угощение гостей. Бабу выгоняют, но она, умывшись и приодетая, возвращается, и ее угощают, «частуют» [Казимир, 1907, с.206-207] (Бессарабская губ. Второй день свадьбы).

К родственникам, приехавшим провести невесту, выводят под видом молодой переодетую старуху или выносят и сажают рядом с ними за стол одетую в женскую одежду ступу («молодую»), которую угощают, поют ей песни и т. д.; иногда выводят парня с запеленатой как младенец куклой (полес.) [Гура, 1999, с. 582].

2.2.2. Ложный жених / женихи выводятся.

Тут из-за печки или из чулана выходит один из парней, но не жених, и старуха говорит девушкам, что это жених. Парень целуется со всеми девушками поочередно и отходит в сторону, тогда девушки заявляют, что это, значит, не жених (которого они, конечно, отлично знают), и просят опять показать жениха. Так поочередно и с той же церемонией появляются один за другим все парни и целуются с девками, и, наконец, последним выходит сам жених. Он с девушками не целуется, а кланяется им «во пояс». Девушки объявляют ему, что невесту уже пропили и тут же просят у него лошадей кататься [Михеев, 1899, с. 147]. (Самарская губ. Запой.)

«Подменным» женихом может быть старик с бороною или бородатый мужчина. «Когда женихов других подводили, просто выбирали старых дедов. Подведут старика с бородой». «Ведут старого деда. — «Нет, нет! Не наш жених!» Приводят другого

жениха с бородой. Опять: «Не, не, не! Не наш!» Ведут настоящего жениха: «Во! Этот наш!» [Площук, 1991, с. 150]. (Псковская обл. Выкупы.)

Девушки сидят в чулане без огня. Я свою постель провожаю с девками к жениху. Приходят девки на девичник, несут ему (жениху) венцальную рубашку, худую, с лоскутами. А жених-то не кажется. (Вместо него выходят по одному его товарищи, которых девки не признают. — Ред.) «У тебя руки-то в керосине, подайте нам покрасивее», «У тебя руки-то в тесте, подайте почеще». Потом жених выходит (с. Костылиха) [Гусарова]. (Нижегородская обл. Девичник)

2.2.3. Ложный жених и невеста выводятся поочередно.

Невесту прятали уже на свадьбе. К жениху подводят какую-нибудь другую девушку или старуху. А жених говорит: «Это не моя!» К невесте подводят другого парня или старика, она говорит: «Это не мой!» А потом жениха с невестой подводили друг к другу. «Вот это мое!» — говорили они и начинали танцевать [Площук, 1991, с. 153]. (Псковская обл. На самой свадьбе)

Появление сразу двух ложных персонажей в Псковской области, как отмечала Г.И. Площук, могла возникать как «ответ жениховой стороны на демарш с “подменной” невестой со стороны боярок: “Мы дадим только 5 тысяч, мы 10 тысяч не дадим!” — “Хорошо, у нас есть такие, и за 5 тысяч!” Вот снаряжают бабку... — “А, хорошо, хорошо! И у нас жених есть!” Ведут старика с бородой... Тогда цену сбавляют» [Площук, 1991, с. 154]. (Псковская обл. Выкупы.)

2.2.4. Ложная брачная пара выводится.

К этому типу можно отнести в качестве переходного уже указанный псковский вариант с угадыванием новобрачных свекровью. Но наиболее типичны были следующие варианты.

На второй день «кашники» приезжали в дом жениха на угощение: «Уже назавтре кашники были. <...> Ну, сваи ронные там сабранные — теткы там, плямённицы какия — едут уже назавтре» <...>.

Кашникам выводили РЯЖЕНЫХ «молодыми»: «Назавтре, к вечеру, едут кашники». Там «свай чудяса тожа». Сначала угощали, а как «разгуляютца, патом падводят кашникам раз-

ных: абделають какую-нибудь девку, или женщину проста и мушину, падохдють, здаровкаютца, нарошна (эта шутки). А кашники кричать: «Эта ня наши, спрячьти!». И вот нескальки пар — три, чатыри, а то и больше привядуть, все кашники кричать: «Ня наши». Пака маладых привядуть, настоящих. <...> [Тогда] тожа вместе с кашникам за стол. И вот эта свадьба прадолжитца» <...>) [Народная традиционная культура..., 2002, с. 513]. (Псковская обл. Второй день.)

Молодые прячутся в доме невесты. Подруги невесты запирают дом, а какие-нибудь парень и девушка рядятся в жениха и невесту. При этом надевают не по размеру большую одежду, обычно порванную. Мажут сажей лицо. Гости приходят в дом невесты, спрашивают, где молодые. «Вот они!» — и появляются ряженные. «Нет, не они» — отвечает дружка, и поиски начинались снова [Фольклор Сосновского района..., с. 151-152]. (Нижегородская обл. Третий день.)

Ой, я сама чудила! Как нарядимся: и штаны, и фату — всё сделаем. Вот у этой Шурки мы сына жанили в Гоголевке. Я сделала себе вянок, фата такая была. А яе зять чулок надел на галаву такей, что ни познать хто. Ехали мы в автобусе — я за нявесту, он за жениха. А там садились атдельна. Невеста с женихом, тые за столом без вянка, а мы уже в вянку. И чудили <...> [Енговатова, 2008, с. 32]. (Смоленская обл. Второй день.)

В приведенных примерах весь интерес сосредоточен на подмене, на замещении подлинных новобрачных их смеховыми дублерами. Особых действий ни ложная пара, ни участники свадьбы не совершают.

Порою смеховое начало в облике ложной пары создавалось не столько пародированием свадебной одежды, что связано с традицией ряженья в целом, сколько акцентированной антропологической инверсией.

Появляются нарядчики, «придуриваются»: один из нарядчиков одет «женихом», другой «невестой». «Невеста» была высокой, «жених» — низеньким. Гости шумят: «Нет, это не наши жених и невеста». Дружка почти гасит огонь, в это время тихонько выводят нарядчиков, а деверь вводит настоящую пару» [МАИ, ША]. (Республика Марий Эл. Второй день.)

Такой принцип создания смехового начала в ложной брачной паре был весьма популярен: «изображают невесту убогой: горбатой, косой, одноглазой, кривоногой и т.д.» [ЖАВ, 1995]. Но еще более распространена была инверсия гендерная, когда «мужчину наряжают невестой с большими грудями» [ЖАВ, 1995], а женихом «абделают какую-нибудь девку, или женщину проста и мужчину» [Народная традиционная культура..., 2002, с. 513].

Часто смеховой эффект создавался за счет сочетания разных инверсий в одной паре. Также в приведенных примерах наряду с мотивом подмены, который организует сценку, частично присутствует и мотив угадывания, имеющий, правда, исключительно игровой характер.

2.3. Ложная брачная пара самопрезентуется вместо подлинных (Ложная свадьба).

В данном варианте сценки с ложной брачной парой строятся так, что мотив испытания / угадывания или уходит на второй план, или уже отсутствует, и вся она полностью организуется персонажами и зрителями как смеховое театрально-игровое зрелище. Например, как смеховая «борьба» между подлинной и ложной брачной парой, требующая умения импровизировать в процессе развития действия.

Иногда даже мы с женихом думали, а кто же мы на этой свадьбе, потому что еще одна невеста ходит, еще один жених. И не просто ходят, у них были свадебные наряды, имитирующие жениха и невесту. И вот они приставали, эти ряженные, к гостям, что «как это — мы жених с невестой, а вы нам ничего не дарите! Вы нас ничем не угощаете!» А гости в таком недоумении якобы: «Кто вы такие?!» Вот там были целые разборки, и нам пришлось сражаться с этими ряжеными и доказывать, что не они жених и невеста, а мы [ИТЛ, 1998] (Ульяновская обл. Второй день.).

В некоторых случаях данная сценка могла отрываться от конкретного свадебного обряда, акта и превращаться в импровизированное театральное представление уже без соотнесения с подлинной брачной парой. Такое действие приближалось к так называемой шутовской свадьбе, которую, как отмечал А.В. Гура, разыгрывают в конце свадьбы [Гура, 1999, с. 582]. Ее

участники — ряженые «молодые» («старик и старуха, мать невесты и отец жениха, мать невесты и сват»). На этой «свадьбе» воспроизводятся «все основные моменты обряда: обмен кольцами, венчание “попом” на мусорной куче с обведением “молодых” вокруг ступы, завивание “молодой”, раздача шутовских подарков, отведение в спальню и т. п. (полес.). Ряженных “молодых” возят по селу на бороне, ломаной телеге и т. п. и сталкивают в канаву. В Киевской и Житомирской обл. пародийную свадьбу разыгрывают с родителями жениха или невесты, женившимися или выдавшими замуж последнего из своих детей» [Гура, 1999, с. 582].

Но не всегда в русской народной свадьбе шутовская свадьба включала «все основные моменты обряда», часто выбиралось наиболее интересное и привычное действие — смеховое венчание.

На второй день наряжались молодыми. Нарядят ёлку и свахе дадут. На «невесту» уваль накинута, венок. «Поп» одеялом накроется, лапоть берёт и венчат понарошке. «Поп ходит с кадилоу, Сам глядит на милую» [ГАД, 1979].

Именно комическое венчание, как известно, было весьма популярной святочной игрой [Ивлева, 1994, с. 43–45, 86; Виноградова, с. 523–524]. Такое же смеховое обыгрывание венчания мы обнаруживаем в народной драме «Царь Максимилиан» [Фольклорный театр, 1988, с. 212–215].

Часто шутовская свадьба ограничивалась обходом села, посещением разных домов. Ложная пара при этом требовала угощения, жаловалась на бедность и просила подарки. Да, там которые эти, соледяне ходят рядятся, кто на свадьбе-то гуляет, соледяне называются. Вот разряжаются и ходят, идут по поселку, кто чего, кто просит денег на невесту и жениха, то у кого-нибудь че, то придет в дом, стряпают, праздник какой, пекут че и это печиво принесут и все. <...> Это на второй день свадьбы ходили <...> женщины снаряжаются женихом и невестой, оденут как ходят вроде, что мы там все говорят, что мы женились, что у нас ничего нет, все им там подают, село че, разной ерунды, кто во что горазд, наподают и кукол. <...> Они че, просят, говорят, что мы идем со свадьбы, надо жениху, не-

весте. Когда под врата идут, говорят: мы жених с невестой. Кто чего [МЕН].

Такой обход также имел прямые параллели в календарной обрядности. В частности, на святки и масленицу во многих регионах России существовала традиция «свадьбой ходить» [Морозов, 1998, с. 48–50].

Но в некоторых местах ложная брачная пара действительно разыгрывала на улицах села настоящее театральное действие, в котором происходило смеховое обыгрывание не только брачной традиции, но и семейных отношений «молодых». <...> невестой с женихом рядились. Я сама два раза рядилась. Вот это второй день. Я вот нарядилась невестой, а Костя нарядился женихом, тута всё надела рваное, я тут вот обрезала штаны, босиком, уж летом это было, вот и бегу, а он за мной с ружьем: «Застрелю! Ты что, такая-сякая, убегаешь?» — ругает меня. А я прибежала к матери-ти, а она печь топит, я ее за ногу зацепила, его мать. Ну, а я в роли невесты: «Не пойду я, мамынька, больше, он такой-сякой, я не пойду к нему больше!». А она говорит. «Да иди, иди!». С узлом! Набрала узла, будто совсем я убежала! Тут всякого шобла в узел навязала. А она меня прогоняет, а он тащит меня, ружье поставил: «Пойдем, ты такая-сякая, нехорошая!» — «Я всё равно с тобой жить не буду, не понравился ты мне!». <...> Ну и за стол, тут почудили, почудили, и за стол. Выпили, угостили нас, вот тут пошли парой [Традиционная культура Муромского края..., 2008, 1, с. 121].

Такое смеховое обыгрывание бытовых семейных сцен в данном селе было традиционным. Та же информантка вспоминала, что раньше, когда она еще «в девчонках была» «рядились женихом, сядился он верхом на лошади, к узде-то привязали вожжи. И вот она уцепилась, и в пруд, но пруду ташут! Ну, невестой рядилась... По пруду! Лошадь идёт, жених едет верхом, а она тащится, далёко, чтобы не ушибла ноги, вот за вожжи держится, уцапилась. а её тащут по всему пруду. <...> Ой, а народ соберётся, смеху» [Традиционная культура Муромского края..., 2008, 1, с. 121].

Одним из ярких и необычных вариантов развития шутовской свадьбы является предьявление ложной брачной паре ложных

родителей невесты. При этом смеховому обыгрыванию подвергаются не только участники сценки, но и столовые приборы, и пища.

На второй день, значит, молодые (ну, оне молодые ночевали у жениха) второй день тёща печёт яичницу и блины. Молодые, значит, идут оттуда тёшу искать: наряжают молодых не этих, а кого-то там наряжают молодыми и идут, а тёща с тёщей наряжают тоже тёшу с тёщей кого-то, для смеха. И вот те, значит, приходят, ага, молодые садятся за стол, ну оне, естественно, что молодые не наши, вот вам и тесть с тёщей. Те тоже: «Ой, это не наши сватья, это не наши, это не наш, не наши, гоните их. Давайте нам наших сватьёв, настоящих». Они, значит, выходят, говорят: «Молодые тоже не наши». И вот их тоже выгоняют, смеются, кто что там говорят. Оне приходят; просят яичницу, сядут за стол, вот эти, которых наряжают, им подают вилки там, вот это то вилы, то лопату — это вам ложки, это вам вилки, ешьте блины, какую-то черепень поставят. Им подают: «Вот вам яичница». И они: «Нет, нет, это не наша. Давайте нам настоящих тестя с тёщей». Они когда выходят, тоже молодые не наши, их выгоняют, приводят настоящих молодых и подают яичницу [Ветлужская сторона, 2005, с. 146-147].

В южнорусской традиции наблюдается устойчивое закрепление роли ложной брачной пары за родителями молодых. В определенной степени они становятся главными героями свадебного представления, обладавшего устойчивыми и театрально разработанными смеховыми элементами.

Заключительным аккордом второго дня было катание и купание родителей с уличными играми и ряженьем. Действие пародировало свадьбу.

Жениха и невесту изображали родители молодых. Степень разыгранности сцены зависела от фантазии и настроения участников, однако всегда соблюдался примерно один сценарий. Для «молодых» готовили «подводу»: украшали повозку цветами, лентами, ветками. В подводу впрягали «лошадей», которых изображали ряженые. Лошади время от времени останавливались, требовали напоить их. «Молодые» давали им горилку и погоняли батогами.

Родителей с шутками и песнями, провозили по всей улице, старались выпачкать в грязи и выкупать в водоеме, затем привозили домой, сушили и переодевали в новую одежду [Финько, 2011а, с. 85].

Это сближает данную традицию с украинской и белорусской. Как отмечал А.В. Гура, «в Киевской и Житомирской обл. пародийную свадьбу разыгрывают с родителями жениха или невесты, женившимися или выдавшими замуж последнего из своих детей» [Гура А. В., 1999, с. 582]. Приведем один из полных вариантов описания украинской традиции.

Пора уже стариков женить. Идут, сватают. Отца и мать молодого будут женить. Вот старик идет к своей старухе и говорит: «Любишь ли ты меня?» Она отвечает: «Я не хочу тебя». Тогда он говорит: «Да ты же у меня ничего не будешь делать, будешь только на печи сидеть». <...> Тогда их уже начинают венчать. Теперь они выкатывают ступу, кладут заслонку: из соломы делают венки, приводят «молодых», ставят. <...> [Вырядится кто-нибудь попом, дерюгу на себя надевает и шапку — из свитки рукав, на нее цепляет лапти и венки из лука — это короли. Водят их вокруг ступы и толкут сажу толкушей, и сажа летит на «молодых».] <...> Затем берут куль соломы и под печью, в сенах, стелют постель, чтобы на них сажа летела. Берут портянку из дымохода, это — платок; они берутся за платок, и идут наконец спать. Если они не ложатся, их укладывают силой и укрывают. Приходят дружки, спрашивают, справились ли они уже? Тогда они отзываются: «Уже!» Дружки поднимают их, ведь «молодые» изрядно намучились. Поют: «Темного луга калина, / Доброго батьки детина». «У свата есть бутылъ, / А у свахи — банка, / Ведь была е<банка>». Теперь берут квас свекольный и перепивают их. И они этим квасом обливаются [Лашенко, 2006, с. 186-187].

Однако существуют и варианты не смехового, а уважительного почитания родителей, выдавших замуж последнюю дочь или женивших последнего сына.

Якщо в батька син жениться послідній або послідня виходить дочка заміж, то в'ють вінок і надівають на голову батьку, а як нема батька — на матір [Весілля, 1970, с. 144].

В белорусской народной свадьбе, например, в Гомельской области, «женитьба» родителей происходила на третий день.

Звычайна робяць трэці дзень вяселля, дзе жэняць бацькоў маладой. <...> Бацькоў смешна ўбіралі, садзілі на воз і ехалі на цэнтр. Ёсё гэта суправаждалася рознымі песнямі, танцамі [Вяселле на Гомельшчыне, 2003, с.421].

Правда и в украинской и в белорусской традиции были возможны и варианты шутовской свадьбы, совпадающие с русской, когда роль брачной пары могли играть не родители, а любые гости свадьбы.

З гасцей выбіраюць маладога і маладую, дзеляць каравай. Садзяць маладых на кут, вешаюць вянок цыбулі на маладую. Калі ў сям’і было апошняе дзіця, то за маладых садзяць бацькоў [Вяселле на Гомельшчыне, 2003, с. 438].

Эта пара, как и в русской традиционной свадьбе, могла приходить в дом невесты в составе ряженых — «цыган».

Калі цыгане ішлі па вуліцы да нявесты, трэба было хаваць курэй, каб не пакралі. Цыгане ідуць з песнямі, жартамі. У хаце нявесты цыгане, пераадзетыя ў маладых, скардзяцца на сваё цяжкае жыццё, цыганоў запрашаюць за стол, частуюць» [Вяселле на Гомельшчыне, 2003, с. 32].

Среди сценок, которые могла разыгрывать ложная брачная пара, как и в русской свадебной традиции, встречались смешовые игровые импровизации на тему семейных отношений.

Переряджені в «молоду» й «молодого» чоловік і жінка сідаюць в цені і, жартуючы, вдаюць, ніби частуються принесением: п’ють з бурякової чарки підфарбовану в червоне воду, «їдять» шкарлупу з яєц. «Молодий» примушує «молоду» дойти «корову» — опудало зайця, що на столі. Та «не вміє». Він, удавано розгнівавшись, кричить: «Тобі, Тетяно, подуровали вчора корбу, щоб робила норму». Після недвозначних грубуватих жартів і натяків підставні «молодий» и «молода» виходять з-за столу, а натомість сідають справжні молоді й гості [Весілля, 1970, с. 422].

Рассматривая шутовскую свадьбу как одну из театрально-игровых сценок русской народной свадьбы, которую разыгрывали, как правило, на второй или третий день, необходимо отметить принципиально иное развитие данной традиции на

Урале. Дело в том, что там зафиксировано исполнение шутовской свадьбы не после, а до свадьбы. «Детальное описание этого эпизода приведено в рукописи И. Я. Стяжкина.

В день обручения днем девушки собираются по деревне показаться на одной или двух лошадях или парах, или, как говорят, «издают гулять». Несколько девушек наряжаются парнями. Девушки изображают свадьбу. Тут есть наряженный дружка с подружьем, жених и молодая. Девушки завивают себе кудри (пейсы), переодеваются, масок не надевается и ничем не мажутся. Из мужчин только кучера, остальные все девушки. Дружка с подружьем одеваются в кафтаны, надевают набекрень шапки; в руках у них несколько связанных платков, которыми они размахивают во время катанья. Девушка — жених — тоже одета в кафтан. Невеста — в шубе — «галанке», на голове надет шелковый платок — «полушалок» и сверху — шаль; летом — только — полушалок. Поются песни — проговорные, повертутки. Ездят по деревне, проезжают мимо дома жениха и потом, в другой раз приворачивают к дому, заходят в ограду [Причитания и песни..., 2013, с. 182].

Дальнейшее развитие этой сценки строится на сочетании двух свадебных обрядов: предсвадебном посещении дома жениха девушками и приезде свадебного поезда в дом к ней в день венчания. Во-первых, само посещение дома жениха в шутовской свадьбе имеет вполне конкретную обрядовую цель — обмен подарками: жениху «вручают невестины подарки — ижнее белье, портянки, рубашку, полотенце», а невесте от жениха передают два веника, при этом один украшен «конфетами, лентами, второй — мылом» [Причитания и песни..., 2013, с. 181]. Смеховое начало может проявляться здесь в таком традиционном действии, как подмена мыла картошкой, свеклой и т.п. Во-вторых, при проезде ряженных по селу, как и во время движения свадебного поезда за невестой, парни села преграждают им путь, требуют выкупа.

По дороге их нередко встречают парни и «шутят» — выпрягают лошадь, снимают с телеги колеса и т. п. От шутников откупаются вином [Причитания и песни..., 2013, с. 182-185].

Данный вариант показывает, насколько непредсказуемо бывает развитие традиции, какие неожиданные трансформации

претерпевают элементы свадебного обряда в процессе превращения в яркие смеховые театральные игровые сценки.

Из приведенных примеров видно, что шутовская свадьба, являясь одним из типов свадебных сценок с ложными свадебными персонажами, обладает хорошо развитой вариативностью, выразительной театральностью, по-разному входит в свадебную обрядность. Будучи в широком смысле этого слова явлением смехового антимира [Лихачев, 1984, с. 3–6], типом антиповедения [Успенский, 1994; Успенский, 1996, с. 460–476; Юрков, 2003, с. 19] она в то же время представляет собой одну из ярких областей русского народного смехового мира.

Указанные подтипы, в свою очередь также обладают разнообразием вариантов. Они определяются следующими факторами:

- кто презентует ложного персонажа и кто его идентифицирует,
- каким образом происходит создание образа ложного персонажа, и кто это делает,
- что совершается в случае неправильной идентификации над тем, кто ее осуществляют,
- какую роль в создании образа ложного свадебного персонажа и построении сценки с ним играет смеховое начало.

Приведем три примера.

Тип 1.1.1. Ложная невеста / невесты и подлинная стоят или сидят рядом. Их лица закрыты. Жених или представитель его рода должен угадать среди них невесту.

Во-первых, девушек вместе с невестой могут покрывать холстом [Ханыков, 1843, с. 238], накрывать одинаковыми платками [Традиционные обряды и обрядовый фольклор..., 1985, с. 210] или шальями [Русская свадьба, 2000, 1, с. 75], фатой (вероятно также платком или шалью — М. М. Г.) [АМП], закрывая их лицо.

Во-вторых, угадывать невесту мог жених [АМП, 1996], сваты [Русская свадьба, 2000, 1, с. 75], дружки [Гл., 1913, с. 805].

В-третьих, указание на невесту во время угадывания совершалось через ее раскрытие [Ханыков, 1843, с. 238], поднесение стакана браги [Гаген-Торн, 1926, с. 183–184], указывания палочкой [Русская свадьба, 2000, 1, с. 75].

В-четвертых, при неправильном угадывании жених платил девушкам «2–3 рубля» [АМП], подвергался осмеянию [Традиционные обряды и обрядовый фольклор..., 1985, с. 210; Гаген-Торн, 1926, с. 183–184].

В-пятых, угадав невесту жених целовал ее «в уста» [Ханыков, 1843, с. 238; [Русская свадьба, 2000, 1, с. 75], жених и невеста кланялись друг другу [Гаген-Торн, 1926, с. 183–184], девушки пели песню «Ягодка с ягодкой сокатывалася» [Традиционные обряды и обрядовый фольклор..., 1985, с. 210], невесту отпускали к жениху [АМП, 1996].

Тип 2.1.1. Ложную невесту сажают вместо подлинной. Жених или представитель его рода обнаруживает подмену.

Во-первых, ложной невестой могла быть девушка или подруга невесты [Самоделова, 1993, с. 287], женщина [ТЛД, 2000], «бабка» [Площук, 1991, с.154].

Во-вторых, ложную невесту могли сажать до приезда жениха [Русская свадьба, 2000, 1, с. 68–69], во время выкупа [Площук, 1991, с. 154].

В-третьих, ложную невесту закрывали шалью [Русская свадьба, 2000, 1, с.68–69; Самоделова, 1993, с. 287], занавеской [ТЛД, 2000].

В-четвертых, обнаружение ложной невесты могло происходить до выкупа [Русская свадьба, 2000, 1, с. 68–69], во время выкупа [Старинная севская свадьба, 1978, с. 82], после выкупа [Площук, 1991, с. 154].

В-пятых, ложную невесту «разоблачали», сняв с нее шаль, занавеску [Площук, 1991, с. 154], подавая ей стакан вина, который она не брала [Старинная севская свадьба, 1978, с. 82].

Тип 2.2.1. Ложная невеста / невесты выводятся.

Во-первых, мы уже отметили, что этот тип имеет два подтипа: в одном присутствует мотив угадывания, а в другом нет.

Во-вторых, вместо невесты могли презентовать «разных девушек» [Самоделова, 1983, с. 53–54], «переряженного мужика или бабу» [Гаген-Торн, 1926, с. 105], «старую бабу» [Казимир, 1907, с. 206–207], «переодетую старуху» [Гура, 1999, с. 582], «одетую в женскую одежду ступу» [Гура, 1999, с. 582], поочередно — «маленькую девочку», потом «взрослую девушку или

молодую женщину» [К...тин, 1883, с. 24], «первоначально старуху, потом молодуху» [Добровольский, 1893, с. 251].

В-третьих, одежда на подменной невесте или подлинной могла быть неизменной или на нее могли надеть наряд невесты («мы наряжаем даже бабушку мою. И фату ей, и всё...» [Чухломской фольклор, 2012, 1, с. 99–100]), но чаще её облик имел подчеркнуто смеховой вид.

Это достигалось за счет старой и рваной одежды («увешивают лохмотьями» [Казимир, 1907, с. 206–207]) и, прежде всего, чернения лица («выводили подругу, а она вся в саже» [ШОВ, 1985]). В с. Коптевка Новоспасского района Ульяновской области, смеховое начало в облике «ложной невесты» подчеркивали ложки, которые ей вешали на уши. «Ложки повесят ей на уши, что-нибудь обвяжут, напачкают» [ПВТ, 1985]. В некоторых селах эти типы ряженья совмещались: «на голову надевают грязную мятую шляпу (иногда ведро), привязывают к голове растрепанную паклю (веник), мажут лицо сажей (краской)» [Самоделова, 1983, с. 53–54], «увешивают лохмотьями, мажут лицо сажей, треплют волосы» [Казимир, 1907, с. 206–207], так что в итоге создавался образ «чучела» [БСП, 1985], «огородного пужала» [Самоделова, 1983, с. 53–54].

Зафиксирован даже случай, когда не ложная невеста создавала смеховой образ, а, наоборот, подлинная. «<...> родители девушки одевают невесту во все самое грязное и рваное, а ее сестру или лучшую подругу наряжают» [Гусарова].

Последний вариант может быть определен как переходный к принципиально иным версиям в развитии свадебной традиции, связанной с ложным свадебным персонажем. Его принципиальное отличие не только в том, что происходила инверсия — место ложной невесты занимала подлинная, но и тем, что смех создавался не другими и не над другими, а самой невестой, которая частично также становилась объектом осмеяния.

3. Подлинная невеста презентуется в качестве ложной.

3.1. Подлинная невеста переодевается в одежду, меняющую ее облик, и презентуется для опознания жениху или членам его рода.

3.1.1. Подлинная невеста переодевается в одежду, не соответствующую ее статусу невесты, и презентуется для опознания жениху или членам его рода.

Когда поезд приезжает в дом невесты, саму невесту прятали в чулан.

Дружка, полдружка, сваха заходят в дом. Подружка выводит девушку из чулана, невесту наряжали в старуху, выводили её и спрашивали: «Это ваша невеста?» Все смеялись, потом невесту одевали в подвенечное платье и снова сажали. Гости садятся за стол [БЕА, 1981]. (Ульяновская обл.)

3.1.2. Подлинная невеста переодевается соответственно своему новому статусу замужней женщины и презентуется для опознания жениху или членам его рода.

Когда головной убор сменен, к новобрачной приводят мужа, который садится на колени жены. Ему дают зеркало и просят посмотреть — «его ли молодая?». Новобрачный смотрит в зеркало и говорит: «Не моя, не признаю; моя была в поднизи, а эта в повойнике; нет — не моя». Молодая целует мужа, и последний снова смотрит в зеркало. Посмотрев, он произносит: «Кажется, что моя, ей бы надо быть; да нет — не она». Следует поцелуй от жены.

Взглянув в третий раз в зеркало, молодой муж, как бы теперь только узнав свою жену, громко восклицает: «Моя, моя! Действительно моя!» [Певин, 1893, с.245]. (Олонецкая губ.)

Особое место в этой типологии занимает вариант, в котором, с одной стороны, есть традиционный тип ложного свадебного персонажа — мужчина, переодетый в одежду невесты, но, с другой стороны, его самопрезентация в качестве подлинной невесты выражается в весьма специфической форме — он имитирует побег «невесты» из дома мужа в родной дом. Данный тип типологически схож с вариантом действий ложной брачной пары на шутовской свадьбе (см. п. 2.3. Ложная брачная пара самопрезентуется вместо подлинных (Ложная свадьба)).

4. Ложная невеста имитирует побег из дома мужа.

В то время как молодая носит воду (утром второго дня свадьбы — М. М. Г.), один из молодых мужчин с мужниной стороны наряжается женщиной (новобрачной) и как только окончится ношение воды, взяв под мышку веник и подушку убегает из деревни в дом невесты, если только последняя, конечно,

не из дальней деревни, в противном случае добегают до ближайшего кабака.

Завидев бежавшего, вся деревня кричит: «Молодая сбежала, догоняй ее — должно ей плохо живется на новом месте!». За беглецом снаряжается погоня, отправляются все гости; для них у родителей молодой приготовлено угощение.

Если же сборным пунктом служит кабак, то, угостившись здесь, возвращаются обратно. Молодые, равно и родители жениха в погоне не принимают участие, остаются дома. Веник здесь играет роль, что молодая будто идет только топить баню, старается обмануть домашних, но захваченная ею подушка выдает истинные намерения молодой [Сперанский, 1900, с. 56]. (Владимирская губ.)

После свадьбы разыгрывается комедия бегства молодой к родным. Кто-либо из гостей, всегда мужчина, который побойчее и полегче на ногу, нарядившись в женское платье — в подражание молодой, бежит к «своим». За ним гонятся, кто с чем попало и как попало, даже с плетушками в руках, ловят, привязывают к лошади и притворно наносят побои, а мнимая молодая только говорит, что больше не будет бегать [Сумцов, 1881, с. 21].

Многообразие и разнообразие вариантов сценок с ложным свадебным персонажем свидетельствует о том, что этот персонаж прочно укоренился в свадебной традиции, его функционирование отличалось высокой продуктивностью, что в свою очередь наряду с другими элементами свадьбы стало одним из факторов формирования региональных и локальных особенностей свадебной традиции.

Получила свое развитие эта традиция и в современной русской свадьбе [Матлин, 2014]. Среди многочисленных конкурсов и игр, которые проводятся, как правило, тамадой или подружками невесты во время свадебного застолья, также есть конкурс с подменной невестой. На одной из свадеб, как сообщает участница одного из форумов невест:

Я, когда была подружкой невесты, мы решили немного разыграть жениха. Помимо конкурсов подменили невесту. В свадебное платье одели брата, посадили его спиной к двери и за-

весили как бы шторкой, чтобы только подол платья выгляды-
вал. И заставили жениха признаваться в любви так, чтобы
невеста растаяла и обернулась к нему. Видели бы вы его глаза,
когда «псевдо-невеста» все-таки обернулась. Вот смеху было
[Свадебный форум Москвы].

Существует и игра, типологически схожая с псковской сва-
дебной традицией поиска молодых свекровью [Площук, 2000,
с. 163]

Найти зятя и невестку. Реквизит: шарфики. Участники: мамы с
обеих сторон, дополнительно несколько парней и девушек.
Мамам жениха и невесты завязывают глаза. Невеста встает в
ряд девушек, а жених — в ряд парней.

Новоиспеченная теща должна отгадать своего зятя по голосу,
а для этого молодые люди (в том числе и сам жених) по оче-
реди произносят слова: «Дорогая мама, я тут». Тот же самый
конкурс предлагается и свекрови, только в этот раз слова
«Мама, я здесь» произносят девушки [Свадебный портал...].
Развитием этой традиции можно считать конкурс, когда жени-
ху «в игровой форме предлагается выполнить несколько зада-
ний, которые связаны с невестой:

узнать ее след среди других по размеру туфли; узнать среди
других отпечаток накрашенных губ; среди набора цифр узнать
метрические данные невесты и т.п.» [Таратынова, 2007, с. 53].

2.4. Происхождение сенок со свадебным ложным персона- жем

Как показал проделанный анализ, основой всех сенок являет-
ся мотив угадывания. Необходимо подчеркнуть, что это имен-
но угадывание, а не выбор, как иногда интерпретируют его
исследователи. В свадебном обряде, в волшебных сказках, с
которыми вполне справедливо сопоставляют данные сценки
[Пропп, 1946, с. 301–303], в былинах «Садко», в древнегрече-
ской мифологии и поэзии [Демина, 1990, с. 54–55] и шире в
мировой фольклорно-мифологической традиции герой именно
должен «узнать своего среди одинаковых» [Березкин, К37].
Исследуя этот мотив, В. Я. Пропп акцентирует внимание на
том, что искомый персонаж не имеет отличия от близких и
одинаковых с ним, так как это существо принадлежит иному
миру (=мертвых), а «все находящиеся там имеют одинаковый

облик» [Пропп, 1946, с. 301]. В этом ученый видит ключ к происхождению данного мотива, а что касается его прагматики в свадьбе, то, по мысли ученого, ее установить невозможно. «Но в данном случае в свадебном обряде нет даже переосмысления, он производится неизвестно почему — по традиции, как игра, и о цели его никто себя не спрашивает. Этим создается почва для “толкования” обряда в науке — путь неправильный и допускающий бесконечное количество произвольных решений» [Пропп, 1946, с. 303].

Именно поэтому представляется чрезвычайно важно внимательно всмотреться в то, как разворачивается в свадебным актах и сценках этот мотив.

Во-первых, подчеркнем, что ни в сценках со свадебным ложным персонажем, ни в свадебном обряде, в целом, выбора невесты женихом и тем более жениха невестой не происходит. Выбор уже сделан, сначала родителями, потом сватами.

Во-вторых, угадывание невесты или жениха среди ложных во многих вариантах рассмотренных нами сценок совершает не жених или невеста, а представители их родов. В-третьих, обрядовая семантика действий с ложными свадебными персонажами различна для разных типов.

Так сценки, в которых жених, невеста или представитель их рода должны угадать соответствующего свадебного персонажа среди нескольких закрытых, в отличие от всех остальных имеют прямую связь со свадебной традицией. Как известно, невесту после благословления родителями в день венчания покрывали и раскрывали только после прибытия свадебного поезда в дом к родителям мужа [Байбурин, 1993, с. 77–79, 83–84]. Это породило реальные случаи подмены просватанной девушки (чаще всего сестрой). Не останавливаясь подробно на этой традиции, отметим, что с ней также связано появление нарративов о том, как «сватали одну, а женили на другой».

Когда сваха уберет совсем молодую, подзывает молодого, ставит обоих рядышком, велит им прислониться щека со щекою и подает им зеркало так, чтобы они оба вдруг поглядели в него, и тут-то в первый раз молодой видит свою жену в лицо, ибо с самого приезда своего за невестой в дом ее и до этого зеркала невеста бывает под покрывами. Прежде случалось, что сим

обычаем держать невест под покровом и не показывать жениху до конца венчания пользовались и подменяли невест. Например, когда у крестьянина несколько дочерей-невест и старшую из них женихи обегают, подозревая какой-нибудь недуг, припадок, порчу, глухоту, глазную немочь и т.п., в таком случае сватают младшую, а в день свадьбы под покровом сажают старшую. Так был женат на подменной подделпой и глухой девке староста в имении моего родителя, хотя и сватали ее меньшую сестру не глухую [Страхов, 1836, с. 363–364]. Бывали случаи — меняли невесту. Когда приедут-то, лицо закрыто. Так и венчали. А куды же денешься? [ММС, 1981].

Сватали одну, а жених приехал, да в церкви-то открыли ему другую, которая досыльной шла [Подюков, 2004, с. 52–53].

Как отмечал А. В. Терещенко, в таких случаях обманутый жених мог жаловаться «патриарху или другой духовной власти; назначалось следствие, и если оказывалось, что дочь выдана обманом в противу записи, то их разводили и с виновного взыскивали пеню. Иногда отца невесты наказывали кнутом. Если жених просил на невесту, что она увечная или безобразная, и таковою он ее видел при сватовстве, то ему повелевалось жить с нею, чтобы он знал, на ком женился». Но зафиксированы были также случаи, когда после открытия обмана «муж советовал своей жене постричься в монахини; если она не соглашалась, то он бил ее, мучил и не спал с нею, пока она не пострижется» [Терещенко, 1848, с.88].

Вероятно, с этими реалиями жизни связана традиция проверять «подлинность» невесты до венчания — открывая ее лицо. Это могли делать после выкупа, по дороге в церковь на венчание, на венчании и т.п. Этими реалиями, вероятно, можно объяснить формирование и развитие в русской народной свадьбе XX в. смеховых сценок с закрытым свадебным ложным персонажем, которого предъявляли вместе или вместо подлинного.

В день венчания, когда свадебный поезд приезжает за невестой, один из поезжан раскрывает ее, т.е. снимает с головы платок, чтобы проверить: та ли? Когда девицы окончат песню, старший из сватов подходит к невесте и, взяв за платок, которым бывает покрыто лицо невесты, говорит: «Покажите, ту ли

привели молодую невесту?» Затем, повернув платок вокруг головы трижды, он снимает его, и невеста остается стоять без покрывала» [Певин, 1893, с. 239].

Если в свадьбе XIX в. это делали сваты, то в XX в. — жених. Сажают невесту за стол под образом (она накрыта платком), а жениху говорят: «Погляди, твою невесту ли посадили?» Жених срывает платок, целует и говорит: «Моя» [Фольклор Со-сновского района..., 2012, С. 139].

Таким образом, в русской народной свадьбе XX в. в смеховых сценках с закрытым свадебным ложным персонажем, которого предъявляли вместе или вместо подлинного, можно видеть обрядовое отражение указанных реалий.

Другой фактор, определивший развитие данной традиции, может быть связан с тем, что, выбор, сделанный людьми, носил надличностный характер и не был связан непосредственно с судьбой самих участников брака и тем более с их будущей семейной жизнью. Но именно в период самой свадьбы открывалась возможность предугадать, предвидеть будущую судьбу создаваемой семьи, о чем свидетельствуют многочисленные приметы и магические действия, совершаемые женихом и невестой. Именно в этот ритуальный контекст входят анализируемые нами обрядовые сценки, что зафиксировано в публикациях как XIX, так и XX вв.

Если и жених угадывает свою, то танцует с ней в первой паре и брак его будет счастливым и процветающим. Если не отгадает, очень стыдно за него; затем отгадывает кто иной, и если угадает, то танцует с ней в первой паре, а жених танцует с ней в конце, вынужден покупать ее у победителя [Kolberg, 1876, s. 236].

Пока происходят «выборы» названных лиц [свадебных чинов со стороны жениха — М. М. Г.] девушки устраивают «ловлю», угадывают судьбу будущих «молодых».

Ловля устраивается так. Девушки, взяв невесту, на короткое время уходят в отдельную избу или в клеть, чтобы «нарядиться», надеть одинаковые платья и однообразно покрыть головы одноцветными платками. Побыв здесь минут 10–15, нарядившись, они составляют из себя и невесты «гусек» или «караван» и, затаив песни:

Не скачи, соболь, по горнице,
Не скачи, соболь, по широкой, —
Скачи, соболь, у порога:
Выбирай свою дружининку,
Выбирай свою молоденьку.

Возвращаются в избу, из которой недавно вышли, где жених стоит у порога, у входной двери, стоит с завязанными или зажмуренными (последнее чаще) глазами и с нетерпением ждет возвращения гуська или каравана. И как только караван покажется на пороге, он начинает ощупывать его, отыскивать или угадывать в нем свою суженую и, ухватив ее за руку, произносит речитативом:

Вот она — моя дружининка,
Вот она — моя молоденька!..

Затем это повторяется до трех раз. Если во все три раза жениху не удастся «поймать» свою невесту, то, значит, он берет не свою суженую и жизнь его в супружестве будет не весела, а если удастся, то, в таком случае, «свою» и жить с нею будет весело и счастливо [Шейн, 1900, с. 753].

Считалось, что если жених сразу не узнает свою невесту, жить вместе они не будут. Иногда это приводило к тому, что невеста каким-либо образом метила свой наряд, когда в нем выходила сама, чтобы жених не мог обознаться [Самоделова, 1983, с. 53-54].

А бывала на кровать кладут жениха и друга его. Накрывают одеялом их. Открывают только ноги. Подведут невесту, а из-под одеяла торчат только ноги. Невеста должна узнать своего мужа. Если не узнает, то значит не тем путём — изменять будет [СНГ, 1985].

Именно в этом смысле, как нам представляется, можно интерпретировать то «истинное узнавание жениха и невесты друг другом», о котором писал А.К. Байбурин [Байбурин, 1993, с. 77].

Что касается остальных типов (2. Ложный свадебный персонаж или ложная брачная пара однократно или многократно презентуются или самопрезентуются вместо подлинного / подлинных, 3. Подлинная невеста презентуется в качестве

ложной, 4. Ложная невеста имитирует побег из дома мужа) то они связаны в своем происхождении с иными обрядовыми и внеобрядовыми традициями, а некоторые их варианты могут рассматриваться как развитие собственно смехового театрально-игрового начала в рамках отдельного типа.

Проделанный анализ позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, в подавляющем большинстве типов сценок с ложным свадебным персонажем сюжетообразующим мотивом является мотив угадывания.

Во-вторых, для реализации этого мотива характерна театрально-игровая форма.

В-третьих, в разных типах и вариантах эта форма имеет различную семантику: в одних она может быть определена как смеховая «игра с сакральными ценностями» (Л. М. Ивлева), а в других — за игровой формой этих ценностей уже нет.

В-четвертых, это различие в отдельных случаях может быть объяснено как результат исторического развития традиции.

И, в-пятых, смеховое начало в разной степени присуще всем указанным типам.

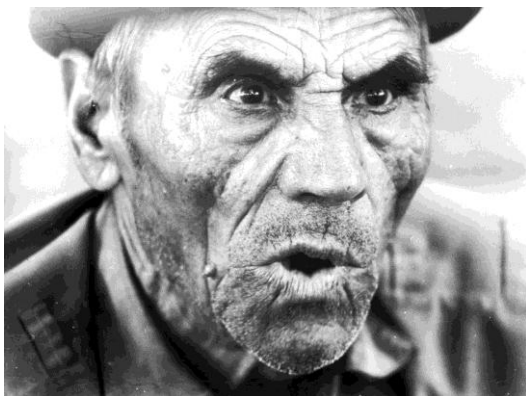

*На русской свадьбе:
ряженные, обряд
«поиска ярки»*

Глава пятая
В ГУЩЕ НАРОДНОЙ

*Нет, я не вышел из народа –
Я из него не выходил.*

Н. Рубцов

Народные сказители

Посмотрите на эти снимки равнодушным взглядом, на которых М.Г. Матлин запечатлел тех, от кого записывали участники фольклорных экспедиций и он сам сказания и легенды, воспоминания, песни и частушки, рассказы о народных обычаях и обрядах.

Посмотрите на их лица, и вы увидите в них опыт прожитых лет и доброту, жизненную мудрость. А этот мужчина, на нижней фотографии – он же прирожденный рассказчик! Он не только рассказывает, но и показывает действие, изображает своих героев!

Через таких людей являет себя устное народное творчество, выбивающее, как мощный родник из-под земли, в самой гуще народа.

Широкому читателю малоизвестны сказители и исполнители былин и старинных песен, а это целый и почти неподнятый пласт народной культуры. Таких сказителей и самородных сочинителей, народных певцов искали на народных гуляньях и ярмарках Пушкин и Языков, Гоголь, Садовников, Ознобишин и другие писатели. Их анекдоты и рассказы легли в основу многих произведений классики.

Все мы знаем сказки, собранные Афанасьевым. В нашем краю давно были записаны Садовниковым сказки Новопольцева. Михаил Гершенович обратился к ним и, составляя книгу сказок Поволжья, включил их, дав новую жизнь творчеству Новопольцева. Книга вызвала большой читательский интерес.

Эти самоцветы русской народной речи сверкают и в проведении свадеб. Ряженные, то есть стихийные, самодеятельные актеры из народа, разыгрывают традиционные юморные сценки поиска ярки, появление ложных жениха и невесты на свадьбе, появление доктора к мнимой больной, или милиционера к «нарушителю общественного порядка», разыскивающего ярку, цыганки-гадалки – все сопровождается импровизацией, шутками, смехом всех участников свадьбы и зрителей.

Россия – не только обширные земные и водные пространства, но и народ, живущий в ней. Фольклор же – это душа народа, богатая сказами и талантами.

Говоря о Михаиле Матлине, нельзя обойти тот факт, что его путь в русской фольклористике, из которой сложилась его поэзия, так или иначе должен был соприкоснуться с поэзией и деятельностью великого испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки. Тот тоже вырос на отечественном фольклоре, собирал его всю жизнь и на основе народных сказаний писал свои знаменитые романсы. И даже создал студенческий театр и сочинял к представлениям в деревнях блистательные пьесы из народной жизни. Тут как не вспомнить студенческий нанотеатр «Шабер» и Матлинские экспедиции, стихи и его поэмы-сценки, сценарии и постановки народных праздников. Он был учеником Лорки, чей фольклорный язык оказался Михаилу близок.

Работая над этими воспоминаниями о М.Г. Матлине, приходилось, к сожалению, откладывать множество интересных фотографий из личного архива ученого. Все они посвящены ульяновским фольклористам и их работе: масленица, русская свадьба, кулачные бои, сами участники фольклорных экспедиций и народные сказители, деятельность экспериментальной фольклорной лаборатории при ульяновском педуниверситете и студенческого фольклорного клуба... Сложился уникальный фотоальбом. Если у кого появится желание и возможность издать его, мы охотно предоставим все многолетние материалы.

В добрый путь, новые собиратели и охранители духовного наследия наших предков, как напутствовал бы своих последователей мастер своего дела, исследователь и большой знаток неувядаемого дароцвета народной души Михаил Гершенович Матлин. Испытанный непроторенной дорогой к ней, как судьбой, уходя в легенду о самоотверженном фольклористе.

Уходя... уходя...

Он любил людей, особенно детей. У этого известного ученого в поздние годы была скромная мечта: стать зав. детским садиком. Может быть оттого, что много сотрудничал со школами и разными учебными заведениями. Может быть потому, что все мы в душе остаемся детьми. Может быть оттого, что потерял в детстве братишку. А может, потому, что дети лучше и добрее нас, взрослых. Никто не знает, что как бы трудно порой не жилось семье, Матлин неуклонно перечислял часть своей зарплаты в фонд детей, больных раком.

Душа его была открыта добру и состраданию. И он учил добру. Никому не отказывал в помощи, вставал на защиту попавших в беду. По жизни он был рыцарем.

«За людей, поющих гимны солнцу, я буду драться» – строчка из его стихов.

Он все отдал любимой работе и родному педагогическому университету. Проститься с доктором филологических наук Михаилом Гершеновичем Матлиным пришло много народу. На гражданской панихиде в университете зал был переполнен. Семье шли и шли соболезнования от тех, кто не смог присутствовать. На имя ректора ульяновского педуниверситета прислали свое соболезнование сотрудники отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. Проводить в последний путь своего Учителя приехали его бывшие студенты – фольклористы из разных городов и стран. В его последнюю экспедицию, из которой на этот раз не возвратится, как сказала его дочь.

Но память не умирает. Он оставил тепло своей души с нами, оставил нам свои блистательные научные труды, моно-

графии, книги и фильмы, свою любовь к родине. В них его жизнь продолжается.

Школьные друзья

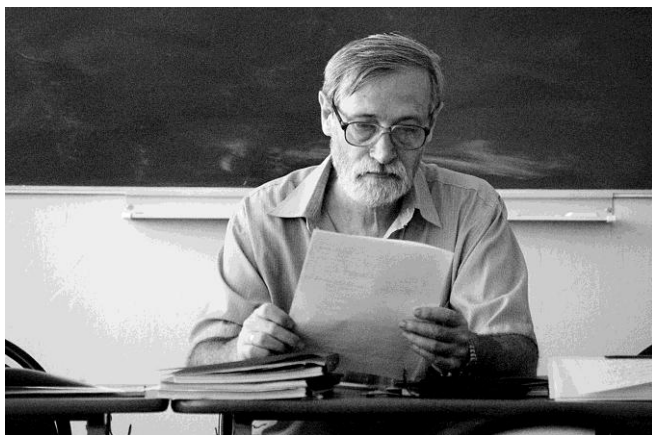
*Кольцовка, Сурский район, ФЭ-2007, 30.07.2007 г.
Дорога из Ждамирово в Кольцовку.
Матлин М.Г. и Цухлов А.Ю., ученик М.Г. Матлина*

*Паузы, Базарно-Сызганский район, ФЭ-2016 19.07.2016 г.
Сафронов Е.В., ученик М.Г.Матлина; местный житель,
один из лучших информантов; Матлин М.Г.*

*Помаево, Сурский район, поездка во время съёмок
фильма «Помаево – село, которого нет» 28.07.2012*

Университет, на экзамене пятого курса 30.06.2011 г.

Сухой Карсун, Карсунский район. Поездка в Карсунский район, «поездка одного дня» с посещением знакомых информантов, музеев, школ. Фото сделано на крыльце школьной хозяйственной постройки (кухня) 31.08.2011 г.

Содержание

Глава первая. Жизнь фольклориста	5
Глава вторая. Мемории	31
Глава третья. Новая книга стихов и поэм Михаила Матлина «Мои чертежи»	176
Глава четвертая. Из монографий М.Г. Матлина	232
Глава пятая. В гуще народной	288

МЕМОРИИ.

М.Г.Матлин: «ЖИЛ-БЫЛ Я...»

Редактор-составитель С.Матлина
Редактор-оформитель А. Тарасова

Издатель
Качалин Александр Васильевич
432042, г. Ульяновск, ул. Рябикова, 4.

Подписано в печать 21.01.2025.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая.
Гарнитура Times New Roman.
Усл.печ.л. 17,03. Заказ №25/009.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом
центре «Гарт» ИП Качалин А.В.
432042, Ульяновск, ул. Рябикова, 4.

ISBN 978-5-6053280-8-7

